

опустошитель

[иверсия курутьлы]

#33

хаос

Журнал «Опустошитель»
#33. Хаос
Москва, апрель 2021
292 страницы

Главный редактор Вадим Климов

Таинственная связь 48-летней продавщицы из хабаровского магазина игрушек с эффектным незнакомцем, вторгающемся в ее жизнь из микроволнового хаоса столицы. Их роман может оборваться в любой момент, и только 33-й номер вездесущего журнала «Опустошитель», успевшего запечатлеть начало столь курьезной истории, теперь займется ее финалом... В этом будут разбираться глубочайшие умы за пределами Хабаровска: от Ларса фон Триера до Стига Бьоркмана, от Витольда Гомбровича до Рэя Бредбери, от Миши Вербицкого до Конрада Гауча, от Бориса Березовского до Александра Проханова, от Нестора Пилявского до Ильи Рывкина.

Апрель 2021. Опустошитель #33 оживает скованный санитарными предписаниями мир романтикой хаоса. Береги свою респираторную маску, Татьяна.

ISSN 2219-5424

Опустошитель, 2021
<http://pustoshit.ru>

ж
у
р
н
а
л

О П У
С Т О
Ш И Т
Е Л Ь

#33. Хаос

Борис Березовский
Рэй Бредбери
Стиг Бьоркман
Миша Вербицкий
Конрад Гауч
Витольд Гомбрович
Евгений Долматович
Вадим Климов
Света Косогорло
Алексей Лапшин
Рене Адольф Шваллер де Любич
Дмитрий Николов
Данила Ноздряков
Нестор Пилявский
Александр Проханов
Илья Рывкин
Ларс фон Триер

**Москва
Апрель 2021**

ПОСЛАНИЕ ХАОСА

Мобильный телефон положили в микроволновую печь. Круглый поднос завертелся, телефон начал плавиться. Прежде чем умереть, он отправил сообщение на номер некоей Татьяны, продавщицы из отдела игрушек в центральном магазине Хабаровска.

Здравствуйте, милая Татьяна.

Я всегда хотел признаться, но никогда не решался, что влюблен в вас и ваш отдел игрушек. Я никогда не был в Хабаровске, а вы никогда не были в Москве. У меня осталось всего несколько секунд, чтобы признаться в своих чувствах. Нам не суждено увидеться и полюбить друг друга по-настоящему, а не заочно, но я счастлив, что перед смертью открываюсь перед вами. Больше у меня нет от вас никаких секретов. Я умираю со счастливой улыбкой. Помолитесь за меня, если будет время.

Вечно ваш Олег

P.S. Не отвечайте на это сообщение, Татьяна, я вряд ли успею прочитать.

Телефон Татьяны пискнул, она оторвалась от крохотного телевизора, который недавно принесли в отдел, и прочитала сообщение. Татьяна недоумевала, пыталась вспомнить этого Олега, но у нее не получалось. Кажется, за свои сорок восемь лет она не успела познакомиться ни с одним Олегом.

На всякий случай продавщица удалила сообщение, чтобы до него не добрался муж. Как бы, интересно, она объяснила ему смысл послания и свою непричастность? Наверно, никак.

Да, решила продавщица, она не смогла бы ничего объяснить мужу.

Перед глазами всплыло одутловатое лицо супруга. Стало противно. Какая роковая ошибка — выйти за муж за такого болвана. Но теперь уже поздно что-то менять. Татьяна связана по рукам и ногам общим жильем, совместными детьми и идиотским отделом игрушек, куда ее взяли благодаря мужу.

А как бы она хотела увидеть Олега!.. Наверняка у него одухотворенное лицо, обходительные манеры, тонкий, чуть вздернутый носик... Олег всегда гладко выбрит, от него не разит дешевыми сигаретами и пивом. Он добрый, внимательный и очень умный. Мечта любой женщины. К тому же Олег молод: ему нет и

тридцати пяти. И до смерти любит Татьяну — женщину без недостатков.

Продащица захотела перечитать послание Олега, но вспомнила, что только что его удалила.

— Старая маразматичка, — прошептала Татьяна и ущипнула себя за предплечье.

Кожа потемнела, образовался синяк, который будет рассасываться не одну неделю.

Какая же она глупая, подумала Татьяна. Глупая и недостойная такого утонченного красавца.

В отдел игрушек шумно ввалилась толстая мамаша с четырьмя детьми 3-х, 5-ти, 11-ти и 14-ти лет. Все пятеро ожесточенно спорили, размахивая руками. Татьяна приняла соответствующий продавщице вид, выбросив Олега из головы на несколько ближайших минут.

Конечно, ей хотелось еще немного погрезить, пожить в их несостоявшемся романе, но Татьяна сидела на работе, приходилось заниматься серьезными вещами, а не всякой чепухой.

Этим бы и оборвалась ее романтическая связь с Олегом, если бы не 33-й номер вездесущего журнала «Опустошитель», запечатлевшего начало курьезной истории, а финал... Что же с окончанием истории? В нем постараются разобраться глубочайшие умы за пределами Хабаровска:

от Ларса фон Триера до Стига Бьоркмана,
Витольда Гомбровича ☞ Рэя Бредбери,
Миши Вербицкого ☞ Конрада Гауча,
Бориса Березовского ☞ Александра Проханова,
Нестора Пилявского ☞ Ильи Рывкина.

Апрель 2021. Опустошитель #33 оживляет скованный санитарными предписаниями мир романтикой хаоса. Береги свою респираторную маску, Татьяна.

Борис Березовский
БУДТО ТРУП, ЦЕПЕНЕЕТ РАССВЕТ

В феврале 2003 года в Центральном Доме Литераторов прошел торжественный вечер в честь 60-летия Эдуарда Лимонова. Сам юбиляр сидел в Саратове по обвинению в попытке свержения государственного строя в Казахстане. На вечере присутствовали многие политики и поэты. С пламенной речью выступил Александр Проханов, он вручил нацболам банковский чек на 11 000 евро от Бориса Березовского для поддержки политзаключенных, а самому лидеру НБП — бутылку арманьяка 1943 года (Лимонов родился в 43-м). Освободившись, Эдуард Вениаминович распил с товарищами эту бутылку. Нацболы добро помнят и в 2006 году опубликовали стихи опального олигарха на страницах «Лимонки» (от 06.10.2006). Сделать это могли только отморозки — от Березовского в России отвернулись тогда все, он был в звании абсолютного зла.

Спустя пятнадцать лет не осталось ни Бориса Березовского, ни легендарной газеты «Лимонка». Нет больше Эдуарда Лимонова и бывших нацболов. Осталась только поэзия, которую мы републикуем в номере, посвященном хаосу.

Confusion¹

Моей замкнувшейся судьбы
Круги без квадратур.
Любые «если» и «кабы»
Ведут на новый тур.

Порывы ветра в сотни флейт,
И дождь стучит в окно.
Between the iron gates of fate²
Другого не дано.

¹ Смятение (*англ.*).

² Между железными вратами судьбы (*англ.*). Строчка из песни Питера Синфилда (King Crimson).

По Волге

Над мерным плеском волн
Склонились в Волгу горы.
Здесь плыл Степана челн,
Здесь, пресекая споры,

Царем себя назвал
Разбойник дерзкий Разин,
Богатых убивал
И забирал все сразу.

Крестьяне шли к нему
С мечтой про вольну волю,
Степану одному
Здесь отдавали долю.

Средь Жигулевских гор
Сокровища он прятал,
Собой и войском горд,
Но за разбой расплату

Не ждал так скоро он.
Конец его известен —
Царем он был казнен
В Москве на Лобном месте.

На смерть поэта

Не выбирал он пистолета —
Взял первый — возражений нет —
Потом поправил эполеты
И встал на свой рубеж поэт.

Вокруг тихи Кавказа горы,
Лишь в пропасти шумит река.
И вот — ни медленно, ни скоро —
С оружием поднялась рука.

Повторен многократным эхом,
В горах Кавказа выстрел стих.
Так дуэлянтская потеха
Закончила железный стих.

У камина

Туман промозглый за окном,
Холодная, чужая морось.
В былое верится с трудом —
Оно ведь с настоящим порознь.

Бросает отсветы камин,
Мелькает пламя над углями.
Сегодня вечером один
Я, не загруженный делами,

Налив себе бокал вина
И протянув к камину ноги,
Решаю, какова цена
Всей пережитой мной тревоги

И вспоминаю тех полей
В прожилках рек большую сушу,
И жар березовых углей
Мне успокаивает душу.

Свидригайлов

Будто труп, цепенеет рассвет,
И гнилой туман над Невою,
И курок взводишь твердой рукою,
И другой Америки нет.

Вспомни гнева их дни и года,
Благодарность в глазах их собачьих.
Пожелав на прощанье удачи,
Покидай Петербург навсегда.

Точки над «і»

Нелегко уходить уходя,
Впереди — лишь чужбина чужая,
Стоны ветра и струи дождя
Одиночки отход прикрывают.

На душе — холодок сентября,
Ничего так, как было, не будет.
Взвесит Бог все «во имя» и «зря»
И судом справедливым рассудит.

лелу куфуа

купил хризантем горького шоколада
и написал свой первый стих на киконго

лелу куфуа лелу кулека
кукутала киталатала
муну муана
куна калунга киланга
лелу куфула лелу китала

что приблизительно можно перевести:

сегодня умереть сегодня уснуть
о откройте зеркала
я дитя
я в пажити океана вглядываюсь
дышу ныне водами его

танго

я знал что луну называют нгонда
ты сказал мне что солнце танго
за нами следили твои соседи
и патруль каборонда
я питался только тобой и манго
ты говорил мне ю а май лэди
а я отвечал ту ми танго

~

i knew that moon was called ngonda
you told me about sun ~ is tango
when we walked we had to be ready
to meet the police is ~ cabo ronda
i ate only you ~ and ~ mango
you played the fool ~ you are my lady ~
and i answered ~ tu eres mi tango

kotti

в черной ночи
сродни
черной подземной глине
черные люди огни

гасят в моем берлине
черная месса черный собор
на станции kottbusser tor

черные музы
для черных стихов
им никого не жаль
я среди черных пупков
и лобков
в черном подземном гроте
белая рифеншталь
на станции kotti

я среди черных кудрей
алмаз
может быть эдельвейс
я среди мандрагор
это не третий рейх
это последний рейс
это мой первый раз
на станции kottbusser tor

черный берлин в ночи
черный лесочек
черная кровь кричи
черная почва
падает черный снег

м и к р о

на лица из черной плоти
ждет меня сверхчеловек
новый сверхчеловек
черный сверхчеловек
на станции kotti

мамангонда

мамангонда смотрит в мое окно
я лежу на спине мое чрево разрывается от желания
мамангонда
во мне роют свои ходы выходы
черви похоти и термиты времени
бледно розовые как
мамангонда
я чувствую жар мои руки
ищут спасения в воспоминаниях
член кишечника луна
мамангонда
в ожидании обязательной смерти
остаётся только лизать
влажное лоно
звёздное небо
детскую кожу
о мамангонда

мертвые любят выпить

~ чего ты такой тихий
чего ты такой грустный?

~ я умер разве не видишь

~ мертвые не лежат тихо
мертвые любят выпить
мертвые не лежат грустно
мертвые танцуют в лесу
мертвые шуршат в кустарниках
мертвые много курят
мертвые гуляют ночью
ходят по дну реки
мертвые ездят на шеях
на шеях живых людей
а ты лежишь тихо
а ты лежишь грустно
а ты лежишь под землей
вставай если ты мертвый

~ как же я встану корни
обвили мои ноги
как же я встану черви
сожрали мое сердце
как же я встану небо
забрало мою душу

~ а я налью тебе пошла
крепкого но не очень
налью тебе пошла белых
ром чёрных людей жжется
это огонь чистилища

йеее тогда ты и в самом деле
можешь уже не встать
плесну тебе чтобы выпил
йеее малафо нсесе
я дам тебе кукурузы
йеее сонго масонго
я дам тебе новой крови
йеее кименга менга
подкрепись и вставай давай поднимайся
пойдём танцевать в лесу

~ а как же моя душа

~ йеее господь небесный
отпустит твою душу
за пачку хороших листьев
отменного табака
такой не растёт на небе
теперь же вставай давай
поднимайся
пойдём танцевать в лесу

~ или на дне реки

пока не высохнет вода и не погаснет солнце

ке ланго квендо инфьюли и танго квендо эн лемба
что значит
пока не высохнет вода и не погаснет солнце
~
чёрные стихи будут жить
в чёрных телах
когда-то прежде они жили в белых телах
те белые тела носили чёрные мундиры
а чёрные стихи изнутри их жгли и кусали
чем вызывали ожесточение и жертвенность
провоцировали войны и карательные операции
так что в итоге белые тела не выдержали
сбросили свои чёрные мундиры
запретили свои чёрные мундиры
и тогда чёрные стихи легко вырвались наружу
и более ничем не сдерживаемые разлетелись по миру
и вот некоторые из них нашли себе новые пристани-
ща
в чёрных телах
куда более сильных и выносливых
чем белые
сколько их ни жги сколько ни кусай
они танцуют
разве что пот катится
и вот когда погасло солнце
и высохла вода
чёрные тела стали понемногу умирать
падать на землю
сворачиваться и рассыпаться
под острыми клювами стервятников
которые искали внутри чёрных тел
хоть какую-то остатку влаги

то есть кровь
и находили ее и пили ее вместе с растворенными в ней
чёрными стихами
бако маимбе посо деле
никого не было уже на земле
только суховей носился по опустошённой ее поверхно-
сти
когда я обнаружил в одной из пещер яйцо
это было яйцо стервятника
и в нем оставался самый последний чёрный стих

с черного входа

я вошёл в тебя с чёрного входа
поскольку парадного у тебя не было
внутри тебя было влажно и жарко
как в тропиках
красное болото надувалось и опускалось
тесно змеились вены-гидры
далекое где-то в вышине
содрогалось твоё солнце-сердце
воздух стал свистом
я сделал несколько неуверенных шагов вперёд
и в этот момент меня накрыл дождь

онианкапон

я от бабушки ушёл и от дедушки ушёл
и от мальчика ушёл и от девушки ушёл
и от трампа ушёл и от путина ушёл
и от ницше ушёл и от хайдеггера ушёл
и от уголовной ответственности ушёл
и от ответствования на неудобный вопрос ушёл
и от того чтобы уйти в себя тоже ушёл
и даже от лисы ушёл

а к богу так и не пришёл?

26

а это никак не возможно по той простой причине
что он тоже от всех ушёл
и поэтому катимся мы вместе
меня зовут gottmituns
а иногда godwetrust
а бога зовут онианкапон
и он от всех ушёл намного раньше чем я
ещё в те времена когда жил поблизости от людей
пребывая как бы облаком окрест
немного наверху над головами их висел
так близко близко от людей
что когда одна старуха
толкла в своей глубокой ступке ямс
все время ручкой пестика
брала и задевала
нечаянно конечно
зад онианкапона
тогда он разозлился и ушёл
взлетел возвысился над грешною землей
а дети той старухи поплакали немного и сообразили
собрали какие только были в их деревни ступки

и ступки эти друг на друга водрузили
старуха же кричала снизу
давай давай достань его сюда
но ничего не получалось
и вот старухино потомство схватило ступку
на которой все другие ступки
этой конструкции стояли
чтоб водрузить её на ту что сверху
чтобы дотянуться
и вот тогда б они достали
их бога онианкапона
и вот тогда б от них он не ушёл

но тут со страшным грохотом
все ступки рухнули на землю

и он!

~ от всех ступок ушёл
~ от всех уступок ушёл
~ всех старушек ушёл
~ от всех детишек ушёл
~ и от меня бы подавно ушёл
если бы я сам от всех не ушёл
даже более подавно чем
ушёл он сам

так катимся мы по лугам и долам
по кисельным берегам
по дорожным ямам
по светлому небу
по сырным дырам
по ноздреватому хлебу
по круглоротым чашкам
по грязным ушкам
по нежным ляжкам
и по интернет страницам
и по книжным страницам
и по страницам ваших жизней

Я И ОН

Я И ОНИАНКАПОН

нигде

снилась шпрее
полная гиппопотамов
как река похожа на усталость
на усталость же похож и март
в этом мире все похоже на усталость

тропик волопаса
сновиденье
марширующий из призраков штандарт
пальмы на шарлотенштрассе
коршун в крыше
в сумрак убегаящий гепард

всем чужой и старый
глупой тенью
движусь в папоротниках
среди руин
в поиске
в разрушенных соборах
под землей и под водой
и под рекламой
и по длинной трассе
и в воронках
и в кавернах лиц

никого нигде
гепард берлин

питомник спящих крокодилов

крокодилы или носороги
спросила меня на входе сотрудница зоопарка
я не раздумывая выбрал крокодилов
и последовал новый вопрос
а вы читали инструкцию
вы знаете что они сейчас спят
и что их нельзя будить
вы знаете как там ходить
чтобы не разбудить крокодила
вы в курсе что если разбудить крокодила
то он будет вынужден вас сожрать
а иначе подохнет от стресса
вы понимаете что ни то ни другое нашему зоопарку
совершенно не нужно
в обоих случаях у нас будут проблемы
я ничего не знал
я ничего не читал
я ничего не помнил
но я уже заплатил за билет
и мне надо было чем-то занять себя
до половины шестого
она взяла меня под руку и повела к питомнику кроко-
дилов

разъясняя по дороге
как надо вести себя среди аллигаторов
а как среди кайманов и гавиалов
манера двигаться
строжайший режим
ритм
правила безопасности
цвет одежды
поступь

выраженье лица
когда мы дошли я задал ей вопрос
который мучал меня уже вторую неделю
скажите вам никогда не приходила в голову мысль
что прожить жизнь никого не убив это ещё нелепее
чем умереть девственником
сотрудница зоопарка пожала плечами
и втокнула меня в двери питомника
у вас полчаса
всего хорошего
приятной экскурсии
но в глазах ее читалось другое
о ну с этим типом у нас точно будут проблемы

сто евро

если плывешь по течению
смесишь крокодилов
сказал мне старик-африканец
если плывешь против течения
смесишь крокодилов
добавил он помолчав
я спросил с тоской о розовом конго
как же добраться до берега
до другого берега этой реки
~ легко ~
ответил старик-африканец ~
легко миновать реку слез
если плыть не по течению и не против
а поперек
но плыви только тогда когда
крокодилы будут плакать
доедая людей
которые их насмешили
~ и он протянул мне ветвь тамариска ~
этим можно отгонять комаров
стоит сто евро

раковина и шимпанзе

он был тельцом она близнецами
он был лошадю она драконом
он был самцом шимпанзе
она же раковиной улитки
он нашёл её на берегу океана
и спас от надвигающейся волны
хотя она ни о чем таком его не просила
они часто ссорились по самым разным причинам
и тогда он бросал её на голые камни
но она ничего не чувствовала
пока однажды не раскололась
к тому времени его собственное сердце
было разбито вдребезги
он наступил на осколки раковины
и пошел прочь
залез на пальму
и до самого заката
вынимал из стопы перламутровые занозы

black lives

вы мечтаете о прекрасных принцессах и прекрасных
принцах

а я о прекрасных слугах

~

my servants would be black
because black lives matter
because black bodies are the most beautiful

~

потому что я люблю всё красивое

карма

я многое изучил
антропософию орфические мистерии схоластику
квантовый переход
но так и не нашел ответа на свой главный духовный
вопрос
что надо делать в этой жизни чтобы в следующей ро-
диться красивым

и стать шляхой
а лучше порно-актером

~

говорят что ответ на него
знает один единственный гуру
самый мудрый из всех
живущий в самой далекой гималайской пещере

~

нет не хочу ехать в индию
это слишком цветная страна
от пестрого мне становится плохо
я останусь в берлине
в гёрлитцер парке рассыпался
млечный путь кокаина
горячие угли губ
бездомные дикари
заселившие разбитую кирху
а поиски мудрости
продолжу потом
в следующем воплощении

гаванские сутенеры

в гаване сутенеры надиктовали мне много стихов
они размахивали бумажными цветами и рекламирова-
ли своих работников

в поэтической форме
впрочем каких работников
это были их друзья и родственники иногда даже жены
и дети

они разбрызгивали морскую пену и говорили
по ту сторону набережной
бушевал океан неравенства эксплуатации и капита-
лизма

куда нагрянувший шторм смысл все записанные мной
стихотворения

36

одно я успел спасти
его сочинил парень в майке с изображением че гевары
ты знаешь если однажды попробуешь секс с парнем то
потом уже не остановишься и девушки тебе разонра-
вятся это правда и то же самое с неграми если ты тра-
хался только с белыми парнями или там с азиатами а
потом однажды перепихнулся с чернокожим то считай
что прежние утехы тебя больше не заинтересуют и те-
перь придётся охотиться только на таких ну или я могу
объяснить это иначе вот представь что ты ебешь де-
вушку ну ок ничего такого а теперь представь что ты
ебешь парня уже что-то ага а теперь представь что
тебя ебет девушка а теперь представь если тебя ебет
парень ну ты понял разницу да схватил мысль да а те-
перь представь что разница между еблей с девушкой и
еблей с парнем такая же как разница между еблей с
парнем и еблей с негром короче негр это как бы от-
дельный пол такие дела бро

Вадим Климов
**МНИМЫЕ КОРНИ
 РАЗНЫХ МНОГОЧЛЕНОВ**

Шесть лет назад Верлет окончила школу и вдруг получила письмо от министра образования города Лаврентьевск.

Здравствуйте!

*Праздный, никем не вдыхаемый больше воздух.
 Ввезенная, сваленная как попало
 тишина. Растущая, как опара,
 пустота.*

— И. Бродский

Ввиду вскрывшихся обстоятельств настоятельно рекомендую вам не затягивать с работами и поскорее их сдать. Как можно скорее, так как обнаружилось, что вы не написали ключевую контрольную работу по алгебре. Тема, к которой вы должны подготовиться — «Мнимые корни разных многочленов». Обязательно найдите учебник по алгебре за 10-й класс и прочитайте главу 11, в ней все изложено. Поэтому приезжайте как можно скорее в школу и пишите контрольную. Без нее ваша годовая аттестация по алгебре аннулируется. А следом аннулируется и диплом об окончании школы. Не знаю, учились ли вы после школы, но без диплома о среднем образовании вся ваша учеба тоже аннулируется. Посему вам нужно срочно явиться в школу и написать контрольную по теме «Мнимые корни раз-

ных многочленов». Ждем с нетерпением и желаем удачи.

Ваш министр образования Утукин Э.Э.

Верлет отправилась в книжный магазин, где быстро прочитала главу 11 учебника по алгебре за 10-й класс. Заодно купила 10-й номер «Опустошителя», посвященный детству известных алгебраистов, таких как Ролан Топор, Жорж Пердец, Александр Дулин и прочих, прочих, прочих. Затем села в трамвай, идущий в Лаврентьевск, и через сорок пять минут вышла на остановке у своей школы.

Правда, было уже почти четыре часа. Дети разошлись по домам, Верлет не нашла даже охранника. Она прошлась по первому этажу от одной раздевалки к другой и поняла, что совершенно забыла расположение кабинетов. Девушка не помнила даже, где находится учительская.

Зато Верлет нашла расписание с подробной информацией о том, когда, у кого и где проходит тот или иной урок. Методом исключения она вычислила кабинет учительской (в нем не проводилось занятий) и, окрыленная интеллектуальной победой, ринулась на его поиски.

Однако радоваться было рано. Номер нисколько не помог в поисках. Верлет долго таскалась по пятиэтажному зданию, ища учительскую, скрупулезно изучая расположение кабинетов.

Наблюдения девушки можно изложить так:

1. Кабинеты нумеруются по вертикали, начиная с самого крайнего на пятом этаже. Это кабинет №1. Располагающийся под ним на четвертом этаже кабинет — №2. И так далее до 5-го кабинета на первом этаже. Кабинет №6 — соседний с 1-м и тоже на пятом этаже.

2. Кабинеты третьего и четвертого этажей нумеруются иначе, так как школа сдает их Ду-

ховной Академии при Профсоюзе лаврентьевских бухгалтеров. Используются незанятые номера, к которым добавляется окончание `бис`. Например, кабинет №3-бис находится на третьем этаже в самом центре. Это женский туалет.

3. Из-за постоянного перестраивания расположение кабинетов различается от этажа к этажу. Границы кабинетов варьируются. Помещения дробятся, сливаются, объединяются с частями соседних помещений или вовсе исчезают в зависимости от нужд учебного процесса.

4. Этажи соединены сложной системой лестниц. Попасть с первого на пятый этаж можно 720-ю способами. При этом нет лестницы, соединяющей все здание. Попасть с одного этажа на другой — увлекательное приключение.

5. Помимо действующих лестниц есть лестницы мнимые. Они как бы присутствуют, но пользоваться ими нельзя в силу разных причин: скользких наклонных ступенек, на которых нельзя удержаться, отсутствия перил, отсутствия целых фрагментов и так далее.

6. Этажи разбиты на сектора глухими стенами. Нельзя одолеть ни один этаж, хотя бы раз не уткнувшись в тупик. Это принуждает постоянно пользоваться лестницами. Скажем, идя по второму этажу, вы натываетесь на тупик, поднимаетесь на третий этаж, но в секторе, где вы оказываетесь, нет лестницы вниз. А если и есть, то ведущая сразу на первый этаж — попасть с ее помощью на второй невозможно. Следует подняться на четвертый этаж или спуститься на первый и только после этого искать лестницу на второй этаж, ведущую в тот отсек, который вам нужен.

Верлет таскалась по школе не меньше полутора часов, прежде чем нашла нужный кабинет — учитель-

скую. Из него как раз выходили учителя, в которых Верлет через какое-то время узнала бывших одноклассников.

Одноклассники сообщили, что идут на контрольную по алгебре. Все они тоже не писали работу по мнимым корням разных многочленов. Контрольная начнется через три минуты в кабинете номер 44-бис-бис.

— Но я не встречала кабинета №44-бис-бис! — воскликнула Верлет.

— Мы тебя проводим, — успокоили ее одноклассники.

Они, словно никогда и не покидали стен школы, прекрасно ориентировались в нумерации и системе межэтажных переходов. Без одноклассников Верлет искала бы нужный кабинет черт знает сколько, а одноклассники в мгновение ока спустились сначала на первый этаж, затем еще ниже — на цокольный, существование которого намертво выветрилось из памяти девушки.

Там, в кабинете №44-бис-бис, их уже ждал учитель. Немошный старик, который таскался полутрупом еще во время обучения Верлета. Теперь же он и вовсе превратился в ветхую мумию, едва не рассыпающуюся на глазах.

Перед партами сидел супруг сестры Верлета, так называемый зять. Его наняли специально для контрольной. Ученики, которых ископаемое, исполняющее функции учителя, вызывало по одному, приближались к зятю Верлета и, покопавшись в его раскрытом рту, вырывали зуб, корень которого считали мнимым.

Верлета вызвали последней, когда у зятя остался единственный зуб, который девушка и вырвала, упершись ногой в подбородок бедолаги. Зять, пребывающий в полуобморочном состоянии, потерял сознание от боли: последний зуб держался на действительноном корне, а не мнимом.

Но девушке все равно поставили «отлично». Мудрое ископаемое рассудило, что у нее не было выбора: про-

видение не оставило шанса вырвать правильный зуб, так как зубов с мнимыми корнями не осталось.

Так Верлет сдала контрольную, годовая оценка по алгебре не аннулировалась, а следом за ней не аннулировался и диплом о среднем образовании. Девушка так обрадовалась, что без посторонней помощи отыскала нужную лестницу, поднялась на первый этаж в сектор с выходной дверью.

Она выскочила из школы в тот момент, когда подошел трамвай. Сбежала по ступенькам, забежала по ступенькам — и через сорок пять минут была дома. Счастливая, как человек, запросто разобравшийся с необязательной проблемой.

Через несколько дней Верлет получила второе письмо от лаврентьевского министра образования.

Здравствуйте еще раз!

Прошлый эпиграф совершенно не подходил к письму, поэтому я его удалил. Поздравляю, вы сдали контрольную работу на «отлично». Лаврентьевск гордится такими выпускниками, как вы. Сам я уже не помню, что такое мнимые корни и зачем они нужны, но искренне преклоняюсь перед людьми, которые помнят. Ваша аттестация прошла успешно, вы больше не висите на волоске, город не отнимает у вас диплом об окончании школы. Не знаю, учитесь ли вы где-нибудь или работаете в лаврентьевском супермаркете, но теперь вы можете быть спокойны. Школу вы все-таки окончили.

P.S. Извините за чересчур наставительный тон прошлого письма. Дело в том, что раньше я работал воспитательницей детского сада и еще не полностью избавилась от прошлых привычек. Пардон, не избавился.

*По-прежнему ваш министр образования Утукин
Э.Э.*

Данила Ноздряков МАЛЬЧИК И СМЕРТЬ

Николенька очень любил ходить с бабушкой на похороны. У бабушки было много старых подруг, умирали они часто, и недостатка в похоронах Николенька не испытывал. На кладбище его, правда, не брали — трясущаяся санитарка с гробом во чреве, скрытом от внешнего мира пыльными занавесками, красный автобус и несколько легковушек уезжали без них. Бабушка брала его за руку, и они шли домой. Так что правильнее сказать, что Николенька ходил на прощание, а не на похороны. Но *прощание* было непонятным словом. Прощаться можно только со знакомыми. Большинство бабушкиных подруг Николенька видел в первый и последний раз.

— Вот и схоронили Лизавету. Шебутная баба была. Учётчицей в колхозе у нас работала. Бывало, придут с подружками в избу, и давай семечки грызть. Так до полночи грызём и лясы точим. Раньше-то плевали прямо на пол. Пока шелуху всю выгребешь, уже и корову в стадо выгонять надо, — говорила на обратном пути домой бабушка.

Николеньке не хотелось домой. Николеньке хотелось на кладбище. Много раз он просил бабушку рассказать, что там происходит. И как по горсти земли в могилу кидают, и как жёлтый восковой лоб покойника целуют. И как гроб в яму кладут. Николенька уверял, будто видел по телевизору, как деревянный саркофаг спускали с горки по специальным рельсам. Чтобы он не грохнулся и не разбился. И труп не вывалился из него на сырую землю. Без гроба ведь мёртвый человек, что живой без одежды. Нагишом.

— Ни в жизни такого не видала. Мож, за границей где? Они там любят всякое эдакое. У нас на полотенцах спускают. Давеча когда Пану хоронили, гробом по земле стукнули. Ашедно хрустнуло там что-то. Страх такой был, — припоминала бабушка.

— Вдруг она живая была и выбраться хотела?

— Ну, ещё. Скажешь тоже. Невезучая она была. И муж у ней непутёвый попался. К замужней одной шастал всё. Через это и погиб. Убили его братья женщины той и у железной дороги бросили. Но тебе не надо это-го знать, мал ещё.

Николенька и не слушал бабушку. Стоило покинуть интересующую его тему, как внимание мальчика становилось привычно рассеянным.

У покойных бабушек на окнах занавески белые висят. Столы покрыты кружевной скатертью. Чистота и порядок. А кухонные столы покрыты клеёнкой. Всегда разной. Можно фрукты с овощами разглядывать в белых квадратах. Можно птиц со сказочным оперением искать в зелёных геометрических узорах.

Они делят с бабушкой одну комнату на двоих. С самого его рождения так было. Дубовый комод, похожий на голову Черномора, венчала огромная ваза с ещё более огромным букетом сухих цветов. Словно шишак на шлеме богатыря. По ночам сухой букет превращался в страшную хищную птицу. Николенька видел, как она махала крыльями, но почему-то не решалась подлететь к нему поближе. Если бы подлетела, то съела бы его. И к стенке нельзя отвернуться, чтобы спрятать глаза от птицы. Узоры на ковре изображали раскрывших в немом крике грешников. Кричали они от боли и страшных мук. Они даже днём страшными были.

— После смерти Бог собирает всех на великий суд и решает, кому куда отправиться. Праведные на небо идут. Оттуда на родных смотрят и жить им помогают. Грешники, кто плохо вёл себя, будут вечно мучиться в геенне огненной, — рассказывала бабушкина подруга из соседнего подъезда.

Но мучились они не в геенне огненной, а на ковре, висящем на стене у Николенькиной кровати.

У бабушкиных подруг много расставлено старых фотокарточек на полках. Люди с серыми лицами изучающе смотрели на Николеньку. Взгляды говорили: «Только попробуй к нам прикоснуться — будешь сразу же испепелён нашей силой». У Валентины Захаровны много фотокарточек людей в военной форме. Строгие тела стянуты ремнями, вольные волосы спрятаны под фуражками с лакированными козырьками. Бабушка из всех умерших знакомых только Валентину Захаровну называла по имени и отчеству.

Валентина Захаровна была женой бабушкиного брата. У обоих это был второй брак — взрослый и ответственный, как партийная работа, без совместных детей. Познакомились они на фронте. Он лётчиком был, она — санинструктором. Позвякивали медали на красной бархатной подушечке. Оркестр резко грянул похоронный марш — Николенька и испугаться как следует не успел. На двух табуретках стоял гроб, в гробу лежала Валентина Захаровна. Она и после смерти оставшаяся прямая и строгая, как штык или чёрное платье, к ней подходили люди с красными гвоздиками в руках. Николеньку не подпустили.

Головы всех бабушкиных подруг были укутаны в платочки. Голову Валентины Захаровны обмотали чёрной косынкой. Нинка, дочка усопшей, вздыхала и жаловалась Николенькиной бабушке:

— Она ведь неверующая была, сама просила, чтобы безо всякой поповщины. Насилу уговорили её на отпевание, косынку она сама просила надеть.

— Идейные они, партийные. От Виктора Семёновича-то нашего одна подшивка газеты «Правда» осталась в сарае. Другие машины покупали и мешки добра всякого хранили, а наш... — и бабушка махнула рукой.

— Земля на небо натолкнётся, и настанет гибель всему живому. Мёртвые восстанут из могил, и Господь всех призовет на суд, где каждому воздастся по заслу-

гам, — пророчествовала бабушкина подруга из соседнего подъезда.

Она сидела на бабушкиной кровати и оставляла после себя неприличный запах на покрывале. Николенька нюхал его после ухода старухи. Морщился от отвращения, но продолжал наслаждаться зловонными миазмами.

Мертвецы обычно жёлтые в гробах лежат. Валентина Захаровна и тут отличилась. Николенька с бабушкой однажды приходили к ней, когда она ещё была жива. Валентина Захаровна потчевала подгорелой яблочной шарлоткой и угостила Николеньку несъедобными конфетками, похожими на недоваренное пельменное тесто. И в гробу она лежала белая как эти конфеты.

Бабушка рассказывала, что новорожденного Николеньку застал Виктор Семёнович, но Николенька решительно этого не помнил. Умрешь, думал Николенька, и совсем ничего не будешь помнить. Не помнил Николенька, как жил у мамы в животике, как ползать учился и ходить, как с бабушкой познакомился и даже, что ему сегодня снилось, не помнил. И Виктора Семёновича не помнил. Может, когда рождается человек, он тоже умирает в прежнем виде?

Валентина Захаровна жила в большом белом и старом доме с колоннами. Колонны — прямые и строгие, как Валентина Захаровна. Квартира Валентина Захаровны была большой, до потолков не дотянуться даже со стула, поставленного на стол. Маленькому Николеньке было неудобно в её доме, и оттого он чувствовал какой-то смутный восторг. Подъезд с витражами, похожий на дворец или двери в их садике, широкие ступеньки, на которых Николенька чуть не упал.

Был только один изъян в правильной внешности Валентины Захаровны — чёрное пятно над губой. Бабушка сказала, что это родинка и что нехорошо такие вопросы задавать. Над колоннадой дома Валентины Захаровной была такая же родинка, открывающая на

всеобщее обозрение кирпичную кладку. Возле дома с колоннами и по всей улице росли старые тополя.

— Пуху-то тополиного, пуху. Земля будто саваном укрыта. Тебя, Валентина Захаровна, укрывает.

— Бабуль, а что такое саван?

— Саван? Это такое белое покрывало. Им покойников во гробу укутывают.

— А почему Валентину Захаровну в саване не укутывали?

— Не знаю. Сейчас не принято стало. Забыли все традиции.

Николеньке очень хотелось поджечь тополиный пух, саван Валентины Захаровны. Вместо спичек бабушка ему предложила мороженое.

Николенька откусывал от мороженого большие куски. Зубы сводило от холода. Но самое страшное было случайно оторвать кусок бумаги, в которую заворачивалось мороженое. Отвращение проходило по всему телу от одной даже мысли.

— Вот и меня скоро не будет. Совсем ничего осталось. Три татарские песни и буду на кладбище.

Всё-таки лучше бы ему дали спички, чтобы поджечь пух.

Сколько себя помнил Николенька, столько бабушка собиралась помереть. По ночам она тяжело дышала, охала и ахала. Наутро жаловалась: «Всю ноченьку не спала». Отведя Николеньку в садик, прикладывалась на кровать подремать немного. Немного растягивалось до вечера с перерывами на обед, поход за Николенькой в садик и в магазин.

Но теперь бабушка всерьёз собралась покинуть их общую с Николенькой комнату. Она совсем перестала вставать с кровати. Даже чтобы посидеть вечером у двора на лавочке и обсудить все важные события с другими бабушками. Охала и ахала не только ночью, а целыми днями напролёт. В школу отводила мама. Она почему-то всегда злилась и почти не разговаривала с ним.

— Чем бабушка заболела?

— У бабушки рак.

— Но рак — это же животное. Как им можно болеть?

— Есть и болезнь такая. Слова просто одинаковые.

— Бабушка выздоровеет?

— Ты можешь хоть немного помолчать? Или тебе обязательно всю дорогу рот раскрывать? Ты уже школьником стал, тебе об уроках нужно думать.

Николеньке представлялось, что в бабушке сидит рак и клешнями хватает её за сердце, желудок и другие органы. Его мысли подтверждали бабушкины слова.

— Всё в нутре так тянет и тянет. Спасу нет. Может, поставите мне ведро у койки?

— Это зачем ещё?

— На двор мочи нет бегать. А так бы тут все свои дела делала.

— Мама, ну вы издеваетесь? У меня тут с вами ребёнок, между прочим, живёт. И он что всем этим будет дышать?

— Это вы надо мной издеваетесь. Не даёте дожить до смерти.

И бабушка ползком добиралась до туалета.

А у бабушкиной подруги из соседнего подъезда была своя версия того, что происходит с бабушкой.

— Время её пришло. У Бога есть книжка, где записано, кому и сколько жить отмерено.

У бабушкиной подруги выпирала нижняя челюсть. Николеньке казалось, что у бабушкиной подруги два ряда зубов внизу. Или она хлебные крошки про запас хранит за челюстью.

— Когда бабушка умрёт, она на третий день к тебе в окошко прилетит постучаться. Ты не бойся её. Открой форточку, покорми хлебушком и дай воды напиться. Она потом за тебя у Господа нашего будет счастья и хорошей жизни просить.

Николенька не боялся. Ему хотелось, чтобы бабушка быстрее умерла.

У Николеньки как раз был день рождения, и он загадал желание. Когда он откроет с утра глаза, бабушка будет мертва. Его возьмут на кладбище, потому что не с кем оставить дома, и потом он покормит прилетевшую бабушку куском белого хлеба. Размечтавшись, Николенька не заметил, что на соседней кровати прекратились оханья и аханья. В комнате повисла такая тишина, что слышно стало, как похрапывает мама. Гробовая тишина. Страшная птица перестала крыльями махать. И грешники на ковре замолчали.

— Мапочка, — что есть духу крикнул Николенька. — Бабушка, кажется, наверное, совсем немного умерла.

— Батюшки мои, Николенька, ты что такое говоришь? Жива я, жива, — отозвалась бабушка.

Она умерла только под утро. Мама плакала и постоянно куда-то звонила. Даже проследить, умылся и почистил ли Николенька зубы, забыла. Сына, чтобы не мешался, отправила на улицу. Николеньку обычно не выпускали одного, но тут такое дело.

— А я бабушку убил! Я бабушку убил! — весело повторял Николенька, раскачиваясь на качелях.

— Что ты несешь, дурачок? — возмутилась взрослая девочка Жанна с причёской каре.

— У меня бабушка умерла сегодня, — ответил Николенька.

— Люди плачут в такие моменты жизни, — продолжала возмущаться Жанна.

— Она ко мне скоро придёт, и я её покормлю. И снежок из земли слепаю, и кину в могилу.

— Дурак малолетний.

Бабушку не возили в морг, слишком старая была. Приходил высокий мужчина в маске из похоронного агентства. Выгнал всех из зала, где на мамином диване лежала бабушка, сказав, что соглядатаи ему не нужны.

— Вечером маску поменяете, потом ещё с утра. Подставьте тазик, чтобы было, куда стекать. Форточку не открывайте. И да, благодарить меня не нужно. До

свидания тоже не надо говорить. Прощайте. Надеюсь, больше не увидимся, — быстро взял деньги и ушёл.

Бабушку похоронили уже на следующий день — боялись, что в жаре она долго не протянет. Николенька радовался, что бабушку не повезли на вскрытие. Вдруг врачи бы тогда догадались, что это он её убил. Врачи умные, говорила бабушка, знают все болезни и лекарства, поэтому никогда не болеют и, скорее всего, не умирают.

Николенькина радость длилась недолго. Первое разочарование постигло его с утра. На кладбище его снова не возьмут. С ним посидит бабушкина сестра. Остаться с ней Николеньке не хотелось: она постоянно причитала, спрашивала, нравиться ли Николеньке ходить в садик и удивлялась, что он уже первоклассник. Пахло от неё рыбой. И угощения, что она приносила с собой, пропахли рыбой.

От бабушки хорошо пахло всегда. Даже когда она в гробу лежала. Сладким от неё пахло. Она объясняла это тем, что ела только белый хлеб. Николенька понимал, что душа из неё с таким запахом выходит. И в рай полетит, потому что души грешников плохо пахнут. Но перед раем она залетит через три дня к нему.

И тут Николенька задумался. С какого времени ему отсчитывать три дня — с той ночи, как он умертвил бабушку, или со дня похорон?

— Ой, беда-то какая, беда-то какая! Померла наша Машенька, пожить бы могла ищцо немножко!

Если со дня смерти, то третья ночь наступит уже этой ночью. Но это, если считать, что бабушка умерла ночью и учитывать первую ночь. А что если она умерла уже с утра? Тогда третья ночь будет завтра. По математике у него было всё отлично, но задача выходила сложная. С отсчётом от похорон выходило ещё сложнее. Три ночи подряд выдержать бы не получилось.

— Николенька, скучаешь без бабушки, наверное?

— Не скучаю.

— Нравится тебе в садике?

— Я уже в школу хожу!

— Да?! И в каком классе учишься?

— Во второй перешёл.

— Ты смотри, как быстро время летит. Машенька радовалась, небось. Жалко, не увидит выпускного, жены твоей и детишек. Могла бы пожить.

Потом бабушкина сестра помыла полы, помыла посуду, улеглась смотреть телевизор и уснула. Чуть не проспала поминки в столовой «Весна», куда она должна была приехать с Николенькой. Николенька решил не спать всю ночь и ждать бабушку.

— Машенька горох очень любила. И лук варёный любила. Выловит целную луковицу из щей и съест. Ашедно причмокивала, — не унималась на поминках бабушкина сестра.

Никто не любит варёный лук, думалось Николеньке. И каша гороховая похожа на результат несварения желудка. Он на поминках похлебал чуть-чуть лапшички постной. От каши гороховой отказался и к рыбе костлявой не притронулся. Блины пресные он ел без мёда, а кутья ему казалась похожей на глазастое внеземное существо и напрочь отбивала аппетит. В сладком пирожке с курагой попаласть косточка, лишившая Николеньку шатающегося молочного зуба, в стакане с компотом плавал волос.

— Вот и схоронили бабушку. Прости нас, если провинились перед тобой, — сказала мама по возвращении домой.

Николенька думал о другом. И не мог сдержаться, чтобы не сообщить:

— Мама, я сегодня всю ночь спать не буду.

— Почему?

— Не хочу. Я перед сном умоюсь, чтобы взбодриться и не уснуть.

— Если ребёнка умыть, то он ещё быстрее уснёт.

— А вот и неправда. Тогда с утра бы не умывались.

— Тоже верно, — мама щёлкнула зажигалкой и закурила. — Если тебе страшно спать, то переночуй со мной в комнате.

— Я не боюсь. Я просто не хочу спать сегодня.

Странно, но обычно мама не отличалась благосклонностью к Николенькиным затеям. Почему-то в этот раз решила не спорить.

Николенька до красна растёр себе лицо полотенцем. Чтобы не уснуть, он решил легонько щипать левую руку между большим и указательным пальцем. Нужно было дожидаться, когда выключится телевизор и уснёт мама, чтобы пробраться к холодильнику за хлебом и молоком.

Николенька лежал с открытыми глазами. Хищная птица махала крыльями и с каждой секундой подлетала всё ближе. Николеньке показалось, что она уже готовится схватить его своими острыми когтями. От страха он зажмурился.

«Нет, так дело не пойдёт, — по-взрослому рассудил Николенька. — Так я точно усну».

«На другой бок без толку переворачиваться. Там эти с открытыми пастями орут. Лучше я буду с закрытыми глазами думать. В школе никто не спит, потому что там все думают».

Николенька стал представлять встречу с бабушкой.

Бабушка прилетела верхом на своей клюке, которую она называла клюшечкой. Она совсем не изменилась, только прозрачной стала. Сквозь неё было видно стену, кровать, календарь с иконой Казанской Божьей матери на следующий год. Только птица улетела, видимо, испугавшись бабушки.

— Бабушка, тебе не страшно по небу лететь?

— Страшно было, когда от тела отлетела. Будто Фантомаса встретила, — на этих словах Николенька улыбнулся. — Но потом привыкла. Я, чай, не из робкого десятка.

— А где ты всё время это, бабушка, жила?

— Да тут по соседству. Подружка меня приютила. Помнишь, заходила ко мне? Ты ещё после неё койку нюхал.

— Я так не делал, бабушка!

— Делал. Я — мёртвая, меня не обманешь. Я, рай, не вижу, что ты — срамник. В трусишках вечно ходишь, и болгается у тебя там.

— Бабушка, я больше так не буду.

— Не делал, не буду. Заладил. Разумеется, не будешь. Она ко мне ходила, а к тебе, бесстыднику такому, не придёт. Ты мне лучше скажи, зачем ты бабушку свою укокошил?

— Я не укака... не укоко...

— Кака-коко, тьфу! Э-хе-хе-хе, я же тебя любила, не обижала никогда, с пенсии лимонад покупала. Что я тебе, паразиту окаянному, плохого сделала? Внучок, называется.

— Я не хотел. Я просто хотел посмотреть...

Николенька чувствовал, как на глазах выступили слёзы. Глаза щипало, и он ещё туже зажмурился, чтобы солёная вода стекла.

— Посмотреть он хотел. Посмотрите на него, на наблюдателя эдакого, люди добрые.

Николенька увидел, как кричащие грешники на ковре закрыли рты и стали осуждающе покачивать головами, глядя на него.

— Ну, посмотрел?

— Бабушка, я тебе покушать принёс. Хлебушка, как ты любишь.

— Несладко мне его сейчас кушать. А луковичку варёную я бы охотно съела.

— Нету у меня луковички варёной. Я тебе хлеб и молоко припас. Луковочку обязательно тебе добуду, если завтра прилетишь.

— Насмешил. Завтра. Хлеб и молоко. Ещё бы кашу гороховую мне поставил. Сразу видно, как ты бабушку ценишь, воспитавшую тебя и мать твою неблагодарную. Я вот сейчас возьму и голову твою съём. Она такая же сладкая и мерзкая, как луковица варёная.

И тут Николенька догадался, куда исчезла страшная хищная птица. Бабушка в неё превратилась, чтобы вцепиться когтями острыми в голову внучку. Николенька закричал, что есть мочи, и проснулся от собст-

венного крика. За окном светило солнце, в дверях стояла перепуганная мама.

— Что случилось, сынок? Ты кричал во сне.

— Ой, мамочка...

Николенька начал рассказывать всё, перемежая своё сумбурное повествование всхлипами и растиранием соплей. И про то, как бабушку убил, рассказал. И про то, как она стала хищной птицей из вазы и хотела откусить ему голову. И как его голова в варёную луковичу превратилась. И как ему стыдно, стыдно, стыдно, и он больше так не будет. Лишь бы его в тюрьму теперь не посадили. И даже не так страшно в тюрьму, как муки вечные потом в геенне огненной на ковре.

Мама ласково обняла Николеньку и улыбнулась.

— Глупенький мой малыш. Мы помогли бабушке избавиться от мучений. Каждый по-своему.

Дмитрий Николов
КОНСЕРВЫ

Стоило Боре Клюкину нажать на звонок, как дверь распахнулась, и из полумрака прихожей ему навстречу выплыл Витёк. За собой хозяин тащил скрипящую под тяжёлым ящиком тележку. Разминувшись с грузом на пятачке придверного коврика, Витёк перекатил тележку через порог — колёсики особо жалко взвизгнули — и, распрямившись, навис над Клюкиным.

— И это всё? — Боря оценил тяжесть коробки, но не впечатлился габаритами.

— Здесь только мясо, без костей. Кости для собак оставил.

— Как настоящие, — Клюкин отогнул картонку и посмотрел на тускло блестящие кубышки консерв в фирменных этикетках.

— Н-ну, — сплюнул через губу Витёк и выдернул у гостя из-под мышки пухлый пакет. — Теперь слушай меня крепко, Борюсик. Сейчас забираешь ящик и всё, больше ко мне ни ногой. И номер мой забудь. Поругались мы с тобой. Навсегда. Понял?

— А если на тебя выйдут?

— То всё на мне повиснет. Ты — человек свободный. Главное, консервы жри быстрее, не пались. Только сам, как договаривались. На сторону — ни-ни. Или... сам знаешь, короче. Приятного аппетита.

Дверь перед Клюкиным захлопнулась так же быстро, как и распахнулась двумя минутами ранее. Он ещё помялся немного на крыльце, словно не решаясь забрать груз, потом наконец взялся за ручку и, оглядываясь после каждого удара о ступени, спустил ящик вниз, к багажнику старого жигуля.

Оранжевая пасть с ржавыми крошащимися губами была призывно распахнута, но Боря, сам не поняв почему, взгромоздил ящик на пассажирское сиденье и для надёжности закрепил ремнём безопасности. Привычка что ли? Захлопнув дверь и багажник, он прыгнул в прокуренный салон. Собачка на торпеде качнула головой в такт, троица святых под ней смотрела на Ключкина не мигая и тот, суеверно перекрестившись, задёргал коробку, затанцевал на педалях.

Он сжился с этой машиной как с женщиной — знал куда надавить, что ослабить и где подкрутить в случае чего. Но если ресурс отработан — ничего не поделаешь. Точно так же с любовью... Эх, а ведь ещё немного и взял бы подержанного корейца. Теперь все многолетние накопления, снятые вчера со счёта и завёрнутые сегодняшним утром в пакет, достались Витьку. Боря знал, что сам не справился бы, но денег от этого меньше жаль не становилось. Он выматерился и вывернул со двора на грунтовку — до города час дороги, а хотелось доехать засветло.

Ехал Ключкин точно во сне, а может быть на самом деле спал — три ночи бессонных ворочаний давали о себе знать. Мысли текли где-то на фоне, сливаясь с треском магнитолы. Первую вспышку Боря попытался сморгнуть, но ей на помощь подоспела вторая, а затем третья. Когда до Ключкина дошло, что со встречи ему мигают фарами, было уже поздно — на обочине выросла машина ДПС и стремительно приближающаяся фигура гаишника. Боря дал по тормозам ещё до того, как тот додумался взмахнуть жезлом, и сжался в кресле.

Удивлённое веснушчатое лицо удивительно тощего капитана приникло к стеклу. Ключкин опомнился и принялся крутить ручку подъёмника, но та предательски проворачивалась. Ругаясь, Боря приоткрыл дверь и протянул замызганные документы.

— Куда так спешим, гражданин Ключкин? — с привычно напускной строгостью спросил гаец.

— Домой, забыл чайник выключить...

— Издеваетесь?

— Первое, что в голову пришло. Простите, просто задумался, — пробормотал Боря.

— Что на сиденье?

— Это? — Клюкин сглотнул не то от страха, не то от аппетита. — Консервы.

— А чего не в багажнике?

— Не знаю, так сподручней было...

— Откройте багажник.

Удивлённый капитан осмотрел пустой багажник, вернулся к пассажирской двери, достал из ящика консерву и повертел в пальцах. Клюкин искоса следил за его взглядом, делая вид что очень увлечён своим техпаспортом. Время тянулось и тянулось невыносимо.

— А вы угощайтесь, если хотите. А то вы такой худой, а у меня вон ещё много, — на последних словах, холодея от собственной глупости, Боря чуть не дал пепуха.

Гаец вышел из ступора, метнул в Клюкина удивлённый взгляд, сунул за пазуху банку, после чего, бросив напоследок дежурное «не нарушайте», пошёл в машину. Боря опустил на сиденье и, как ему показалось, очень долго не мог попасть ключами в зажигание.

Домой он приехал совершенно разбитым. Кое-как затащил ящик на второй этаж, взгромоздил на кресло и пошёл в душ. Горячие струи размягчили тело и мысли, а клубы пара подхватили его и донесли почти до самой кровати. Оглядев сквозь неумолимо смежающиеся веки комнату, Боря посетовал про себя, что не успел убрать ящик с кресла, но сопротивляться долгожданному сну сил у него не было.

Клюкину казалось, что стоит ему наконец освободиться, избавиться от жестоких навязчивых мыслей, как он начнёт новую жизнь. Спокойную, размеренную. Пить бросит совсем, курить станет, как все люди,

одну пачку вместо двух, может даже гантели купит. Никаких нервов. Каждый вечер прогулка, можно пиво с мужиками попить, засидеться. На выходных — рыбалка, грибы, ягоды... Но когда Боря поутру продрал глаза и увидел перед собой ящик, он понял, что ровным счётом ничего в его жизни не изменилось.

Закурив вместо чистки зубов прямо в квартире — прежде заточённая на балконе пепельница ёжилась теперь на прикроватном столике, — Клюкин побродил, присматривая, куда можно переставить консервы, но по всему выходило, что везде они будут мешать ещё больше, а в кресле он всё равно не сидит. Перед завтраком Боря взял из ящичка одну банку. На кухне нарезал луковицу, наломал — так вкуснее — хлеб, достал из холодильника маринованные огурчики и энзешный мерзавчик. Гулять так гулять.

Продув рюмку, которую никогда не убирал далеко — прятал за цветочный горшок — он налил до краёв и опрокинул в себя. Теперь, пока кураж не прошёл, надо есть. Банка улыбнулась, выгибая острыми краями след от консервного ножа; брызнул на клеёнку мутный сок. Клюкин налил с горкой, нанизал волокнистую тушёнку на вилку и, не жуя, проглотил, залив следом беленькую. Отставил рюмку, прислушался. Вроде хорошо пошла. Он чуть не рассмеялся от двусмысленности.

Подцепил ещё и теперь прожевал, пытаюсь понять вкус. Вкус был как у обычной тушёной свинины — ни прибавить, ни отнять. Он съел почти половину банки, сосредоточенно, стараясь не отвлекаться на мысли. Вкусно же? Вкусно — убеждал он себя. Боря почти допил водку, но анестезирующее опьянение не приходило, наоборот — во рту стало кисло, живот отозвался раскатистым эхом. Клюкин с усилием сглотнул, забросил за щеку огурец, чтобы замаскировать собственное открытие. Хватит себя накручивать! Он нарочно с силой копнул в банке вилкой и поднёс ко рту красноватое мясо с льдинкой жира наверху. Вишенка на торте. Не успел Клюкин этого подумать, как его вырвало прямо на стол — бурая, отвратительно пахнущая жи-

жа растеклась по клеёнке и долго капала со стола, пока Боря сплёвывал остатки завтрака в унитаз.

После такого нечего было и думать начинать новую жизнь. Нет, не сегодня. Клюкин закурил и включил телевизор, но в итоге лишь безостановочно клацал пультом — все шоу, фильмы и новости его раздражали, а взгляд и мысли, от которых больше всего хотелось бы отвлечься, возвращались к консервам. В какой-то момент Боря понял, что просто сидит и смотрит на зазывно приоткрытый ящик. Нет, это было невозможно. Он вскочил и засобирался в магазин: рассовал по карманам сигареты, спички, горсть мятых купюр. Потом нашёл на кухне холщовую продуктовую сумку и положил туда из ящика шесть банок — сколько поместилось.

Сначала Клюкин собирался «забыть» сумку в подъезде, надеясь, что кто-то позарится на халяву, но передумал. Потом нерешительно замер у мусорного ящика, однако, завидев, как спешит ему навстречу со старомодным ведром Ираида Михайловна из третьего подъезда, побрёл мимо, в сторону магазина. Там Боря купил четыре бутылки водки, упаковку пельменей и кетчуп. Он почти смирился, что зря таскал лишний груз, но, заметив на обратном пути бредущего вдоль стены пятиэтажки Баллона, встрепенулся. Клюкин уже не помнил за что слегка блаженного бомжа так окрестили, зато с удивительной ясностью понял, кто поможет ему решить вопрос.

Пока Баллон удивлённо хлопал глазами под детским грибок, как старичок-боровичок из «Морозко», Боря выгружал перед ним консервы.

— Это чего? Мне? — недоверчиво просипел бомж.

— Ага. Только съесть надо быстро. Будут спрашивать кто дал — никому ни слова. Тогда принесу ещё.

— Хозяин — барин, — хохотнул в предвкушении Баллон. — У нас не залежится.

— Я в тебя верю.

Клюкин собрался было уйти, но перед глазами его всплыла угрожающая морда Витька.

«Только сам. На сторону — ни-ни. Или... сам знаешь».

Занесённая было для шага нога опустилась.

«Не могу, — одними губами твердил Боря. — Жить надоело? — парировал он сам себя. — Не может же он следить за мной вечно? — Хочешь проверить?»

Проверять не хотелось. Ключкин как во сне обернулся, почти забыв о брезгливости, вырвал у Баллона банку, которую тот мял в заскорузлых пальцах, и бросил обратно в сумку. За ней последовали все остальные консервы. Баллон не сразу, но понял, что сделка отменяется; заискивающее умиление сползло с его лица.

— Шутник, значит? Пошёл ты на хер, шутник! Когда кучу обнаружишь под дверью, тогда смеяться не будешь, небось?

— Да погоди ты... Баллон... — Боря суетливо огляделся и увидел, как в окно высунулась Ираида Михайловна. — Тише, дай сказать-то...

По лицу бомжа было совершенно непонятно, поверил тот Ключкину или нет — лишь выгоревшие бледно-голубые глаза смотрели на Бору как на инопланетянина.

— Видишь, не надо оно тебе. — Ключкин протянул Баллону бутылку. — На вот, лучше. Хорошая водка, без обмана. А что я сказал ты никому, иначе... Я и сам-то по краю хожу.

— А может всё-таки дашь банчонку? Любопытно. Мы то не из брезгливых — всякое пробовали, — бомж рассмеялся хриплым каркающим смехом.

Ключкин не верил, что оказался таким идиотом. В первый же день всё рассказал. И кому? Он шёл через двор к подъезду, а вслед ему летел смех, постепенно переходящий в нездоровый кашель.

Дни потекли один за другим. На СТО, где он прежде вполне усердно трудился, Ключкин сказался больным и теперь потихоньку пил водку, гипнотизируя стоящий

в углу ящик. Иногда, проходя мимо, он ловил себя на мысли, что хочет было заговорить с консервами, но тут же прогонял наваждение. А тем временем руки сами тянулись к банкам, повертеть, потереть, погладить... Боря вытаскивал консерву и на унитазе читал её состав вместо кончившегося освежителя. Высший сорт, ГОСТ, пищевая ценность, срок годности и так далее. Потом прикладывал, как прикладывают морскую раковину, к уху, сам не зная что хочет услышать.

Иногда, когда кончалась еда — водка, парадоксально, не кончалась в принципе — Клюкин в рассеянности доставал консерву и лишь занеся нож приходил в себя. В конце концов ящик опустел. Консервы были всюду: на покрытых многолетней пылью, доставшихся в наследство от родителей книжных полках, на побитой ржавцой стиралке, на кухонном столе, на прикроватном столике, на балконе. Наконец, банки просто лежали на полу; стоило задеть их случайно или нарочно — они катились, бликуя ребристыми латунными боками.

60

Несколько раз Клюкин пытался пресечь эту неторопливую экспансию, но пока он доносил до ящика одну консерву, оттуда исчезали две. Боря наливал ещё, чтобы руки не дрожали, но они дрожали ещё больше. Он ползал по грязному ковровину, а банки раскатывались в стороны. Иногда ему казалось, что консервы катятся сами собой, без всяческой помощи, сначала по полу, потом по стенам и наконец по потолку...

Распластанным на полу Клюкина застал звонок в дверь. Он тяжело, не с первой попытки поднялся и побрёл к глазку, чтобы увидеть в нём участкового Сотникова. Тот нетерпеливо переминался, почёсывая где-то под растёгнутым кителем.

Боря, ежесекундно трезвея, бросился назад и принялся собирать консервы, но руки подводили его, а банки падали на пол с оглушительным грохотом. Участковый, видимо, заслышав шум, зазвонил настойчивей. Клюкин понял, что ничего не выходит, поэтому,

распиная в стороны улики и подвывая от боли в пальцах, пошёл к двери.

— Войду?

Сотников как всегда выглядел развинченно — шарил по карманам, поглаживал брюшко, твистовал сбитыми носками туфлей. Вкупе с неприлично лоснящимся мундиром и съехавшей на затылок фуражкой это придавало ему вид карикатурный. Но Клюкин, пропуская участкового внутрь, знал, что нельзя поддаваться этому обманчивому впечатлению — руки Сотникова невзначай приоткрывали дверцы пустых шкафчиков, оценивали толщину пыли на полках, ноги аккуратно шли по минному полю из банок, а цепкий взгляд уже сканировал его прихожую, комнату, санузел... В конце концов участковый приземлился на кулонный табурет.

— Я смотрю ты долго уже один живёшь? — Сотников задержал взгляд на лице Бори лишь на секунду, чтобы оценить реакцию.

— Да не, с недельку всего, — Клюкин старался держаться бодрей, что делало его ещё более жалким.

— А что так? — спросил участковый, как будто между прочим.

— Бросила меня Алла. Вещички собрала и отвалила.

— О как?

— Ага.

— То-то я гляжу запаршивел ты. Не голодаешь хоть? — заметив закатившуюся под стол консерву, Сотников подхватил её и стал вертеть в руках.

— Пока без борщей, — Боря развёл дрожащими руками, не отрывая взгляд от банки.

Взгляд перехватил участковый — так коршун бросается на полёвку.

— Угостишь?

— А? — встрепенулся Клюкин.

— В животе что-то заурчало. Да открывай, Борь, не боись. У тебя, кажись, не последняя.

Пока Клюкин суетливо накрывал на стол и вскрывал банку, Сотников продолжал расспрашивать о жене, словно пришёл на дружеские посиделки. От предложенной рюмки он, впрочем, отказался.

— Говоришь, Алла ушла... А к кому ушла, знаешь?

— Знаю.

— Назад ещё не просится?

— Не.

— А номер мне дашь, а то я хотел к ней на стрижку записаться? — участковый тряхнул сальными в тон костюму волосами.

— Она поменяла.

— Да? А может я тогда сам к ней съезжу? Адрес есть?

— Не советую, хахаль у неё злой, — Клюкин знал, что это не поможет, но ничего лучше ему в голову не пришло.

— А я договорюсь, — Сотников пододвинул к себе тушёнку и тщательно размял её вилок. — Ты мне пока адресок черкни, — под неотрывным взглядом Клюкина участковый нанизал пару волокон и, отправив в рот, тщательно прожевал; лицо его прояснилось. — Хоршее тушло, где брал?

— Да так, в наследство осталось. Вот.

Боря протянул Сотникову адрес Витька; участковый дважды прочёл карандашные каракули и вернул листок назад, наминая тушёнку всё уверенней и уверенней. Клюкин смотрел на него и чувствовал, как каддык, словно помпа дробовика, вхолостую гоняет по горлу, накачивая в рот слюну. Глядя как бурый сок бежит по подбородку участкового, он порадовался, что не успел пообедать — все внутренности пришли в движение. Наконец Сотников отложил вилок — посреди банки остался лишь белый айсберг жира — и посмотрел на хозяина.

— Спасибо, Борь, вкусно. Мне неудобно даже говорить, но сам знаешь — работа. Шёл я вчера по Краснодарской и слышу, как Баллон очередной опухшей невесте рассказывает о том, что ты жену свою убил и

в консервы закатал. Звучит как бред, но... всяко бывает — времена тревожные. Пошёл я себе дальше, а тут на Блюхера Ираида Михална мне навстречу. Ну и давай по ушам ездить. Сказала, что Аллу ты со всеми вещами в жульку погрузил и увёз в один конец. Да не бледней ты. Вижу я, что всё путём, что переживаешь. У меня после развода и похлеще было. А к Аллочке я всё равно съезжу, я к её стрижке привык уже что ли...

Выпроводив Сотникова, Ключкин долго ещё сидел, глядя в стену и вертя в руках банку, как неисправный кубик Рубика. Серый дневной свет отшелушился от обоев под натиском персикового заката, а следом фонарный свет покрасил всё стерильной желтизной. Под балконом долго пересказывала сплетни Ираида Михайловна — при желании Боря мог бы слышать всё до единого слова, — потом воцарилась короткая тишина, и лавку заняли залётные подростки — среди дворовых мальчишек гитаристов не было. Некоторое время Ключкину даже нравилось плыть по волнам перебора, но внезапно строчки, выкрикнутые хриплым усталым голосом, влетели в комнату, вырывая Борю из оцепенения.

«А моей женой накормили толпу... Растоптали ей грудь... Разорвали ей плоть...»

Ключкин вскочил и что было мочи швырнул банку в распахнутое окно.

— Точно знаю, есть у неё кто-то, — Боря подлил в рюмки.

— У Аллки-то? — насторожился Витёк.

— Ага. Знаю, но доказать ничего не могу. Бабам в этом смысле проще. Духи унюхала или волос нашла — иди сюда, мой хороший. А я что ей скажу? Ну краситься чаще стала, ну приделалась на рынке слегка... Я бы и не заметил, наверное. А сидел как-то на лавке под виноградом, с дороги меня, короче, не увидеть было. Вижу, идёт Аллка с работы и... улыбается. И ме-

ня как током тогда прошибло! Вот ты, когда со смены домой идёшь, часто улыбаешься? То-то и оно. А потом я нагнал её у подъезда, она обернулась на мой голос, а на лице такое безразличие, такая тоска...

— Хрен его знает, Борюсик, сдаётся мне ты с жиру бесишься.

— Бешусь, ты не представляешь, как бешусь. Она уснёт, а я сижу и смотрю на неё. Час могу смотреть, два. Не знаю даже, чего жду. Иногда надеюсь, что проговорится она во сне. Иногда представляю, как душу её подушкой...

— Дружище, — Витёк опустил тяжёлую ладонь на загривок Клюкина и крепко потрепал. — Ты это брось. Это ж билет в один конец. Надо оно тебе из-за бабы сидеть, пусть и из-за красивой?

— Это Аллка-то красивая? Была лет двадцать назад, когда мы познакомились. Все тогда завидовали, говорили «отхватил», «как это она только на него позарилась». Поверить не могли, что не по залёту женимся. Нет, она, конечно, лучше всех своих одноклассниц вместе взятых выглядит, но...

— Так на кой тебе ради неё жись гробить, а?

— Третий сорт не брак, — осоловело гоготнул Клюкин, в подпитии у него всегда прибавлялось храбрости. — Не в том дело. Свалит она рано или поздно, потом на развод подаст, потом на раздел имущества. С нашей однушки мне достанется разве что комната в коммуналке. Сбережения на «корейца» тоже дели пополам. А ещё адвокату плати... Нет у меня сил, Витёк, жизнь заново начинать. — Клюкин налил больше обычного и, не дожидаясь собеседника, влил в себя.

— А в тюрьме лучше, выходит? — хмыкнул Витёк, казалось он до конца не мог понять серьёзно говорит Боря или шутит.

— Не лучше. Потому и не рыпаюсь. Каждый своим делом должен заниматься. Я — ходовую править, Аллка — стричь, ты — консервы свои крутить. Одним словом, мне киллер нужен.

— Ты чо, кина пересмотрел? — Витёк поперхнулся своим полтинником. — Какой нахрен киллер? Ты где его отыщешь-то? Объяву в газету дашь? Всё что будет тебе — майор переодетый и арест с поличным.

— А может я не из местных, может, из Москвы профи выпишу...

— Ага, и всё равно съедешь в коммуналку — знаешь, сколько работа профи стоит?

— А что делать? Невыносимо. Не-вы-но-си-мо, понимаешь? Ни о чём больше думать не могу. И ладно квартира — хрен с ней, но видеть Алкину счастливую рожу не могу. — Клюкин начал путаться в показаниях, голова его клонилась всё ближе к столешнице, но каждый раз невероятным усилием воли он приподнимал её и глядел вокруг рассерженным щенком. Смешным, жалким, но полным решимости укусить. — А может... Ты мне друг, Витёк?

— Ну, друг, — осторожно ответил Витёк.

— Ты сильный. Молодой... Может, завалишь её? — выпалил Клюкин после долгой паузы.

— Ты чо, Борюсик? Я другом твоим быть хочу, а сокамерником — нет. Ну тюкну я Алке по башке, а дальше что?

— Дальше... В консерву её закатай, — хохотнул Клюкин, но осёкся; взгляд его прояснился. — Внатуре, в консерву! У тебя ж ключи от цеха есть?

— Ну есть, — Витёк выглядел растерянным.

— Вечером отведёшь её в цех, а к утру уже ящик консервов выкатить — идеальное преступление! А чтобы по-честному всё, забирай бабки на корейца. Лучше в тишине и покое на жульке.

Ответить Витёк не успел — проскрежетал в двери несмазаный замок и в прихожую вошла, стряхивая капли с зонта, Алла.

— Вспомнишь говно, вот и оно... — вполголоса буркнул Клюкин.

— Ой, Витенька, и ты здесь! — засюсюкала Алла, не удостоив мужа взглядом.

Тема сменилась сама собой, и рука сменилась — теперь поддывал Витёк. Когда жена в пушистом халате выскользнула из ванной, Клюкин уже лежал на столе. Витёк что-то сказал ему — Боря не расслышал что именно — и пошёл вслед за Аллой в комнату. Клюкин хотел пойти следом, но не смог — не было сил. На веки давил безжалостный гидравлический пресс. Наконец Боря сдался и провалился в неприятный, но тут же забывшийся сон.

Проснулся Клюкин на столе — лицо онемело, ноги затекли, в ушах звенело, впрочем, как оказалось, это надрывался его мобильник.

— Я подумал обо всём. Я согласен, — сказал Витёк и повесил трубку.

Три недели спустя, когда Алла вышла в отпуск, Клюкин объявил ей, что собирается делать ремонт в квартире. Он рисовал радужные перспективы евро-стандарта, напирал, что жене лучше уехать, заслуженно отдохнуть и не мешаться, благо — Витёк предложил ей пожить у себя за городом — лес, речка, всё что нужно. К большому Бориному удивлению Алла согласилась сразу. Пожала плечами и пошла собирать вещи.

«Ты всё что нужно бери. И пальто, конечно. И сапоги. Мало ли — холода ударят? И документы обязательно. Фен, бигуди, косметика, всё взяла?..»

Алла только пожимала плечами и доставала очередную сумку. Когда Боря грузил все эти вещи в машину, вездесущая Ираида Михайловна поинтересовалась не переезжают ли они, на что получила ответ от скорбного Бори: разъезжаемся. Через час Клюкин с Витёком уже занесли вещи в дом последнего — ничего не подозревающая Алла тут же забралась в гамак и качалась в нём с самым беззаботным видом. Подняться и попрощаться с мужем она желания не изъявила.

— Теперь запоминай, Борюсик, — когда они вышли за ворота, Витёк заговорил вполголоса, но твёрдо и быстро. — Алла от тебя ко мне ушла, и мы с тобой больше не друзья, сам понимаешь почему. Бабки отдашь, когда всё будет готово. У меня условие только

одно — консервы будешь жрать сам. Все до единой. Обманешь — тебя следующим закатаю. Идёт?

— И-дёт.

Боря понял, что не хочет этого, что ему жалко Аллу, хоть меньше он её ненавидеть не стал. Понял, что боится. И, впервые, что всё — по-настоящему. А главное — ничего нельзя отменить и исправить. Поэтому остаётся с присвистом выдавливать из сухой глотки одну за другой четыре буквы. Он сел в машину и поехал обратно в город, где его ждали три дня измены и бессонницы.

Жигули подпрыгивали на колдобинах, рискуя вот-вот развалиться, но Клюкин не снимал ногу с педали газа. Других машин на трассе почти не было и мигнуть ему фарами было некому. Гаишник материализовался на дороге, когда сбавлять уже было поздно. Жигуль пропахал мимо и сдал задом. Тощий капитан заглянул в салон и рассмеялся.

— Опять ты, шумахер консервный?

Клюкин пожал плечами и полез в бардачок, пока гаец осматривал ящик на переднем сиденье.

— Я гляжу, вы с этими консервами неразлучны. Хорошее тушло, кстати. Дашь ещё?

— Забирай. Всё забирай, — Клюкин отстегнул ремень безопасности, стягивавший ящик и открыл дверь.

— Шутишь что ли?

— Я спешу, капитан. Ну так что, договорились?

Клокотавшая в Клюкине злость придала ему убедительности. Гаец, пожав плечами, вытащил ящик и колёном захолопнул дверь. В эту же секунду Боря нажал на газ. Перед его глазами плыла довольная морда Сотникова.

Участкового Боря встретил по пути в магазин, тот перешёл через улочку нарочно, чтобы встретиться с Клюкиным.

— Ну как я тебе? — спросил Сотников, стянув фуражку.

— В смысле?

— Прическа новая моя.

— Да вроде ничего.

— Дело твоё закрывать ездил, — хохотнул Сотников. — Алла сказала, что пока от дел отошла, но для меня сделала исключение.

— Какая Алла? — Ключкин знал, что задаёт идиотский вопрос, но не спросить не мог.

— Ты, Борь, пил бы поменьше, ей-богу. Я понимаю, забыться хочется, но не до амнезии же. К жене твоей ездил по адресу тобой даденному. Дошло теперь?

До Ключкина не доходило. Информация шла по тоненькому проводку от ушей к мозгу, но не усваивалась — проводок был оборван где-то на середине. Он и теперь не до конца мог понять, зачем едет к Витьку и что хочет там обнаружить. Жигуль свернул с трассы, а через десять минут пыления по грунтовке притормозил у ворот.

68

Боря выбрался из машины и пошёл к двору, решимость то накатывала на него, распирая изнутри, то сдувалась, уступая место страху. Во дворе был припаркован симпатичный «кореец» малинового цвета, почти такой, о каком мечтал Ключкин. Боря непроизвольно погладил гладкий блестящий капот и взбежал на крыльцо.

Сначала он стучал кулаком, потом стал дупить по доске коленом. Свет пробивался сквозь занавешенные окна, но открывать никто не спешил. Наконец дверь распахнулась, и навстречу Ключкину шагнул Витёк. Лицо его было сосредоточенно-непроницаемым.

— Ты чего сюда припёрся?

— Поговорить надо. Впусти.

— Ага, разогнался. Здесь говори и сваливай, пока можешь.

— К тебе Сотников приезжал?

— Это кто?

— Мент, участковый наш.

— А, этот. Ага, было дело. И чо?

— Он мне сказал, что Аллка жива и здорова.

— А что инопланетяне существуют, не сказал?

— А кто его постриг тогда, ты что ли? — страх в Ключкине окончательно уступил место злобе.

— А это, Борюсик, тебя кольхать не должно.

Витёк легко оттолкнул гостя, но тот, вопреки ожиданию, не отступил, а юркнул ему под руку — разница комплекций способствовала манёвру. Пока опешивший хозяин разворачивался в тёмном, заставленном ящиками коридоре, Ключкин уже успел завернуть на кухню. Когда Витёк вошёл следом, Боря стоял как вкопанный, глядя на пританцовывающую у выкипающей кастрюли с борщом Аллу.

— Доволен?

— А? Что это? Почему? — Ключкин вышел из ступора и по инерции задавал вопросы, ответы на которые знал заранее.

— А ты что думал, Борюсик? Что я на себя мокруху возьму?

— Не оправдывайся, Витенька, — оборвала его Алла и повернулась к бывшему мужу. — Эх, Ключкин, какой же ты болван, всё испортил.

— Вы... Вы... — Боря хлопал губами, как карась.

— И уже давно. Раз в жизни ты придумал что-то толковое, но как всегда просрал, — Алла игриво пожала плечами. — Живи, радуйся, квартира твоей мамочки тебе досталась. Жена не отравляет жизнь одним своим видом. Пей — хоть залейся. Кайф!

— Заткнись... Заткнись... — Боря шатало из стороны в сторону, но ноги, как заколдованные, не могли сдвинуться с места.

— Недорого откупился — старую иномарку за жену с пробегом, — улынулась Алла.

— Ты сам виноват, Борюсик, — вклинился Витёк, но любовница его перебила.

— К тому же компенсация какая! Тушёнка — высший сорт! На закуску самое то...

— Зачем... Зачем ты меня тушёнку жрать заставил? — Ключкин повернулся к Витьку с единственным оставшимся в голове вопросом.

— Не пошла? Ну-ну. Это, Борюсик, чтоб безнаказанность тебе голову не вскружила. Мало ли кого ты ещё захочешь хлопнуть, — криво улыбнулся обладатель чужой жены и малинового авто.

Ключкин сам не заметил, как с него спало оцепенение. Он шагнул к столу и взял красный, в свекольном соку нож, но, не успев замахнуться, почувствовал, что горло уткнулось в согнутый локоть. Дышать стало нечем, в глазах стемнело. Он несколько раз попытался отмахнуться ножом, но, кажется, никуда не попал. Попытался сказать, что сдаётся, но лишь издал тихий свистящий хрип. Казалось, его пытаются сдуть через маленькую дырочку, как резиновый матрас. Боря представил это особенно чётко, и мысль пришла сама собой — нужно расслабиться, позволить сдуть себя и тогда его отпустят. В этот же момент ему стало легко и никак.

— Пульса нет. Ты его задушил, болван, — Алла подняла на Витьку глаза.

— Да он с ножом... Он бы тебя...

— Поздно оправдываться. Вызывай ментов, — Алла отошла от тела бывшего мужа и подождала соломинку сигареты.

— Ментов?

— Да, Витюш, ментов. Попытаемся вывести на самооборону, ну, может, условку дадут тебе. Или есть план лучше?

Витёк огляделся по сторонам и взгляд его упал на пустую консервную банку в мусорном ведре.

Евгений Долматович
ИСТОРИИ МЕРТВОЙ ЗЕМЛИ

*Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда покров земного чувства снят?
Уильям Шекспир*

История 1

— Нужно рассказать об этом...

Серезжка выглядел напуганным. Бледный и весь какой-то задерганный, он всячески сторонился оврага, то и дело нервно осматривался по сторонам. Сентябрьский ветер трепал его жиденькие светлые волосы, а расчесанные комариные укусы на тонких ногах почему-то навевали мысли об ушедшем лете. От этого становилось тоскливо.

— Он умер, — тихо произнесла Марина.

— Наверное... — Серезжка сделал шаг в направлении дачного поселка. — Взрослые разберутся. Пойдем уже!

Но Марина не двигалась с места. Она стояла на самом краю дороги и зачарованно глядела на дно оврага. Там лежал человек. Кто он такой Марина не знала, по крайней мере, в поселке этого мужчину никогда раньше не встречала. На вид незнакомец казался довольно старым: лет пятидесяти, а может, и того больше. Одет в какую-то рвань. Длинные пепельного цвета волосы всклокочены, торчат слипшимися прядями, а кожа, некогда коричневая от грязи и загара, ныне сделалась землисто-серой — смерть выбелила...

— Ну же! — Серезжка едва не сорвался на визг.

«И чего он боится?» — удивилась Марина. Что причина в овраге мертв и так было ясно — хватило вре-

мени детально все рассмотреть, — но вот почему так трясся этот глупый мальчишка ей было решительно не понятно. Ну да, запах... Характерная вонь мертвой плоти маслянистым облаком окутывала местность, привлекая внимание мелких летающих тварей, разнообразных жучков-паучков и, скорее всего, всевозможного зверья, из тех, кто питается падалью. Солнце ведь еще не до конца утратило свой летний запал, а туманная осенняя прохлада лишь скромно жалась по утрам у порога, отчего покойник пребывал в прескверном состоянии.

Но Марину это нисколько не смущало и не отталкивало. Ни на секунду не отводя глаз, она старалась как можно тщательней запечатлеть в памяти представшую ее взгляду картину. Тут и там вокруг тела жужжали золотистые мухи, а в коже на щеках покойника что-то неустанно копошилось и извивалось. Один вытаращенный глаз был устремлен куда-то в сторону леса, другой комком белой пены застыл в глазнице. Рот же оказался распахнут и виднелись гнилые зубы, а на небритом подбородке смутно угадывались следы запекшейся крови. Что еще? Вывернутая под неестественным углом шея да скрюченные пальцы с черными полосками грязи под желтоватыми давно не стриженными ногтями... Вся перепачканная в земле и листьях, закопченная от времени и постоянной носки одежда... Одного ботинка не доставало, и куда он делся, не известно...

«Будь овраг залит водой, — меж тем размышляла Марина, — тело нашли бы намного раньше. Вода все выносит. Все выкидывает. А может, и не нашли бы. Просто утонул, и все. И никто ничего не узнал бы... — А секундой позже: — Интересно, у него есть кто-нибудь, кто его ждет, кто будет его искать?»

— Я ухожу, — напомнил о себе Сережка. — Ты идешь?

Марина никак не отреагировала. За все то время, что она знала этого худенького и крайне болезненного на вид мальчика, она успела свыкнуться с его капри-

зами. «Нытик и мямля», — понимала Марина, хотя ни разу не произнесла этого вслух.

Однажды мама сказала, что нехорошо обижать людей — не стоит этого делать, даже если твои слова правда. «Но ведь правду говорить надо», — удивилась тогда Марина, на что мама улыбнулась и покачала головой: «Не всегда, солнышко. Видишь ли, именно правда больше всего обижает людей, задевает их чувства. Та правда, которую они пытаются не замечать, которую хотят спрятать от самих себя».

Истинный же смысл этих слов дошел до Марины много позже — тогда, когда мама умерла.

— Погоди минутку, — попросила Марина.

— Нет, — буркнул Сережка и, помявшись, смущенно добавил: — Мне страшно. Ведь это... это настоящий мертвец!

«Вот именно, — подумала Марина. — И когда-то он был живым человеком. А теперь... теперь вот уснул... И сейчас ему снятся сны. Те особые таинственные сны, недоступные живым».

Мама умерла от какой-то страшной женской болезни. Во всяком случае, так охарактеризовал болезнь дедушка, уверенный, что внучка его не слышит. Но Марина услышала. И во время визитов в больницу ей не единожды доводилось наблюдать следы этого недуга на изможденном лице матери. Марина чувствовала, как зараза клокочет в груди родительницы, и слышала, как слабо-слабо бьется материнское сердце. А по ночам Марина лежала без сна, беззвучно плакала, тщетно взывала к Богу и просила у него помощи. Увы, Бог так и не откликнулся. И хотя взрослые уверяли, что он услышал ее молитвы, что рано или поздно все непременно наладится и мама обязательно выздоровеет, мама все равно умерла. Таким же солнечным днем, как нынешний. Просто уснула и больше не проснулась...

«Теперь она отправится на небеса, к Боженьке», — чуть позже бормотала бабушка, поглаживая Марину по голове. «Но ведь нет никаких небес, — шептала в

ответ Марина, — и Боженки тоже нет, иначе бы он все исправил!» Бабушка не стала спорить, вместо этого тихо сказала: «Зато маме больше не больно. Все хорошо, хорошо... — И, помолчав, добавила: — Она просто уснула. Просто уснула...» А Марина невидяще смотрела в пол, и все многообразие мира тонуло в глубине ее темных глаз, исчезая там навсегда.

Что же это за сновидения такие, после которых нельзя проснуться? Или не хочется? А может...

Марина повернулась к Сережке.

— Помоги мне.

— Чего?

— Я хочу, чтобы ты меня похоронил.

От удивления Сережка даже рот раскрыл. О трупе он уже и думать забыл, все его внимание поглотили слова Марины.

— Мертвые спят и видят сны, — объяснила она. — И этот человек тоже спит. Ему также снится сон. И я думаю... — Она замялась, опустила глаза, подняла их вновь. — Я думаю, если лягу рядом и притворюсь мертвой — если очень-очень постараюсь! — возможно, и я увижу такой сон. Пойму, что им снится, и почему они не просыпаются.

Какое-то время они молчали, напряженно разглядывая друг друга. По пустынной дороге ветер гонял пожелтевшие листья и всякий сор, трепал подол Мариного сарафана и легонькие (даже слишком для такой погоды) Сережкины шорты с футболкой. Откуда-то издали слабым эхом доносились голоса взрослых, слышался лай собак. Там текла своя жизнь, еще пока недоступная для детей, непонятная им, но и — что греха таить! — не шибко-то интересная. И никто из взрослых даже и не догадывался о том, что творилось на дороге, в овраге у которой лежал мертвец.

— Ты дура! — вдруг закричал Сережка. — Дура, дура, дура!

Он развернулся и, заливаясь слезами, бросился к дому, а Марина, слегка смущенная, грустно смотрела ему вслед. На какое-то мгновение она поверила, что

этот трусливый мальчишка согласится помочь. Или хотя бы подождет, прежде чем растрепать родителям. Но... вышло иначе.

Она обернулась и окинула мертвеца тоскливым взглядом. Вид смерти не вызывал у нее отвращения или ужаса, а запах тления не отталкивал. Всего лишь навек уснувший, которому снится сон небытия.

Такой же сон, какой видит и ее мама...

Поначалу взрослые не приняли Сережкин рассказ всерьез. Они жевали шашлык, потягивали холодное пиво из банок и, посмеиваясь, одобрительно кивали, но при этом совершенно не торопились идти к дороге, чтоб убедиться в достоверности его слов. И чем дольше это продолжалось, тем громче рыдал Сережка.

Но уже спустя полчаса все разговоры взрослых непосредственно касались «ужасающей» находки детей. Тело подняли из оврага; местный врач наспех его осмотрел; участковый составил протокол. Мужчину никто не знал. Судя по одежде — какой-то бродяга. Судя по травмам — угодил под автомобиль.

— Дорога тут широкая, темная, — предположил кто-то. — Видать, ночью пьяный шатался, вот и сшибли. А водитель наверняка умчался впопыхах — от греха подальше. Так-то обычная ситуация.

Остальные согласились. Тело увезли, а на детей остаток дня косились с каким-то непонятным для самих детей состраданием, задумчиво качали головами, о чем-то судачили меж собой и многозначительно переглядывались. Женщины даже умудрились всплакнуть, хотя, в принципе, ничего такого не произошло. Сережке льстило подобное внимание: он зарделся, гордо ходил из комнаты в комнату и высокомерно на всех посматривал. Марина же молчала, удивленная поведением родственников и бесконечными причитаниями бабушки.

Спать ее отправили раньше обычного, сославшись на какую-то, якобы запредельную тяжесть минувшего дня и отъезд в город, запланированный на утро. Между собой же взрослые неустанно твердили о шоковых

состояниях и «таком ударе по еще неокрепшей детской психике».

Но спать Марине не хотелось. Она неподвижно лежала в постели, немигающим взглядом уставившись в потолок. И лишь однажды, услышав скрип половиц за дверью, притворилась спящей. Кто-то тихонько открыл дверь, заглянул в комнату, облегченно вздохнул и убрался восвояси.

Не спалось Марине и много позже, когда за окном уже было темным-темно, а все разговоры в доме стихли, сменившись едва различимым похрапыванием из спален. Для надежности выждав еще с полчаса, она выскользнула из-под одеяла и, накинув поверх пижамы курточку, бесшумно выбралась из дома.

К тому времени, как она вышла на дорогу, занялся дождь. Протяжно завывал ветер, и в воздухе отчетливо ощущались грядущие холода. Неумолимо надвигалась осень. Совсем скоро эта тоскливая пора перестанет довольствоваться одними только ночами, и тогда дни превратятся в унылые пасмурные будни. И так до тех пор, пока не выпадет первый снег, а лужи не кроются коркой льда.

Марина быстро отыскала то место, где накануне днем обнаружила тело. Ныне овраг, естественно, пустовал: осталась лишь пожухлая трава да чавкающая грязь вперемешку со щебенкой и опавшими листьями на дне, какой-то прошлогодний мусор.

Но может, вовсе не обязательно, чтобы был покойник? Может, достаточно и самой могилы? Ведь овраг этот и есть могила — здесь человек встретил свою смерть: уснул и погрузился в беспробудный вечный сон.

Марина начала спускаться по склону, осторожно ощупывая ногами ненадежную почву, чтобы, не дай бог, не сорваться и не покатиться кубарем вниз. Легкая куртка нисколько не защищала от разошедшегося дождя, и пижама довольно быстро намочила, сделавшись холодной и неудобной. Сырые волосы надоедли-

во лезли в глаза, закрывая обзор, но Марина не обращала на них внимания.

Оказавшись на дне оврага, она некоторое время просто стояла, ни о чем не думая и ничего не замечая. Потом села на стылую мокрую землю, — поежилась, когда вдоль позвоночника ледяной волной прошелся озноб. В этот момент в вышине что-то ухнуло, раскат прокатился по небу, метнувшись куда-то за лес. А по дороге яркой вспышкой промчался автомобиль. Водитель даже и представить себе не мог, что там — за пределами видимости, в глубокой темной яме — сидит маленькая девочка, равнодушно наблюдающая за быстрой удаляющимся светом фар его машины.

Когда же этот синтетический свет полностью растворился во мраке, навсегда исчезнув из ее жизни, Марина принялась закапывать себя, покрывая ноги и тело липкой влажной землей, ветками кустарника, перелетным опавших листьев.

Словно по-настоящему умерла. Спать и видеть сны, те самые сны...

Марина растрепала волосы и улеглась на землю, глянула в темноту неба, откуда на нее обрушивались потоки дождя. Зачерпнув пригоршню листьев, она рассыпала их по лицу, закрыла глаза и слегка повернула голову. Раскинула руки и затаила дыхание. Лежала, слушая монотонное бормотание дождя да протяжное завывание ветра, спиной ощущая холод здешней могильной земли и чувствуя запах... еще не выветрившийся, едва уловимый запах тлена.

Быть может, теперь ей удастся увидеть сон — тот самый, что снится человеку из оврага; тот самый, что снится маме?..

Сон, после которого не захочется просыпаться.

Так она и лежала; дождь набирал силу, а по дороге изредка проносились автомобили...

История 2

Вагнер курил уже третью сигарету подряд, при этом краем уха слушая занудное бормотание радио. На город надвигались заморозки: обещали снег и гололедицу. В принципе, грядущее уже ощущалось: ночи стылые, дождливые; ежедневные капли на лобовом стекле; редкие прохожие в пальто — жмутся, сутулятся, стараются не смотреть друг на друга...

Заглушив двигатель, Вагнер приоткрыл окно и швырнул окурок в темноту, сам же откинулся на спинку сиденья, тяжело вздохнул. Взгляд его скользнул по ограде, крестам и могильным плитам за ней. «Где-то там, в глубине этого старого кладбища, — подумал он, — ты спишь и видишь сны, запретные для мира живых».

Конечно, Вагнер была не настоящая его фамилия. Этаким творческий псевдоним, что он присвоил, впечатленный величием и трагичностью музыки великого немецкого композитора. По паспорту же он значился Александром Вахрушевым. «Сашка-озорник» — как его в детстве ласково называл отец.

Отец...

— Ладно, быстрее начну, быстрее закончу, — подбодрил себя Вагнер.

Он выбрался из сонливо-теплого салона и какое-то время дышал чистым ноябрьским воздухом. После обошел свой дорогой автомобиль и извлек из багажника фонарь, лопату и брезентовый мешок на молнии.

Где именно похоронена девушка, Вагнер помнил плохо. С тех пор, как он последний раз навещал ее могилу, прошло уже несколько лет. Тем не менее в душе еще теплилась надежда, что память прояснится, как только он окажется в знакомых местах.

В голове же приятно шумело после дорожки кокаина, залитого дешевым коньяком. «Ангельскую пыль» Вагнер стремился приобретать высшего качества, чего нельзя было сказать об алкоголе. Так или иначе, то была ударная смесь. И потому, пробираясь вдоль

могил, Вагнер не особо соблюдал осторожность — не опасался попасться на глаза сторожу, с тем учетом, конечно, что тот здесь имелся. Где-то в глубине души Вагнер даже хотел, чтобы его поймали и отправили в каталажку, обвинили бы в вандализме или еще в чем-нибудь этаком. Вряд ли подобная новость серьезно скажется на его репутации. Но вот проспаться и одуматься у него будет времени предостаточно.

Сторожа он так и не встретил, а спустя несколько минут блужданий по территории кладбища наткнулся на смутно узнаваемую тропинку, которая и вывела его напрямик к обветшалой могилке знакомой, но вместе с тем совершенно неизвестной ему девушки.

— Пришел я, — пробормотал Вагнер, глядя на треснувшее надгробье. — Давненько я тебя не навещал. Да, давненько...

Отложив фонарь и лопату, он уселся напрямик на холодную влажную землю. Порывшись в карманах, достал измятую пачку. Но зажигалки не обнаружил. Видимо, оставил в машине.

— Да что ж такое, — ругнулся Вагнер, убирая сигареты.

Могилка была старая. Какое-то время отец приглядывал за ней, носил цветы, приплачивал местным бабкам, чтобы ухаживали, если вдруг его долго не будет. А после инсульта перестал сюда ездить — ныне постоянно сидит дома, смотрит в окно, о чем-то сам с собой разговаривает...

Вагнер помнил, как отец впервые привел его на это место.

«Здесь, — сказал он, — покоится моя первая и единственная любовь». Подобное заявление очень удивило и сильно расстроило маленького Сашу. Как и большинство его сверстников, он свято верил, что папа любит одну лишь маму, и наоборот. И вот он хмуро поглядывал на монохромную фотографию незнакомой ему молодой женщины, чьи большие темные глаза поражали своей глубиной и серьезностью, и постепенно осознавал, что мир разительно отличается от того, ка-

ким он себе этот мир представляет. «А кто она такая?» — наконец тихо спросил Саша. «Она... — Отец задумался, посмотрел куда-то в сторону. — Необычным человеком она была...» Саша вновь уставился на надгробный камень, долго изучал дату рождения и смерти, пытаясь сосчитать в уме, сколько же лет прожила эта «необычная» девушка. «Двадцать три, — сказал отец, и Саша невольно поежился: откуда папе было знать, о чем он думает? — Ей было двадцать три, и она была молчаливая, сама себе на уме. А еще она знала вещи, которых не знаем мы с тобой; вещи, которые вообще мало кто знает». Следующий Сашин вопрос был вполне закономерен:

«А что это за вещи такие?..»

Вагнер моргнул, прогоняя навалившуюся дрему. То ли кокаин в этот раз попался слишком разбодяженный, то ли организм уже его не воспринимает. Так бы и уснул сейчас, поддавшись воспоминаниям. Журналисты бы впали в экстаз: известный художник-постмодернист найден спящим у могилы, которую собирался осквернить!

«Пора завязывать с такой жизнью», — подумал Вагнер, прекрасно понимая, что это лишь праздные мысли, не несущие за собой и намек на конкретное действие. Нет, он все так же будет нюхать порошок, глотать дрянной алкоголь, мотаться по всевозможным клубам и регулярно устраивать оргии у себя в студии. А в свободное время рисовать мертвых. Да-а... Это было его отличительной особенностью среди тысяч других художников: он создавал портреты живых людей, изображая их гниющими мертвецами. Именно это сделало ему имя, принесло состояние, место в искусстве, а то и в истории. Как оно частенько бывает, столкнувшись с чем-то неординарным, а отчасти и эпатажным, общественность разделилась на две фракции: на тех, кто Вагнера терпеть не мог, называя его извращенцем, некрофилом и т. д., и, соответственно, тех, кто его чуть ли не боготворил. Как ни крути, а безразличных к его творчеству не было. Заказать же себе та-

кой портрет со временем и вовсе стало модным. Столичная богема с удовольствием пользовалась его услугами, щедро оплачивая подобного рода забавы. Так Вагнер довольно быстро разбогател, обзавелся знакомыми, получил допуск в заведения, куда даже при солидном капитале попасть крайне трудно. Именно в этих притонах он пристрастился к наркотикам, почувствовал вкус оборотной стороны жизни. Отныне для него не существовало разницы между мужчиной и женщиной, он не верил в мораль и нравственность, в слова и обещания, в надежность человеческих чувств и силу творчества, как и в то, что деньги способны кого бы то ни было осчастливить. Дни превратились в бесконечный пьяный кошмар, яркий и удручающий. Многие из его последних картин были написаны именно в таком состоянии, и именно о них ценители отзывались, как о настоящих произведениях искусства — истинных шедеврах! — неустанно отмечая смелость Вагнера как художника.

Художник?..

Вагнер вновь полез в карман за сигаретами, но, вспомнив о позабытой зажигалке, заскрипел зубами и отдернул руку.

— Что ж, пора начинать, — буркнул он, нехотя поднимаясь с земли.

Взяв лопату, начал копать и... спустя полтора часа уже мчался обратно — взмокший от пота, с гулко колотящимся в груди сердцем. Наркотически-алкогольный дурман давно выветрились из головы, сменившись адреналиновой взвинченностью. И потому, вглядываясь в пустынную дорогу, сжимая в зубах незажженную сигарету, Вагнер мечтал лишь о свежей порции «ангельского пыли», преданно ожидавшей дома.

А по салону автомобиля медленно расплзлось едва уловимое зловоние — даже не запах, но своеобразный намек, подстегнутый ужасом от совершенного поступка. Истлевший скелет в багажнике физически

не мог смердеть. Прошедшие годы в земле должны были искоренить этот запах...

И все-таки запах был.

— Что же я, мать его, натворил-то? — выдохнул Вагнер, опуская боковое стекло.

Холодный ноябрьский ветер хлестнул по лицу, дышать стало намного легче. Вагнер вздрогнул, когда увидал впереди пост ДПС. «Совсем о них забыл!» — спохватился он, но разворачиваться было поздно. Сбавив скорость, осторожно проехал мимо. Никто не обратил на него внимания...

Позже, будучи у себя в студии, с белым от кокаина носом он расхаживал взад-вперед, пытаясь унять расшатанные нервы. Все окна были распахнуты настежь, и вдобавок всюду работал кондиционер, из-за чего в помещении стало довольно прохладно. Брезентовый мешок лежал на столе, в воздухе витал слабый запах могильной пыли. А со стен на Вагнера равнодушно взирали портреты заказчиков: ужасающие лица на разной стадии разложения. По сравнению с тем, что Вагнер обнаружил в трухлявом деревянном гробу, все эти морды отныне казались ему не более чем занятными карикатурами, такими страшноватыми зарисовками какого-нибудь юного художника-максималиста, подрабатывающего в местной газетке. Нет, не было в его картинах шедевральности, не было в них искусства! Робкие попытки прикоснуться к вечности, не иначе. С таким же успехом он мог выводить на холсте схемы электронных цепей, в коих абсолютно ничего не смыслил.

— Дилетантство, — огрызнулся Вагнер. — Пародия на самого себя. Неумелая, несмелая попытка изобразить реальность. И всю жизнь я занимался лишь этим? Жалкие потуги, не больше! Все это достойно мусорного бака, там этим кляксам самое место!

Он даже сорвал со стены один из портретов: хотел было изодрать его в клочья, но, вовремя вспомнив, что работа предоплачена, оставил полотно в покое.

— Ничего-ничего, — вернувшись к зеркальцу с кокаином, бормотал Вагнер. — Сегодня я создам настоящий шедевр. Он потрясет всех!

Приготовив холст и набор карандашей, бутылку шотландского виски по случаю и пачку сигарет, Вагнер надел респиратор и резиновые перчатки, приблизился к столу в центре студии и неспешно расстегнул мешок. Респиратор мало помог, и Вагнер, сморщившись от накатившего смрада, в который раз убедился, что все это не иначе как его расшалившееся воображение. Неимоверным усилием воли удержав рвотный позыв, жадным взглядом он принялся изучать останки.

— Ты прекрасна, — произнес он. — И я покажу твою красоту всему миру.

Он вернулся к холсту, прикидывая, как правильно расположиться, чтобы удобнее было писать. Естественно, позировать покойница не могла, и Вагнер серьезно переживал, что если хотя бы еще раз дотронется до нее, то она попросту рассыплется. А требовалось максимально сохранить целостность композиции, передать величие смерти, ее особую красоту, — сделать так, чтобы все увидели то, что в данную минуту видел он.

И тут покойница приподняла голову, посмотрела на Вагнера темными впадинами глазниц, внутри которых скопилась земля, и села.

Вагнер тоже опустился на стул: ноги вдруг сделались будто бы ватными и больше не держали его отяжелевшее тело. Он с трудом подавил рвущийся из груди крик, широко раскрытыми глазами уставившись на ожившего мертвеца.

— Зачем... разбудил меня? — прошептала покойница.

В том, что он действительно слышит ее голос, Вагнер несколько не сомневался, хотя и представить себе не мог, каким образом, находясь на такой стадии разложения, эта тварь способна издавать какие-либо звуки. Да и вообще, как она может двигаться, мыслить?

— Так зачем?

Только тут Вагнер, наконец, осознал, что от него ждут ответа.

— Я хотел... — Слова никак не давались, в горле пересохло. — Хотел написать тебя...

— Хм... — Забытые землей глазницы были устремлены прямо на него. — Портрет?

— Да.

— Но зачем?

Мало-помалу сердце Вагнера начало успокаиваться. Он понял, что кем бы или чем бы ни была эта гниющая штукавина, причинять ему вред явно не входило в ее намерения.

— Я пытаюсь понять... — просипел Вагнер и умолк.

Ужас постепенно оставлял его. Лишь теперь пришло осознание, как крупно на самом деле ему повезло: все это время он тщетно разыскивал следы смерти, фантазировал о ней, даже грезил, и вот смерть предстала перед ним во всем своем великолепии.

— Понять?

Вагнер потянулся к карандашу и начал медленно выводить абрис покойницы. Мало-помалу рука его обрела твердость, а движения стали решительней. И вот он уже быстро черкал острозаточенным грифелем, выделяя наиболее значимые фрагменты будущей картины.

— Да, понять. — Вагнер прокашлялся. — Мне нужно... Я хочу узнать...

— Что нам снится?

Карандаш замер в руке. Вагнер оторвал взгляд от наброска и внимательно посмотрел на покойницу. Теперь, когда он более-менее к ней привык, она больше не казалась ему такой уж отталкивающей. А еще он перестал ощущать запах тлена. Так постепенно реальность и представления Вагнера соединились в одно целое, и покойница сделалась тем, что до этого было голой идеей: она стала совершенством, апогеем творческого поиска, воплощенной мечтой.

— Понимаешь, когда я был маленьким, отец частенько приводил меня на твою могилу, — сказал Вагнер. — Он называл тебя своей первой и единственной любовью. А еще... еще он говорил, что тебе известно нечто такое, о чем никто больше не знает. — Помолчав, продолжил: — Отец рассказал мне, как однажды вы обнаружили труп у дороги, и как ты просила, чтоб он тебя похоронил. Он сказал, что ты хотела увидеть сны мертвых.

— Сережка, — задумчиво протянула покойница, и в ее голосе Вагнер уловил сентиментальные нотки.

— Да, — подтвердил он. — Серг... Сережка. Он рассказал, как той же ночью ты сбежала из дома, и что нашли тебя лишь наутро — окоченевшую, в том самом овраге. Ты была... совсем как мертвая! Но ты была жива.

— Жива...

Вагнер вспомнил, как спросил отца, что за вещи знала его странная знакомая. «Она знала, что снится мертвым, сын, — ответил тогда отец. — В ту ночь, тоскуя о матери, она пошла к этому оврагу и... умерла. Она была мертва до утра, пока мы не отыскали ее. И все это время ей снились сны. Особые сны...»

И вдруг, повинувшись какому-то внутреннему порыву — неизвестному доселе творческому импульсу, — Вагнер взял ластик и начал стирать зарисовку. Только сейчас он понял, какую именно картину собирается сотворить. Все это время он изображал жизнь посредством смерти, а теперь он напишет смерть, отобразив ее через жизнь.

С легким шуршанием карандаш вновь заскользил по холсту.

— Нам снится жизнь, — прошептала покойница. — Это как воспоминания... Даже нет, это и есть воспоминания. Бесконечная череда образов, пережитков прошлого, слов, поступков, впечатлений... И это никогда не кончается, потому что дальше уже ничего нет, как нет и пробуждения. Мы спим вечность, и вечность нам снится один и тот же сон. Будто кино — снова,

снова и снова... И оно никогда не надоедает, ведь уже некуда спешить — все давно свершилось... Поэтому такое нельзя до конца назвать сном, это — сновидение памяти. Мы помним свою жизнь и переживаем ее раз за разом. И в ту дождливую ночь, уснув, я увидела именно это... То была моя смерть. А когда меня разбудили... наверное, я так и не оправилась... Не смогла вернуться к нормальному, привычному для меня и всех окружающих укладу жизни...

— Так что именно тебе снилось?

Покойница долго не отвечала...

К рассвету картина была окончена. Вагнер воспаленными от наркотиков и недосыпания глазами удовлетворенно рассматривал свою работу. То, чего он так жаждал, у него получилось: он показал смерть, всю ее монументальную красоту и мрачное величие. И фоном для этого послужила жизнь — ее свежесть и очарование, отраженные в ребенке.

На холсте был изображен темный, заросший кустарником и покрытый ковром из опавших листьев овраг; шел дождь, и вода мутными потоками стекала с близлежащей дороги. А в самом центре оврага, глядя на предполагаемого зрителя большими равнодушными глазами, раскинув тонкие руки, лежала худенькая девочка. Тело ее было припорошено листьями и прочим сором, ноги и руки все в грязи, одежда вымокла от дождя, спутанные волосы растрепались. На ее бледных щеках застыли холодные капли, а ее посиневшие губы были слегка приоткрыты, и к ним прилипла травинка... Вспышки далеких молний и еще более далеких воспоминаний отражались во взгляде девочки, и нельзя было точно сказать, мертва она или нет.

Она просто лежала там, на этой могильной земле, мечтая увидеть сны, запретные для мира живых.

История 3

Старик по обыкновению заперся у себя в кабинете, подъехал на инвалидном кресле к окну и долго-долго

смотрел на улицу. Тихое осеннее утро, серое небо над домами да капли на стекле. В квартире больше никого не было, но старик все равно предпочитал закрывать дверь на ключ, как если бы опасался навязчивых домочадцев... Сиделка, которую оплачивал ему сын, обещалась прийти ближе к обеду, до этого же времени никто не появится.

Никто.

Еще до инсульта старик частенько принимал гостей и устраивал долгие занимательные беседы на околофилософские темы, при этом неизменно попыхивая сигарой (теперь от курения пришлось отказаться — так советовали врачи) и маленькими глотками потягивая дорогой коньяк, будоражащий беспокойную, а ныне уставшую и одряблевшую душу. После приступа, утратив контроль над левой половиной тела, он предпочел доживать свои дни в одиночестве — без людей и разговоров. Так казалось проще, спокойнее, естественней...

А еще ему не хотелось, чтобы его видели и запомнили таким — старой развалиной, то и дело пускающей слюни и чего-то мычащей. Ведь смерть уже навестила его однажды, и она непременно явится вновь. Скоро, очень скоро.

— *«Лишь краткий день зайдет за небосклон, настанет ночь одна и беспробудный сон»*, — вздохнул старик, вспомнив поэзию Катулла.

При этом невольная улыбка тронула его губы — вернее, правую их часть, левая же оставалась неподвижной.

«Настоящий Гуинплен», — с горечью подумал он.

А за окном, переливаясь всеми оттенками темно-серого, клубились густые тучи. И скоро вновь пойдет дождь...

Старик же размышлял о том, как бы хорошо было выйти на улицу и прогуляться под дождем, вдыхать его запах, свежесть грядущей летаргии, но... без тоски и слез. Лишь сновидение — спокойствие для мечущей-

ся души. Быть может, он даже повстречает тех, кто ушел много раньше...

Кто сказал, что смерть должна быть трагична?

Покрутив рычажок управления и тем самым развернув кресло, он унылым взглядом окинул свой стол. Заметки, какие-то деловые бумаги, книга с закладкой, пара буддистских статуэток, позолоченная перьевая ручка — чей-то подарок, но... без лиц, без имен, просто так. А в центре стола лежала раскрытая газета. Взгляд замер на фотографии сына — лицо раскрасневшееся, с застывшими каплями пота, волосы растрепаны, ворот рубашки надорван; сам же что-то кричит, глаза навывкате, руки сжаты в кулаки... И заголовков прямо под фотографией:

«ИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК ВНОВЬ ДЕБОШИРИТ»

Старик нахмурился, потянулся к газете и яростно, насколько хватило сил, швырнул ее прочь.

88

Слухи, что до него доходили, удручали. А тут еще местные писаки отчаянно пьжнутся, выискивая самые неподходящие моменты и ракурсы, сочиняя какую-то несусветную чушь. Читать подобное было тяжело, особенно если учесть, что с сыном отношения были натянутыми: тот мало посвящал в свои дела, а на все распросы угрюмо отнекивался.

И эти его картины...

Встающие из могил трупы, кошмарные хороводы скелетов, пляска смерти, тлен, тлен и еще раз тлен. Портреты живых, изображенных гниющими мертвецами; куски плоти и оголенная кость; высохшие мышцы и впадые — двумя мазками белой краски — глаза. Всего лишь полный пугающих образов карнавал, принимаемый глупцами, ничего не ведающими о смерти, за чистую монету.

Бугафория!

К настоящей смерти эти карикатуры не имели никакого отношения. Ни единого сходства, сколько бы сын ни таскался по моргам, ни разглядывал фотогра-

фии с мест аварий и катастроф. И вроде бы он был одним из первых, кто увидел последствия терактов в метро... А может, вновь журналисты навывдумывали...

Старик тяжело вздохнул.

Когда-то в детстве он видел мертвеца. Стоял у дороги и — словно в жуткую бездну — заглядывал в глубокий овраг, откуда на него тарачилось не столько сведенное предсмертной судорогой лицо какого-то бродяги, сколько воплощенная смерть. И еще эта вонь... мухи... вывернутые конечности... капли крови на грязной одежде... То, что рисовал сын, заставляло лишь грустно улыбаться — столь далеко оно было от жуткого образа неминуемой реальности, представшего старика в те далекие годы.

— Марина, — пробормотал старик.

В памяти всплыло видение: одетая в смешной сарафанчик худенькая девочка с темными волосами и кругами под большими вдумчивыми глазами. Она жадно разглядывала покойника, а потом... что же было потом? Ну конечно! Она попросила... попросила похоронить ее. «Мертвые спят и видят сны», — сказала она, а он обозвал ее дурой и убежал. На самом деле он вовсе не считал ее дурой, просто испугался, поступил как самый обычный «маменькин сынок», как «нытик», как «мямля»... А все потому, что в тот момент реальность пошатнулась в его представлении, обнажив свои зубы: помимо раздавленных кошек и подстреленных птиц в ней можно было отыскать и нечто куда более уродливое, страшное; нечто наподобие человеческого тела в овраге. И он оказался не готов к такому. Ни тогда, ни после. Марина же, напротив, будто специально ждала этого дня, этого мига, этой встречи...

Может, поэтому он в нее и влюбился?

Старик раскрыл книгу и пробежался взглядом по знакомым строчкам. Ему всегда нравилось творчество Эдгара По, и он знал, что оно многим нравится. Правда, в определенных кругах обсуждать эти тексты отчего-то считалось моветоном, но разве может быть таким разговор о том, что действительно захватывает?

Увы, нынешним утром чтение не шло. Смысл постоянно ускользал, несмотря даже на то, что старик прекрасно знал весь сюжет — как-никак, он перечитывал эти произведения невесть сколько раз. Тем не менее мыслями он был далеко. В том сентябрьском дне, в нескольких сотнях километров от города, стоял у края дороги и смотрел на мертвого человека. Рядом притихла Марина... Могла бы выйти отличная новелла за авторством мистера По.

Так о каких снах она тогда говорила?

Старик думал над этим не раз, — даже позже, когда Марина умерла от воспаления легких в свои неполные двадцать четыре года. Он стоял у ее могилы, рассматривал черно-белую фотографию на надгробном камне, и слезы текли по его щекам. И вместе с тем где-то на задворках сознания витало это нездоровое любопытство: что же ей снится?

90

Так он стал наведываться к ней на могилу, а чуть позже начал приводить с собой сына, хотя и сам не до конца понимал, зачем это делает. Жена ругалась, даже пыталась ревновать к покойнице, но он не обращал внимания на ее истерики. Впрочем, как и на нее саму. Наверное, именно поэтому, когда она оставила семью, сбежав с каким-то военным, он не особо расстроился. Это не стало ударом, как не являлось и шокирующей новостью, пусть все сочувственно и поглядывали в его сторону, о чем-то шептались у него за спиной, а после пристыжено отводили глаза.

И, если не считать этих странных походов на кладбище, сыну он тоже уделял мало внимания.

«Возможно ли, что его творчество — результат наших тогдашних прогулок?» — размышлял старик. Но, как то не странно, спустя мгновение ответ ему был уже не интересен.

А вот Марина и ее сны — очень!

Выдвинув один из ящиков стола, старик положил на стол револьвер и несколько патронов. Долго разглядывал оружие, после чего откинул барабан и вставил один-единственный патрон.

В ночь перед отъездом Марина сбежала из дома. Ее нашли лишь поутру в том самом овраге — холодную, спящую. Она так и не рассказала, что ей снилось той дождливой ночью. Видела ли она то, что снится мертвецам, или же нет? Но с тех пор Марина определенно изменилась. Она стала гораздо мудрее, чем ее сверстники. И даже мудрей многих взрослых.

Какую-то тайну она все же постигла.

Старик прокрутил барабан и приставил револьвер к виску. Он не особо задумывался о том, что и зачем делает. И уж тем более его не заботило, как этот поступок воспримется обществом, бывшими коллегами, редкими оставшимися друзьями, сыном, наконец. В данный момент попросту не существовало такого понятия, как самоубийство.

Наверное, для Хемингуэя тоже не существовало всех этих клише: он всего-навсего устал...

Но было и еще кое-что — как будто бы вся история его жизни сводилась к одному этому мигу, мгновению истины, ответу на все вопросы. А может... ему просто так казалось?

— В любом случае скоро я все узнаю, — хмыкнул старик.

И вот тогда в дверь позвонили.

Какое-то время старик ничего не делал. Потом, дождавшись повторного звонка, спустил курок.

Щелкнул боек и барабан провернулся: значит, не сейчас...

Отложив револьвер, старик выехал из кабинета в коридор. Через домофон осведомился, кто пришел. «Служба доставки», — было ему ответом.

Высокий парень уверенно внес большую и, судя по всему, довольно-таки легкую коробку.

— Распишитесь, — попросил он, с любопытством оглядывая просторный и практически пустой коридор.

Старик оставил на протянутом бланке размашистую подпись и быстро выпроводил парня за дверь. Минуту-другую молча рассматривал коробку, после чего попытался ее поднять, но справиться одной рукой

оказалось задачей не из легких. Кое-как водрузив коробку на колени, он направился обратно в кабинет, где вскрыл ее ножом для писем. Внутри все было заполнено пенопластом, порывшись в котором старик обнаружил картину. Он вытащил полотно на свет и долго рассматривал изображенную на нем девочку.

А по его морщинистым щекам текли слезы.

В том, что картина принадлежит кисти сына, старик нисколько не сомневался. Но вот откуда сын узнал, как выглядела Марина в детстве? Ведь он никогда ее не видел! Только если фотографию на могильной плите, где Марина была уже взрослой. Больше ничего не осталось!

Так откуда?

И лишь спустя некоторое время старик понял, что именно хотел изобразить сын. В этот раз смерть действительно удалась — ее величие, достоверность... Смерть стала настоящей, обрела форму и силу, возродила воспоминания.

92

Нет, Марина не уснула той ночью — она действительно умерла, чтобы воскреснуть к утру. Каким-то образом сын понял это, сумел уловить тот момент.

Старик положил картину на стол, так, чтобы она накрыла собой револьвер с патронами. В коробе он также обнаружил конверт, быстро распечатал его и извлек на свет вдвое сложенный листок.

Послание состояло всего из четырех слов:

«МАМА. ЕЙ СНИТСЯ МАМА»

А потом старик просто сидел в кресле, с наслаждением курил припрятанную до поры до времени сигару и рассматривал изображенную на картине мертвую девочку, лежащую в темном овраге у дороги.

За окном тихим шепотом осени шелестел дождь.

Илья Рывкин
НЕМЕРКНУЩИЙ ВОСТОК

писанина недостойная листа искусственной пальмы, по которому пишу.

Экран печален, как бывает курган в марте ИЛИ ТРОПА ВДОЛЬ полотна.

Среди моих полупрозрачных кукол, Великая Княжна, среди моих полупрозрачных кукол в голубой, как солнце, комнате лампа белая, как Луна.

Ритуал красив по-бычьему, опахало это хвост.

В третьем часу ночи подает голос пес. Это не пес. Он скачет за стеной на уровне моей головы. Это не стена — окно, заложное паралоном. Сквозь покрытие сна прислушиваюсь к хорам москитов. Где-то по булыжнику скачет ручная тачка. Встаю и выхожу наружу. Дым вчерашней кремации не отлетел в небеса, не уплыл по течению вниз, повис повсюду вперемешку с речным туманом. Собачья истерика, кажется, закончилась. На воду спускают продолговатую вещь, может быть труп? Прихлопнутый комар дает сдачу. Духи или люди из низких каст веселятся внизу у костров. Кто-то невидимый плещется в Ганге. Крашенная известка осыпается. (Мы никогда не встретимся больше, но я рад, что ты это читаешь.) Над койкой — календарь со слоном за счастливый семнадцатый год. Трехполостной вентилятор висит неподвижно. За пыльной клеткой два благочестивых изображения Бога с Богинями и символическое полотно: солнышко подмигивает и уплывает по диагонали за угол, драпированный под германскую имперку. В изголовье — календарь на

хинди неизвестно за какой месяц и который год, благоприятные дни помечены знаками, которые я, неграмотный, принимаю за буквы урду. Алхимические треугольники соли и перца. Повсюду стойкий запах плесени. (Надо пожечь палок). Судя по звучанию, кто-то испражняется прямо сейчас под окнами в метре от меня. Проводка снаружи из-под паралона провисает под потолком, далее щиток колониальных времен, двери в прихожую, она же кухня. Там мы едим на бетонном полу. Стены цвета куркумы поросли орнаментом, лиана лезет к резным розеткам, ржавеющей арке зеркал на отворотах кривой двери, но как рассказать про ангельскую легкость общения двух монахов?

В пять начинают кричать подростки-семинаристы. Я не замечал у них ни одного мобильного телефона. Беготня, затем исполнение ведических гимнов в ритме переключки мангуста с сорокой.

Просыпаюсь от звуков благочестивых песнопений. Один из двух ангелов носится в лучах зари, обильно кропит водою полы святилища, умывает Богов. Будьте блаженны! Святые столбы умащены, на каждом — белый воронкообразный цветок, названия которого мне так и не удастся узнать.

Вот он, немеркнувший Восток. Розы бледнеют. Трещет струна. Птицы летают по-две прямо. Вот он, рай: цветочные венки и козы. Тысячелетняя плита еще холодна, долго не усидишь. Здешние коты похожи на дворовых европейских, но более ушасты и морда дикая, худощавей и грациозней. Семинаристы-брамины пускают в маргышек самолеты, сложенные из санскритских тетрадей. Времена расслогласовываются. Трудно улавливать черты обезьяны в прыжке. Вот она ухватила временную лиану, раскачивается как маятник головою вниз, передние лапы врозь. Их время розовое, как младенец. Я лежу на незнакомой крыше под перистыми дутыми облаками. Я лежу под небеса-ми слоновьего цвета. Ушли обезьяны, ушли...

Поддень — золотая оса переросток.

、(° Q。)/

Или начать с того, как сторожил коляску велорикши посреди трущев? Извозчик потерялся уже три четверти часа как во дворах, дело, мол, побудь, брат, по карауль... Чтoб не скучал, выдал бутылку пива, обернутую грязной тряпкой. Познакомились мы в чайной. Приземистый, поджарый, темнокожий ставит на середину столика тарелку с тостами и омлетом.

— Угощайся!

— Это не мой заказ!

— Не твой, я угощаю.

Отрываю руками кусок. Он — другой.

— Человек я маленький, — так, с вызовом произносит, — нет проблем! Но сердце у меня большое!

— Как тебя зовут?

— Рауль. Опиум нужен? Семь тысяч рупий — десять грамм. Ну пять, берешь? Нет?

Тотчас под мою ладонью появляется сероватая масса. Отстраняю руку. Рауль накрывает опиум этим вот блокнотом.

На часах прохожего без четверти четыре, а я еще коляску караулю, благо заехал в тень от светодиодной панели. Одна из ламп мерцает невпопад шафранным излучением. Солнце за спиной — не оборачивайся! Опиумный сироп — клей вещей, клещ, ключ, а фоном — взаимовраждебные течения, замедляющиеся до спазма. Расскажи как жить, и буду за жизнь цепляться, как цепляется обезьяна за что-то там...

Рауль появился со стороны противоположной той, куда уходил.

В чайной мы распрощались, но столкнулись через час снова в другом квартале. Он катил велоколяску, а мне грустный чистильщик ушей чистил ухо. Выпьем, говорит, по-бутылке, мы разные но сердца... Я сажусь в коляску и вот... Он, с Гималаев, по-вере скорее буддист, но и индуист. Сам оплачивал собственное образование. В школе его назвали Раулем и научили говорить «je m'appelle» и „Dieu te bénisse“.

— Думаешь, я похож на бездомного? Выгляжу так только, а у меня есть и дом и семья! Что наркотню катаю — это ради детей! Сердце, помнишь про сердце? Теперь к массажистке, чтобы жилы твои поразмяла!

На одном из перекрестков коляска круто тормозит.

— Вот она, моя семья! Это наш магазин!

Под навесом из платков и флагов на тротуаре сидела женщина в охристом сари. Вот сын и две дочери, одной десять — вертикальный ум, другой пять — ах, здесь в Индии не поймут, что значит для меня, северянина, солнце! Про супругу Рауля скажу так: улыбка её светлая и, знаешь, читатель, чистая!

К массажистке? Хорошо, проводник, доверяю... Приехали в заведение: повсюду лилово-розовые блестяшки, а массажистки, ну — шмары, и прејскурант втрое выше озвученного. Нет, Рауль Большое Сердце, нет! Бай-бай! Бежит за мной. Есть дело к тебе, Рауль, я заплачу, вот купюра, а дело серьезное, так что выполни основательно: чтоб я больше тебя не видел!

Ясно, я для него — бессмысленный белый декадент. В нашей расе, положим, вополотились духи асуров. Мог ли бы я по-европейски сказать: „Рауль — нет денег — не плоди потомство“? Не смог бы. Дети эти столь прекрасны, на них очевидно действие благих сил, превосходящих человеческое. Тем хуже, Рауль, для тебя, да и просто много хуже! Тем и буду, за кого ты меня считаешь, белым демоном, декадентом, портящим космос.

~>)~::~

Шесть. Организм после берлинского переутомления отсчитывает минуты, лишь бы поспать. Спрятанная в подкладке долька сильнодействующего снотворного пропала. На поверхности рта — послевкусие печального авиационного пайка. Всё тянут подать трап. Лопастки перегоняют туман, отдающий травяным перегаром, сквозь который плывет раскаленная монета. Я не понял ещё, что это делийский смог, и звуков здешних не различаю, но слышу: турбины кричат по-птичьему.

Охранник у рамки металлоискателя касается меня осторожно, так брат будит брата ото сна, зато метро увозит не туда, в вагонах нет карт. В этот час станция Нью-Дели немногочлюдна. Подзываю мальчика-рикшу, а по прибытию, куда хотел, угождаю в лапы зазывал: вот позолоченный номер за две тысячи с половиной, внизу есть и за семьсот: плюс плесень, минус окно. Отель „Дворец Могола“. Ах, пожалуй стоило сразу брать поезд, не потерял бы сутки, так что вычеркиваем сутки.

В тексте „Чай-Гора“ поезд забирался, пишу по-памяти, на возвышенность поросшую змеинным деревом. Рептильной ворожкой я не овладел вполне. Изыскания продолжаться в Ассаме и окружающих горных штатах Северо-Востока. Деревья там чайные. Снова поезд. Снова появляется разносчик чая. Заказываю один стакан. За прошедшие три года страна урезала потребление одноразового пластика, так что стакан картонный. Мусолю индийские деньги правой рукой, стакан в левой сминается, кипятик брызжет по сторонам, левое колено напрочь ошпарено, но откуда на волдыре пара ровных язв, будто от змеиного жала?

↑(` ^ ´ #)...≡(*.*)≡

Надо купить сим-карту. Пока разговоры да активируют, послали мальчика-продавца за чаем.

— Германия прекрасная страна, почему Вы в Индии?

— Так и Индия же...

— Для прекрасного человека все прекрасно!

А вот и прекрасный паж с чаем, налитым в пластиковый кулёк!

— подари мне немецких денег! Нет, монет не надо, бумажку!

Любопытно. Протягиваю пятерку.

— сюда заходили туристы, французы, плохие люди. Мне много иностранных денег дарят! Они хотели плохих вещей, — Прицельный огонь!

— Ты понял что?

Ухмыляется. Сколько ему? Семнадцать?

— Чего ж непонятного?

— И что?

— Любовью заниматься?

— Нет, не любовью. Ебаться. Но я не стал.

Налички для активации не хватало. Нахожу ближайший банкомат, продавец снаружи ожидает. Не успеваю отсчитать сумму, подбегает пожилой господин в шафранных облачениях, начинает скандалить. Не такой, как все, очевидна тысячелетняя порода. На пунцовых губах пена: что за деньги я юноше даю?

— Что?

— За сим-карту.

Ночью во „Дворце Могола“ зазвонил телефон. Нет, не ночью, просто я такой усталый. Часов в десять? В одиннадцать?

— Откуда у тебя мой номер? Какое гулять? К десяти утра должен быть уже на автовокзале! Да, хочу спать! Бай-бай!

Паж появился на автовокзале.

— Come on, — кивает он на автобусные останки за засраным пустырем, — people do it everywhere!

Было семнадцатое марта двадцатого года. В этот день умер Эдуард Лимонов.

Ну, как в русской книжке? За окном пролетали пугала, козы, посадки рядами, прямоугольники высыхающих огородов, вечные поля и никаких пальм, высокая осока и ложная акация — нет, вот пальма! Сверкают белками исподлобья крестьяне, ходят по воду. Пруды тоже прямоугольны, горы выглядят по-азиатски, вот и горы! Рисовые плантации, рыболовные фермы, уже восточная Азия, Брахмапутра серая и бескрайняя, слоя намытой глины. Верх дымно розовеют, а по низинам стелится ночь, темно-лиловая, как шаровары той девочки, что кувыркалась по полу автобусного салона. Пасутся свиньи: черные и пятнитые — здесь живут христиане.

(·_·)(·_·)(··)(··)(·_·)(·_·)

Не важно, где он к тебе подойдет, ну на рынке. (В щель прошмыгнул мангуст с мышью в зубах.)

— Нет, в лавку не желаю, хотелось бы осмотреть святилища!

— С неиндусов берут за вход шестьсот, но тебя проведу бесплатно. Зачем вовнутрь? Снаружи все покажу! А потом в лавку, зачем покупать? Только посмотришь... Ты откуда?

— Германия.

— Столица? Токио? I don't speak English. ... окончил только четыре... восемь... классов...

— Кем работаешь?

— Огородник. Везде. Мясо ешь? —, покачивает головой, — Я ем только фрукты, овощи, молоко и траву... Что за шнурок на шее?

Храм сторожат автоматчики. Их основная огневая точка за золотым куполом. (Опять мангуст.) Спускаемся мимо огромной рыжей Богообезьяны к Девяти Планетам. Селестриальные колонны увенчаны сферами, но не как у масонов, над глобусами верхом на ездовой твари по фигурке планетарного гения. Компаньон торопит, зовет в лавку своего наставника. Наставник подбирает каждому аромат по звезде гороскопа.

В прихожей у мастера мычали коровы, то есть прямо за дверью огражденный расписным частоколом хлев. Вышел хозяин, худой, в четко прописанных пальцах книжка стихов русской последовательницы. Прекрасное ассиметричное лицо. Разговор был ясен и легок, как сандаловый дым.

На следующий день я снова встретил своего проводника, но тот меня не узнал. Та же рубаша в мелкую клетку, черные от табака зубы. Он стал расхваливать непальский гашиш.

— Не курю.

— Вчера я был на огородах, может быть, тебя водил мой брат близнец? О торговце благовоньями ничего не слышал, да и нет тут такого, знал бы... Я буду назы-

вать тебя Кришной! — (на мне майка под павлинье перо), — Главное: чистое сердце и добрая карма! Доброе сердце и чистая карма...

— Таааак....

— Ты бывал в ашраме агхори? Не знаю, зачем (... тааак ...), но должен провести тебя, как ты когда-то... О деньгах забудь! Это не первая встреча... благие знаки! Ты какой веры?

— Христианской.

— Христиане претворяют вино в кровь, а агхори пьют и кровь и вино!

Мы прошли квартал мусульман-прядильщиков, угощаясь жевательной смесью табака, орехов и неизвестной кашицы в пряных листьях. Монастырь, ну так... По мне — богадельня, пожалуй только карпы в пруду хороши...

— Я чувствую, — говорит, — да ты чувствуешь и сам, тут, в прошлых воплощениях...

Под недостроенной бетонной крышей валялись мешки с рисом.

— Благая карма, — говорит, — Накормить нищих. Зачем деньги? Никаких денег! Надо купить рис! Сто килограмм? Пятьдесят? Отведу в лавку, там купим сто килограмм — восемьдесят тысяч рупий.

Цена была бесстыдно завышена.

— Мне нужно в уборную, минуту!

Где-то взвизгнула обезьяна, как ослабшие тормоза. Я убежал. И сразу меня обманула принцесса лет семи, божок с глазами, как ночь на Венере. Подошла попросила пакет сухого молока. Я купил и отдал ей, она застеснялась и убежала, пряча пакет под подолом, сдавливая улыбку в зубах. Потом они молоко перепродают за пол-цены тому же торговцу. Трюк известный, так промышляют мадонны с обсаженными барбитуратом младенцами на руках.

‘(◀◉▶ ;益; ◀◉▶)’

Меня зовут Индраджит. Люди, ну не хватает ли? Мартышка вскарабкалась на минарет.

Рома Ч. говорит: „мы для местных не то чтобы демоны или полубоги, мы — эпические герои“. Возможно, так оно и было когда-то, пока не стало ясно всем: они могут все, что умеем мы: тыкать в тачскрин, а нам их умения недоступны.

Женщина в огненном сари набила чугунный утюг углями и глядит на меня в упор.

Если из „Циклопедии“ Негаристани повычеркивать все заумности, останется предельно простой сюжет: агенты лемурийской хтони отложили в тело арийского культа болезнетворную личинку монотеизма.

Равана изначально не был злым, он напоролся на проклятье, как дичь на охотничий крюк. Равана стал демоном, а род его и соратники — сплетением взаиможалящих гадов. Правда, ракшасы низвергли Богов, разорили Небеса, покорили Землю и Преисподнюю. Гордый Равана дразнил Нанди, быка Шивы обезьяной.

— Ты обезьяна!

Нелепая, жалкая, постыдная, абсурдная обезьяна. Отсюда-то и прилетело проклятье: не людские армии сокрушили мощь демонов, не боги с титанами — обезьянья раса.

с левой ладони на правую — с правой на левую
 трижды трижды трижды
 рис простой рис цветной
 поливать речной водой и другой
 верхом на цветке (Письменность, как осадки.
 Под тропическим дождем шумят зеленыя.)
 кому фрукты кому сласти деньги цветы блески
 красоты?
 что ты делаешь, абсурдная обезьяна? чем ты
 была всю жизнь занята?

Ψ (☆ w ☆) Ψ

На этом месте в блокнот занесена фраза „НЕГАТИВНЫЙ ПАНЦИРЬ ПРЕДСУЩЕСТВОВАНИЯ“.

Начинать такое следует затемно. Краски, сласти и благовонья — вот что мне велено спускать в крипту.

За день до того я выгреб гниль из-под алтарей, высушил подстилки на солнце, передвигал черепа, мыл каменный пол и еще раз начисто. Ритмично мигают лампы: синяя, как в детстве для прогрева, чернильно-фиолетовая, под цвет моего неба северного, а красная и зеленая — простые цвета, со светофора. В синем свете бархатцы у моих ступней выглядят черными, розы — лиловыми. Вторая гирлянда, под розами, заплесневела. На куколке-Богине надеты алые юбки поверх серебрянного наряда. Горшки с прахом поставлены в столбик один поверх другого, со столбов свисают блестящие нити, остатки перегнивших гирлянд. В чаше из человеческого черепа — свежий мёд.

Мне снилось: выставляю ладонь наружу, собираю в пригоршню дождевые капли. Они жесткие: молекулярные цепи формируют фортификационную конструкцию. Мы быстро карабкаемся по строительным лесам, марьшишки-пауки. Леса со стуком качаются, не падаем.

Лобные кости разложенных в ряд черепов помечены карминной помадой. Когда мигает зеленая лампа, кармин становится золой, а охряные, серо-желтые венки из бархатцев на черепах отсвечивают красным, мимикрирующим под черный. Маленькие Боги запутались в венках. Трава для слона, молоко и мед им по колено. Розовый? Тут цветам не доверяешь. Вторая Богиня скрывает лик в глубине латунного реликвиярия. Алтарь из восьми столбов праха, и еще один. Дары на месте, мыши не сожрали. Сейчас приходил монах, разложил крысиный яд. Нет, не забыл я ни ладанку ни курильницу.

Посмотрел я на солнце ваше, на ваши звезды. Пора бы и домой, туда, где сияют болота. В темноте мы с вами и встретимся, приглашаю!

Череп да бананы. Сверху багровая краска, а внизу этот индийский цвет, как его, шафран?

ॐ ॐ

Уже должен был быть на вокзале, спрашиваю моторишку, далеко ли?

— Вы велели к буддийскому храму!

И сразу дорогу перегородила процессия: спереди заговорила труба — золотой слон, закричал барабан — триумфатор с добычей, а по середине — оранжевое гало: духовный князь, и знамя над головой! Благочестивые старушки по сторонам дороги закланялись быстро и часто.

Здесь протягиваю мост между слонем и вокзалом, где продается холодная кола, но трудно что-либо понять, спрашивать у патриархов и нищих, пастухов... В бюро станционного смотрителя гадят пять или семь мужчин в униформе.

— Откуда отходит поезд на Гувахати?

Старшина (пусть будет старшиной) машет рукой и орет:

— Вот Бог! — тычет в картинку за моей спиной.

Все поняли, что я чего-то не понял.

— Откуда отходит поезд на Гувахати?

— Там! — указывает на перон жестом „пошёл вон!“

В руках у контроллера список пассажиров на древней факсовой бумаге, родственной газетной. Из ниоткуда вылез ребенок и стоит над душой. Не хотел подавать, но настойчивость, как в Евангельской притче, возымела силу. Протянул десятку и пацан прыснул прочь.

— ... здесь им побираться запрещено, — кивнул сосед по скамейке, как оказалось, молодой учитель английского, преподает в провинции. С ним супруга, опустила глазки на буклет о пользе девичьего образования для национальной эмансипации. Как что с йогой в Германии? В ответ на просьбу назвать любимых английских авторов стал перечислять индийские имена.

炎炎炎炎☆ |о (о ` ▽ ´)оΨ

За ночь до праздника Холи я проснулся от частых ударов басовой бочки. Техно в священном городе? Еще вчера каждый покупал угощения, краску, алкоголь. По углам и на перекрестках в полтора человеческого роста загорались костры из досок и старогохлама. Последним запалили ближайший от нас. Холика, ведьма, да пусть святая, рассказывается разное, правда одно: взоры, брошенные ею на племянника из пламени затмевали пекло. Обряд сожжения служил статный брамин, а десятилетний служка, бормоча благословения, подкидывал в огонь пигменты, жертвенные сладости, брызгал масло. Денег — нет, не видел чтоб бросали деньги.

Сегодня на кремационных площадках начинаются танцы. Юноши, измазанные белым прахом, пляшут, как неживые, над кострами. Один подошел ко мне, сорвал солнцезащитные очки.

— чего зубы не чистишь?

Положил руку на плечо. Я отобрал очки, высвободился из объятий. Деньги на месте.

Как описать город, умытый краской, утренний его разгул? Меня слабило, требовалось закрепляющее средство, но аптеки позакрывались, мало ли что? По обезлюдевшим переулкам туда-сюда шатались мокрые размазеванные толпы. Кто-то полез обниматься, моя новая золотистая сорочка пошла лиловыми пятнами — хорошо! Опять очки! К слову, с очками у людей — обезьянье, мартышки принимают пару кругов на физиономии за пристальный взгляд хищника. Нам встречался веселый патруль: дубинки и карабины наперевес, униформа в цветных подтеках — дети на балконах шмаляют краской из брызгалок. Под пьяные возгласы над головами плывет человек. Играет ли он Шиву? Холику? Я не знаю священных ролей. Землю Индостана истоптали Дионисовы полчища сатиров и пантер! Мои копыта знают, как танцевать Марсельезу! Мы не играем роли — роли играют нами! Ба — бам!

Так угодил я под красочный дождь. Мальчики отмывают в Ганге пестрые пятна. Помню корову с лиловой мордой и собаку, шерсть в в розовых и зеленых разводах, она грелась у костра. Врядли найду сегодня Храм Махавидий. Дальше скакать по пёстрым лужам человеческой и коровьей мочи! Розовые кисти над дверью, луны — не кисти.

Темная. Бенгалка что-ли? Волосы растрепанны, соски из под намоченной краской майки торчат. Так тут не ходят. Смотрит дико.

Да!

— Нарру Holi!

(/ ≥ ∇ ≤) / · ´ ❀❀❀❀❀❀

Пишу карандашом, у меня два одинаковых, один из них — ворованный. Я поднимался на Чай-Гору. Я водил алый хоровод. Я спускался в священную пещеру. Я коснулся вечного омута. Все сбылось, но не так. Я рад, что ты это читаешь.

Мы никогда больше не встретимся.

、 √ (≥ ∇ ≤) √

Встать в шесть, в семь уже на улице, ключ брошен на пустую стойку. Последним, что занес в блокнот, были скрипучий вентилятор, желтые стены, москиты, влажные простыни в номере над продуктовым рынком. Вчерашний консьерж, подросток, разговаривал со мною, будто меня нет. Не приживается на высотах изошренная манера вытягивать деньги. Комнаты, видимо, в собственности буддистов, не держат мурти в вестибюле, только колесо.

Пересекаю железнодорожную ветку, но вокзал не там, куда вела карта. Направление подсказал мусульманин, балансировавший с перекладиной наподобие коромысла через плечо гроздьями привязанных за ноги живых кур. Желтые глаза птицы странно дергались.

— Шиллонг, закричал водитель маршрутки совсем рядом, Шиллонг! Я залез в кузов. Казалось, у водителя

по мере подъема удлинялась глазная щель. Я стал слабеть от кислорода, убаюкиваемый скачками тойоты. Помню только, вверх по косогору карабкался лесной пожар.

А что Шилонг? Тут появляются женщины, но Индия теряет сходство с собой: товары на развалах — не сказка в блестках, а глобальный стандарт, спорткостюмы бангладеш-пошив, малайзийская электротехника. Такою и должна быть Азия: без лишнего пространства между домами, реклама, реклама, как урбанное украшение. В люк ныряет крыса, на ходу спит героинщик, но треша меньше, чем внизу: ни трупов, ни дерьма с обманом за каждым углом. Чай в Шилонге, скажу, наивкуснейший. Черпают они его из котла раскаленным горшком, сдабривают секретной приправой и подают в другом горшке, не горячем.

На этих холмах конусообразных проживают добрые христиане. Англиканский собор, постройки времён Киплинга, напоминает изнутри шотландский галеон, благо ландшафт в Шотландии так же холмист. Озеро — аквамарин в обрамлении иррегулярного парка. Отцветающие камелии отражаются в воде и ветер гонит по поверхности опавшие лепестки.

Через двадцать минут отходит рейс на Нагалэнд. Меня преследует попрошайка:

— Я проведу тебя на автовокзал, а ты дашь денег!

— С чего бы я дал тебе денег?

— Немного, пять рупий.

Молчу. Проходим мимо продавщицы бетеля. Протягиваю ей купюру, чтобы разбить десятку и откупиться от убогого пятеркой.

— Не надо, угощаю!

Покупает мне орех и исчезает.

(` ı ´ ;) §

Реки тут не смердят. Автобус перед нашим транспортирует кадетский корпус, будущее командование. Патруль протягивает ладони сквозь решетку, шутливо замахивается на курсантов дубинкой. Прощай, милый Шилонг! Прощайте закрытые английские сады! (Танк на выезде.) Между тем темнеет, ночевать, похоже, придется черт-те где. Далее заборы из мятой жести, вместо калитки — дверца от автомобиля. Женщины несут на головах снопы веником. Вязанка одной столь громоздка, что скрывает бабу полностью. Стелется суглинок под цвет верхней полосы индийского флага... Закончилась сосна, снова рисовые болотца перемежаются зарослями бамбука. В небеса торчит арматура вечного индийского недостроя. Пассажир напротив транспортирует поверх горы тюков горшок с фиалкой.

Утро....

Розовый диск Митры полощется в молоке, нет, Гаятри-Мантра, говорит „в варенье“. Двое мешочников лежат на полу автобуса, обнявшись. Так обнимаются любовники. Come on, people do it everywhere! Чуть менее часа тащимся сквозь многокилометровую агломерацию крытых бамбуком бетонных хижин. На выезде — автоматчики в гражданском. Повсюду следы христианской проповеди, но некоторые строения похожи на пагоды, далее саванна, розовые цветы колышатся вдоль дороги на длинных стеблях, опять высохшие прямоугольники разметанных в клетку рисовых болот, а от просёлка наверх — кусты одичавшего чая.

ДНЕВНИК ОБРАТНО

**привет гудит вертикальный мотоцикл
на жердях флаги цвета помады цвета жеван-
ного бетеля
лемурийский комар воскресает на раз**

рука в вавках сама соберет велосипед из лок- мотьев почерка

Бац! Бац! — это стучал консьерж, молодой гуркх, говорил мне: запрещено покидать номер, придет офицер NSC, допросит, кто такой, зачем приехал. Наш прекрасный федеральный штат был открыт для зарубежных гостей только недавно! По горам вдоль бирманской границы еще бегают партизаны. Национал-социалистические советы.

— ॐॐ, нет-нет, чужая кровь мне ни к чему!

Вчера вечером звонили с незнакомого номера, представились, что из туристического бюро:

— Где Вы остановились?

— Зачем интересуетесь?

— Где Вы остановились? — настойчиво так, поиндийски...

— В отеле.

— Каком?

— Какой нашел! не помню названия.

Гудки. Отель назывался „Шалом Йегова“ и принадлежал Церкви Прыгунов — Алилуйщиков. Я просидел пол-дня в номере, офицер не приходил, зато пришел консьерж. На этот раз выяснилось, что из-за пандемии коронавируса штат отныне и далее закрыт для иностранцев опять, а мне стоило бы поспешить на автобус рейсом до Гувахати.

Кассир отогнал меня как муху:

— No service! В автобус Вас не посадят! Ловите маршрутку!

До сего дня вирусная паника в северных странах смотрелась гротескно. В Индии было хорошо, как всегда. Куры сидели смиренно в открытых клетках для перевозки. Они не пытались бежать и не квохтали, а пищали, как пищат воробьи. Черная собака грызла отрубленные куриные лапки. У рябой суки набухшие молоком сосцы болтались при беге. Водила за рулем справа в фуфайке „Russia Wrestlings“ и леопардовом

тюрбане чирикал с девушкой на племенном наречии, и вдруг произнес по-английски «biological weaponry». Росписи на местных грузовиках, как татуировки: кресты да звезды, глаза да цветы! Сумерки следовали за нами с самого перевала по пятам и настигли в Димапуре на вокзале. Во всем городе выключилось электричество, когда дали свет, я увидел женщину, правая нога, которой, костистая, деформированная была закинута за шею через плечо. Зеленые глаза смеялись надо мной. Приняв милостыню, она поползла прочь: шаг другой ногой, руки обутые в сланцы отталкивались от земли, задница — вперед!

Взять билет на экспресс, взять билеты на экспресс, оттесняя меня, к кассе лезли толпы индийских пацанов, путешествующих по своим пацанским маршрутам.

Место в плацкарте помог мне отыскать юный ас-самец.

— Я электрик, сказал он гордо. Родом из города на сваях на северном берегу реки Брахмапутры. Дотуда только вплавь, да плавать не умею.

На безымянном пальце он крутил золотое кольцо.

— Ты женат?

— Нет, это кольцо Богини, матушки Камакхьи.

— ॐॐ!!

Поездка в экспрессе тянулась около суток. По вагону проследовала юная трансушка — хиджра. Из сложенных вдоль десятирупиевых купюр она собрала веер и манерно опахивалась. Пассажиры подавали на счастье. Неровно заклепанная обшивка потолка болталась под перестук колёс и массивный вентилятор крутился лениво, разгоняемый сквозняком. Люди, крысы, обезьяны жили в мусорных кучах вдоль железнодорожных путей. В картонных хижинах дымили благовонья перед изваяниями многорукой Матушки. Фигурка в белой майке и красном дхоти пахала на буйволе. Я пытался спать, но проводник регулярно тормозил, будил, подавал то чай, то завтрак, то обед, то газету. А в газете была сплошная „корона“.

На станции Варанаси поезд остановился, где остановился. Было темно от комаров, до платформы еще пешком по шпалам. Я вскарабкался на платформу и побежал искать рикшу.

— Корона! Корона! — закричали рикши в алых тюрбанах, тыча указательными.

Ну так, шутка!

— Корона! Корона! — трещал на следующий день телевизор без остановки.

— Кор-рона! — неслось отовсюду в шутку, со страхом, с неприязнью. Ушло куда-то лукавое гостеприимство, а за место него — напряженное внимание:

— Что делаешь в Индии?

Продавец бетеля наговаривает в телефон, телефон транслирует машинный перевод: „Русский? Наша религия — человечность“, и что-то неожиданное про Ганди и Толстого, — „По телевизору передают: дело серьезное. Завтра начинается комендантский час. Международные авиарейсы отменяются. А ты прописался бы по месту проживания, как положено иностранцам, и справочку о незаразности еще, полицейские только температуру померят“.

Я почти вернулся, но на лестнице, круто поднимающейся от набережной Ганга меня окликнул невысокий темнокожий парень.

— Тебя зовут ... ты проживаешь в ...

Откуда-то он многое обо мне знал. Разговаривая, парень вращал темными магнетическими глазами:

— Пойдем, я покажу тебе наш храм. Послезавтра я готовлю угощение для детей. Приглашаю всех на праздник. Я приглашаю, а Мама созывает.

— Кали?

— Ма! Мы не говорим Кали Ма, мы говорим просто Ма. Кровь, — сказал он, — кровь свою жертвую, Ма тоже хочет кушать! — показал царапину, — и еще из языка, — высунул язык. — Я служу Матери, я воин, ты знаешь, воин! И еще я бенгалец! Меня зовут Хариом.

Во мрачном взгляде Хариома мерцали искорки опиума. Он наклонился над лежащим на мостовой больным щенком, достал крекер из початой пачки. Щенок с трудом подвинулся к корму и стал грызть крекер.

Мы углубились в кривой лабиринт, вышли на туристический проулок, еще мокрый от краски, далее подворотня, коридоры, лестница и голубой внутренний дворик. По углам сидели люди и сосредоточено молчали. Мы разулись. Хариом повел меня анфиладами комнат, в каждой было по-зарешеченной нише с изваяниями: Кали, Тара, Лалита, Бху ба не швари, д х у м а в а т и черная или синяя высунула язык облачена в парчу и багровые цветастые гирлянды Чинннамаста безголовая покрытые слоем красной пасты ступени ступни богини простираясь мы макаем в кашлицу палец и мажем лоб Хариом указал на полуподвальное окно: „здесь жила моя мама“.

Мы вышли к Гангу, сели на измазанные сухим коровьим навозом ступени и молча запапали биди.

— Тебе нужен череп? — Хариом достал из-под накидки серую костяную чашу.

— Как я его провезу в Германию?

— Я продал бы его тебе, хотя это дикша, я передаю тебе мощь... Четки, — сказал он — настоящие четки из человеческой кости. Те, что на берегу продаются — не настоящие. Настоящие надо поить кровью перед новолунием. Ты кровь человеческую пил?

Хариом улыбнулся. Я неопределенно покачал головой.

— А мясо человеческое ел? Его не съешь, как едят курицу! Я разделяю кусок на одиннадцать частей...

Хариом замахал в воздухе пальцами будто режет мясо.

— Никто не знает кто я, всё остается внутри. Когда я общаюсь с Мамой, все думают, что я безумен, а это опиум, и Мама ...

Туман настоялся на дыме погребальных костров и уходил от Ганга в тускнеющие небеса.

Мы слушали „Сумерки Богов“:

— *Was ihr begehrt, ich geb's euch: aus meiner Asche nehmt es zu eigen! Das Feuer, das mich verbrennt, rein'ge vom Fluche den Ring! Ihr in den Fluth löset ihn auf!*³

У кого из Богов на лабрисе матовый мак? Как зовут рогатых тварей в свадебной свите Шивы в леопардовых шкурах? К ночи под потолком моей кельи накопилась живность. Я травил её газом. Сначала над головою разверзся ад, потом насекомые попадали, завершая судорожный танец химической атаки на полу, на покрывале.

— *Denn der Götter Ende dämmert nun auf: so werf ich den Brand in Wallhall's prangende Burg!*⁴

Дюймовый таракан тыкался мордой об стену, забраться не мог, три пары ног не слушались. Из-под моей кровати убежала крыса. *It said it was disturbed to find that 'all the seven deaths were summarily dismissed as unrelated to vaccinations without in-depth investigations ...' the speculative causes were suicides, accidental drowning in well (why not suicide?), malaria, viral infections etc.*

112

Нас уже сепарируют по принципу фрагментов кода, а что такое раса, если не типы кода? На лабрисе — матовый мак.

— *Fühl' meine Brust auch, wie sie entbrennt; helles Feuer, das Herz mir erfasst, ihm zu umschlingen, umschlossen von ihm, in mächtigster Minne vermählt ihm zu sein! Heiajoho! Grane! grüß deinen Herren! Siegfried! Siegfried! Sieh! Selig grüßt dich dein Weib!*⁵

³ Дарую вам, что возделаете: из праха моего свое возьмите! Огонь, меня сжигающий, сними проклятие с кольца! В пучине сущие, его размойте!

⁴ Богов погибель тлеет! Пожар я принесла в Вальгаллы замок славный!

⁵ Почувствуй, как горит в моей груди светлое пламя, как охватывает сердце! Обнять его, быть объятою им, могущественный брак с ним заключая! Хейяюхо! Гране! Приветствуй господина своего! Зигфрид! Зигфрид! Гляди! Жена приветствует тебя благословеньем!

Утром я направился было в ближайший участок, но был остановлен детьми:

— Сэр, за углом патруль, ходить запрещено, Вас арестуют.

По возвращении на телефоне обнаружился пропущенный звонок из немецкого представительства. Пока ожидаешь соединения — в трубке звучит мотив, из тех, что играют шарманки, но в электроннике...

— Руководство эвакуирует немецких граждан двумя спецрейсами из Дели, ночью со среды на четверг, и в пятницу. Железнодорожное сообщение уже перекрыто, на дорогах патрули, единственная возможность добраться до Дели — внутренний авиарейс, попробуйте взять билет. Ночевать можете в отеле Мариотт.

Я хотел отправиться на следующий день, полетов не было, последний рейс сегодня в восемнадцать с чем-то. Билет удалось заказать по мобильному, но как добраться до аэропорта, если на улицах, запруженных некогда, ни рикш ни таксомоторов, лишь курсируют вооруженные дубинками патрули. На помощь пришел сосед, спина у него колесом, взгляд нездешний, и одновременно на страже. Он выслеживает обезьян и пуляет в них из рогатки. Рогатка всегда в руке. Транспортировать меня в аэропорт вызвался соседский родственник — великан-старшеклассник в красном спортивном костюме. Я собрался — попрощался, и мы покачали балансируя с увесистым рюкзаком. Мотоцикл тяжело поскакал в объезд блокпостов. Улицы города, повидавшего все эпидемии, почти безлюдны. (Пока, дядька.) Маски это азиатская деталь. Старшее поколение помнит черную смерть и холеру ясно. «Зимой холодно, летом жарко, иногда приходит мор».

Роман Михайлов в несколько фривольном ключе упоминает «человека-обезьяну, одержимого сущностями, живущими обычно в обезьянах». Так вот каковы сущности, живущие обычно в летучих мышах и панголинах!

Дома по дороге к аэропорту Лал Бахадур Шастри — достраиваемые поверху руины. Последний отрезок пути — пустое раскалённое шоссе.

Вылет откладывался, откладывался. Маскированные биологические единицы расплзались по поверхности зала ожидания подобно равнозаряженным корпусулам на максимально возможном расстоянии друг от друга. Пошел рост кристаллов новой топографий публичного. Я заговорил с белым чуваком с рыжими дрздами. Ему пришлось пожостче: неделю тому, для иностранцев закрыли hostels, а изоляция на улице это по-факту дубинки карантинных стражей. Уже на борту от перевозбуждения приходило состояние: «не могу ни спать, ни не спать». Dark Dawn. ... и этот стеклярус под крылом и нити гирлянд: Дели подступал, как тошнота.

Отель Мариотт стоял в паре километров от терминала. Я побродил по темноте, когда комендантский час не ходит ни общественный транспорт, ни такси, а частники — стервятники дерут с пассажиров три шкуры. Отель Мариотт был закрыт, но иностранцев еще селили в Хайяте. В Хайяте мягкие ковры и горячая вода. Скалятся кубы индийского конструктивизма.

Искать протухшее солнце модерна. Тело Брахмы вписывается в пирамиду, высота которой делится на четыре равные. Верхняя четверть — золотой треугольник сияющей Дельты — ясно, да и ниже — ниже. Не на биологический субстрат проецируется метафизика, наоборот телесное проявляется в общественном. Каждая корпорация выполняет органическое задание, а политика — терапевтическое. Не стоит принимать пищу, приготовленную нижестоящими кастами — отравиться. И тень свою грязную на плетень закрытого типа стратификации наводить не надо. Так благие Боги сияющей свастики играют, изгоняя нечисть. У всякой информации есть императивное острие. Еще шаг и „информация это контроль“. А тело Христа сколько-то часов было трупом.

Следующий день мы простояли в очередях. Немецкий компетентный сотрудник в гигиеническом халате с пистолетом на поясе измерял температуру бесконтактным градусником, так будто считывал невидимую апокалиптическую печать со лба. Очередь на посадку на автобус. Очередь перед воротами немецкого посольства. Очередь перед рамкой. Очередь за номерком. Очередь на сдачу анкет.

Сотни европейцев ожидали эвакуации во внутреннем садике посольства. Одни практиковали йогу, другие слушали транс. Импровизированный хор распевал бхаджаны. Польский вайшнав тревожно начал доказывать превосходство его светлой религии над моей мрачной сектой.

— Хар! Хар! Даже мусульмане празднуют с нами, и орут „Хар!“, по-ихнему „хар“ означает „вор“, а Кришна и есть Бог-вор, укравший одежды купальщиц!

В невысоких небесах мелодично трещит индийская птица майна, а мы уезжаем. Повторная очередь перед автобусами. Повторное измерение температуры. Очередь на проверку багажа. Очередь на сдачу багажа. Очередь на проверку квитков и выдачу билетов. Очередь на паспортный контроль. Очередь перед рамкой. Очередь на проверку посадочного талона. Торговые автоматы в аэропорту упакованы в полиэтилен. Мы уже на борту, закрываю глаза, открываю в в индийском, мягком, как яйцо небе.

В небе мне снились искусственные острова и подземные казармы, а когда очнулся — пространство оформилось во франкфуртский аэропорт. Стерильное и безлюдное. Так и оставьте, пожалуйста! Паспорт проверил робот. Сотрудники службы безопасности авиавокзала беседовали между собой по-арабски. Берлинский поезд был почти пуст. Билеты не проверяли, контролеры прятались от прилетевших из опасных стран пассажиров в служебном купе. Через четыре часа поезд пронесется среди розовых лепестков апрельского Берлина. Красота для южных широт невозможная!

Тем же вечером мы вышли с другом Карлом на пустую улицу. Казалось бы, раз улицы пусты — должны светиться окна, но освещения не было почти нигде, будто все уже мертвы. Тротуар преграждал бесхозный велосипед. Я попробовал прокатиться, но крабы на тормозах были сбиты. Пришлось припарковать его пока около станции метро „Площадь Розы Люксембург“. На одной из ближайших улиц вспыхнуло и быстро потухло зарево, метнулись две тени. Внизу, в метро, зацепившись коленями за горизонтальный поручень под потолком вагона висело существо в черном балахоне, капюшоне, темных очках, черной гигиенической маске и орало:

— Коррона коррона!

На следующее утро я вернулся за велосипедом. Сейчас скажу — это была последняя суббота марта, остальное — дисперсные восторги белых цветений. На месте вчерашней вспышки — обгорелый остов ёлки, на тротуаре ствол и пара сучьев, никакой золы, все ушло в огонь.

Я сел на лавочку под яблоней напротив „Красного Салона“. По-соседству шумели алкоголики, боевитая баба выясняла, кто напел, мол она спала с (имя забыла):

— Используй свой моззззггг! — она вопила, будто опыляла окружающую среду собственной непристойностью, — чтоб я спала с кокаинщиком! Лучше уж в обнимку с мусорным бачком!

На лужайке под железной скульптурой „Разбойное Колесо“ — эта метка взломщиков означает „шухер“ — расположился драматург Ансельм Ленц с девушкой и картонками. Я подошел было поприветствовать коллегу, но тот вскочил, вытащил складную линейку и закричал, мол, надо держать два метра, два метра. Хорошо. Я отошел к алкоголикам. Ансельм взял картонную коробку с Основным Законом и стал раздавать тексты прохожим.

AAAAAAAAAAAA
КОЛЕСО

Это была публичная акция, политический протекст против карантина, свидетельством чему оказались сотрудники правоохранительного аппарата. Они подбежали ко мне и потребовали покинуть площадь. Лошадь. Я иду. Я не бегу. Привет Якоб! Снова мусора пакуют меня, тащат и распластывают ветрувианского человека на борту ментовского бобика.

05.2020

М Е Р Т В Ы Й

Т Е К С Т

Витольд Гомбрович
**ПЛЯСУН АДВОКАТА
КРАЙКОВСКОГО⁶**

Уже в тридцать четвертый раз отправился я в оперетку на “Королеву чардаша”, а поскольку было поздно, миновав очередь, проследовал прямо к кассе:

— Дорогая, быстренько, мне, как всегда, на галерку, — но тут кто-то ухватил меня сзади за шиворот, бесстрастно, да-да, бесстрастно, оттащил от окошечка и поставил, как говорится, на место, то есть в хвост очереди. Сердце у меня заколотилось бешено, дыхание перехватило — разве это не убийственно, если вас вдруг хватают за шиворот на глазах у почтенной публики? Но я все же оглянулся: это был высокий, холерный, благоухающий господин с подстриженными усами. Беседуя с двумя элегантными дамами и еще одним господином, он разглядывал только что купленные билеты.

Все смотрели на меня, и я вынужден был что-то сказать.

— Так это вы были столь любезны? — спросил я, может быть, и с иронией, может быть, даже с угрозой, но — поскольку я вдруг ощутил слабость — слишком тихо.

— А? — переспросил тот, наклоняясь ко мне.

— Это вы были столь любезны? — повторил я, но опять слишком тихо.

⁶ Перевод с польского В.А. Климовского.

— А, да, это я, я был столь любезен! Туда, туда — в хвост. Порядок, Европа! — И, повернувшись к дамам, он пояснил: — Приходится учить, неустанно учить, иначе мы навечно останемся нацией зулусов.

Вокруг глаза, глаза, физиономии всякие — сердце у меня колотилось, голос пропал, я направился к выходу, но в последнюю минуту (о, будь благословенна эта минута!) что-то мне стукнуло в голову, и я вернулся. Стал в хвост, купил билет и успел как раз к первым тактам увертюры, но на этот раз не погрузился, как обычно, с головой в спектакль. В то время как Королева чардаша пела, щелкая кастаньетами, изгибаясь всем телом и вздымая грудь, а элегантные юноши со стоячими воротничками и в цилиндрах дефилировали цепочкой под ее поднятой рукой, я, глядя на маячившую в первых рядах партера голову с намаженными белокурими волосами, повторял: “Ах, значит, так!”

В первом же антракте я спустился вниз, непринужденно облокотился о барьер оркестровой ямы и немного подождал. Затем поклонился. Он не ответил. Тогда я отвесил еще один поклон, потом начал разглядывать ложи и снова поклонился, улучив подходящий момент. Когда я вернулся наверх, меня трясло, я чувствовал себя измочаленным.

Выйдя из театра, я остановился на тротуаре. Вскоре показался он — попрощался с одной из дам и с ее мужем: “До свидания, дорогие друзья, но завтра непременно — очень прошу! — ровно в десять, в «Полонии», честь имею”, усадил другую даму в такси и хотел уже сесть сам, как подхожу я.

— Простите за навязчивость, но не будете ли вы так любезны немного подвезти меня, обожаю быструю езду.

— Пожалуйста, отстаньте от меня! — закричал он.

— Может быть, вы меня поддержите, — спокойно обратился я к шоферу — я был чрезвычайно спокоен. — Обожаю... — но машина уже тронулась. Хоть у меня лишних денег не водится, едва хватает на самое необходимое, я вскочил в такси и велел ехать за ними.

— Простите, — обратился я к дворнику коричневого четырехэтажного дома, — ведь это инженер Дзюбинский вошел сюда минутой назад?

— Да какой там, — отвечал тот, — это адвокат Крайковский с женой.

Я вернулся домой. И в ту ночь не смог заснуть — сотни раз переживал я мысленно все, что произошло в театре: и мои поклоны, и отъезд адвоката, вертелся с боку на бок в состоянии крайнего возбуждения и повышенной жажды деятельности, которые не позволяли заснуть, но вследствие упорного кружения мысли на месте являлись как бы своеобразным сном наяву.

На другой день с утра я послал роскошный букет роз на дом адвокату Крайковскому. Напротив дома, в котором он жил, находилась маленькая молочная с верандой — я просидел там все утро и, наконец, около трех увидел его: в элегантно сером костюме, с тросточкой. Ах, ах — он шел и насвистывал, помахивая тросточкой... Я тотчас же заплатил по счету и побежал за ним, и, восхищаясь гибкими движениями его спины, я наслаждался тем, что он ни о чем не догадывался, что все остается моей сокровенной тайной. За ним тянулся шлейф парфюмерных ароматов, он благоухал — нельзя было и представить, что можно пойти на какое-то сближение с ним. Но и тут нашелся выход! Я решил: если он свернет налево — куплю себе томик “Приключений” Лондона, о котором давно мечтаю, и если направо, никогда уже мне не обладать им, никогда, хоть бы и даром достался, не прочитаю я в нем ни одной странички! Никогда, ни одной! О, я часами мог бы любоваться тем местом на его затылке, где идеально ровной линией кончаются волосы и начинается белоснежная шея. Он свернул налево. В иных обстоятельствах я немедленно помчался бы в книжную лавку, но сейчас я продолжал следовать за ним и только испытывал к нему чувство невыразимой благодарности.

Впереди я увидел цветочницу, и мной завладела новая идея: ведь я могу сейчас же, немедленно — это в

моей власти — выразить ему свое восхищение, оказать честь самым деликатным образом, так, что он, может, этого и не заметит. Но что с того, что не заметит? Так даже еще изысканней: выразить ему почтение втайне от него. Я купил букетик, обогнал адвоката — как только я попал в поле его зрения, ровный, безразличный шаг мне уже плохо удавался — и незаметно бросил ему под ноги несколько скромных фиалок. И тут я неожиданно оказался в престранной ситуации: я шагал все дальше и дальше и не знал, идет ли он за мной, или, может быть, свернул, или вошел в подъезд, и не в силах был оглянуться — и не оглянулся бы, даже если бы от этого зависело... не знаю что, все что угодно, а когда я пересилил себя, сделал вид, что уронил шляпу, и повернулся — его уже позади не оказалось.

До вечера я жил лишь мыслью о “Полонии”.

Сразу же за ними я вошел в роскошный зал и уселся за соседний столик. Я предвидел, что это будет дорого мне стоить, но в конце концов (думал я) все равно, может, я не проживу больше года, так зачем экономить? Меня сразу же заметили; дамы были настолько бестактны, что начали шептаться, он же, напротив, не обманул моих ожиданий. Он не одарил меня и тенью внимания любезничая, наклонялся к дамам или вертел головой, разглядывая — других женщин. Неторопливо, смакуя, вслух читал меню:

— Закуски, икра... майонез... пулярка... Ананас на десерт, черный кофе, бургундское, шабли, коньяк и ликеры. Затем распорядился:

— Икра — майонез — пулярка — на десерт ананас, черный кофе, шабли, коньяк и ликеры.

Продолжалось это долго. Адвокат ел много, особенно налегал на пулярку — должно быть, заставляя себя, — по правде говоря, я думал, что не одолеет, и с тревогой следил — неужели положит себе еще? А он все накладывал и накладывал, ел с аппетитом, большими кусками, ел без зазрения совести, запивая вином, так что в конце концов это стало для меня настоящей пыткой. Мне кажется, теперь я уже никогда

не смогу даже посмотреть на пулярку, не смогу проглотить и капли майонеза, разве что — разве что мы снова когда-нибудь пойдем вместе в ресторан, это дело другое, тогда — я уверен в этом, — тогда уж я выдержу. Я тоже выпил изрядно, даже голова немного закружилась. В зеркале отражалась его фигура. Как изящно он наклонялся! Как ловко и искусно колдовал над коктейлем! Как элегантно, с зубочисткой в зубах шутил! Замаскированная лысина на затылке, холеные руки с перстнем на пальце, низкий — баритон — мягкий, бархатный голос! Адвокатша ничем не выделялась, она была, можно сказать, так себе, зато докторша! Я сразу заметил — когда он обращался к докторше, голос его приобретал особую мягкость и бархатистость. Ах так! Все ясно! Докторша была будто создана для него — стройная, гибкая, изящная, ленивая кошка с мильми женскими причудами. А в его устах слово “коготки” звучало превосходно, чувствовалось, что любит, знает толк. Коготки, бабенка, кутеж, гуляка, повеса, кутила — ха, ха, ну и кутила наш дорогой доктор! И — “прошу вас”, ах, это “прошу вас”, такое выразительное и неотразимое, такое культурное, не терпящее возражений, этакая заключенная в двух словах хроника всевозможных побед. И ногти у него были розовые, особенно один, на мизинце.

Только около двух ночи вернулся я домой и прямо в одежде плюхнулся на кровать. Я был перенасыщен, переполнен, раздавлен, меня мучила икота, в голове шумело, а изысканные блюда распирала желудок. Оргия! Оргия, пир, кутеж! “Ночь в ресторане, — шептал я, — ночной кутеж! Первый раз — ночной кутеж! Благодаря ему — и ради него!”

С тех пор я ежедневно усаживался на веранде молочной, поджидая адвоката, и следовал за ним, когда он появлялся. Кто-нибудь другой, может, и не стал бы жертвовать по шесть, по семь часов на ожидание. Но у меня была куча времени. Болезнь, эпилепсия, являлась моим единственным занятием, да и то занятием парадным, не таким уж частым в веренице будней, ни-

какие обязанности меня не тяготили, и я располагал массой свободного времени. Меня не отвлекали, как других, родственники, знакомые и друзья, женщины и танцы; кроме одного-единственного танца, пляски св. Валенсия⁷, не знал я ни танцев, ни женщин. Скромный доходик вполне покрывал мои потребности, да к тому же имелись данные, что мой истощенный организм долго не выдержит, зачем же мне было экономить? С утра до вечера — свободный, незанятый день, как бы непрерывный праздник, время в неограниченном количестве, я — султан, минуты — гурии.

Ах, поскорее бы наконец: пришла она — смерть!

Адвокат оказался сластеной, и мне трудно выразить, как это было прекрасно; каждый раз, возвращаясь из суда домой, он заходил в кондитерскую и съедал два наполеона — я подсматривал сквозь витрину, как он, стоя у буфета, осторожно отправлял их в рот, стараясь не вымазаться кремом, а потом изящно облизывал пальцы либо обтирал бумажной салфеткой. Я долго не решался, но как-то раз наконец вошел в кондитерскую.

— Вы знаете адвоката Крайковского? Он у вас съедает каждый день два наполеона. Верно? Так вот, я плачу за пирожные на месяц вперед. Когда он явится, не берите с него, пожалуйста, денег, а только улыбнитесь: “Уже заплачено”. Тут ничего такого нет, просто, видите ли, я проиграл пари.

На другой день он пришел, как всегда, съел свои пирожные и хотел заплатить, но деньги у него не взяли. Он рассвирепел и бросил деньги в благотворительную кружку. Да мне-то что? Пустая формальность — пусть себе жертвует сколько угодно в пользу детей-сирот, это не изменит того факта, что он съел два моих наполеона. Однако я не стану описывать всего, потому что, в конце концов, возможно ли описать все? Море событий — с утра и до вечера, а частенько и но-

⁷ Святой Валенсий — покровитель больных эпилепсией. (Прим. перев.)

чью. Случались и нелепые минуты — однажды, например, мы уселись друг против друга в трамвае, лицом к лицу; и приятные — когда мне удавалось оказать ему какую-нибудь услугу, а иной раз и смешные. Смешно, приятно, нелепо? Да, ничего нет более сложного и тонкого, даже святого, чем человеческая личность, ничто не сравнится с бездонной глубиной таинственных связей, которые возникают между чужими, — хрупкие и эфемерные; они незаметно связывают уродливыми узами. Представьте себе адвоката, который выходит из общественного туалета, сует руку в карман за монетой и узнает, что счет уже оплачен. Что он в тот момент испытывает? Представьте, как он на каждом шагу наталкивается на признаки культа, на поклонение и преданность своей особе, на верность и железное чувство долга, на самозабвенность. Но докторша! Меня мучило ужасное поведение докторши. Неужели ей ни о чем не говорят его заигрывания, неужели зубочистка и коктейль в “Полонии” не производили на нее никакого впечатления? Скорее всего, она не соглашается — как-то раз я заметил, что он вышел от нее взбешенный, со сбившимся набок галстуком... Ну что за женщина?! Что же сделать, как ее склонить, как убедить, чтобы она наконец все поняла так же глубоко, как понимаю я, чтобы прочувствовала? После долгих колебаний я решил, что лучшее средство — анонимное письмо.

“Сударыня!

Разве так можно? Ваше поведение непонятно, нет. Вы не должны себя так вести! Неужели Вы остаетесь равнодушны к этим формам, жестам, модуляциям, к этому аромату? Вы не способны оценить совершенство? Почему Вы тогда называетесь женщиной? Уж я бы на Вашем месте знал, в чем мой долг, если бы он только соизволил помянуть

*пальцем мое маленькое, жалкое, не-
уклюжее женское тельце”.*

Через несколько дней адвокат Крайковский (это происходило на пустынной улице, поздно вечером) остановился, повернулся и поджидал меня с тростью. Отступить было некуда — я продолжал идти вперед, хотя по телу разлилась какая-то слабость, пока он не схватил меня за плечо, встряхнул и стал колотить тростью по земле.

— Что означают ваши идиотские пасквили? Что вы прицепились? — кричал он. — Чего вы таскаетесь за мной? В чем дело? Я вас изобью! Вот этой палкой! Все кости переломаю!

Я онемел. Я был счастлив. Я впитывал в себя все это, как святое причастие, и закрыл глаза. И так же молча — наклонился и подставил спину. Я ждал — и пережил несколько великолепных минут, которые могут быть дарованы только тому, у кого и в самом деле немного осталось дней впереди. Когда я выпрямился, он торопливо уходил, постукивая тростью. С сердцем, преисполненным мира и благодати, возвращался я пустынными улицами. “Мало, — думал я, — слишком мало! Слишком мало! Надо еще — еще больше!”

И к благодарности примешалось раскаяние. Конечно! Она восприняла мое письмо как жалкие пустые фразы, как глупую шутку и показала его адвокату. Вместо того чтобы помочь, я помешал, а все оттого, что я слишком ленив и избалован, слишком мало выкладываюсь, слишком мало проявляю серьезности и ответственности, не умею пробудить сочувствие!

“Сударыня!

Чтобы открыть Вам глаза, чтобы разбудить Вашу совесть, заявляю, что отныне я буду подвергать себя различным самоистязаниям (пост и т. п.) до тех пор, пока это не произойдет. Как Вам не стыдно? Какие

слова я должен найти, чтобы растолковать Вам, что такое неизбежность и долг? Собачий долг? Сколько же еще это будет продолжаться? Что означает Ваше упорство? Откуда такая гордыня?»

А на другой день, вспомнив важную деталь, я написал:

“Духи — только «Вioletta». Он их обожает”.

С тех пор адвокат перестал навещать докторшу. Я терзался, не спал ночами. Я не наивный человек. Я прекрасно ориентируюсь в самых разных вопросах, чего никто во мне не заподозрил бы, — я, например, понимаю, какое впечатление может произвести мое письмо на такую светскую и суетную особу, как докторша. Я способен даже в момент наивысшего воодушевления исподтишка улыбнуться, но что с того? Разве это делало мои муки менее острыми, а страдания, которые я сам себе причинял, менее болезненными? Или мое возмущение — менее глубоким? Почитание адвоката — менее искренним? О нет! Тогда что же важно? Жизнь, здоровье? Да, я могу присягнуть, что с такой же тайной улыбочкой я отдал бы и жизнь, и здоровье за то, чтобы она... чтобы она удовлетворила его желания. А может, эта женщина испытывает этические угрызения совести? Что такое дурацкая этика по сравнению с адвокатом Крайковским? На всякий случай я решил успокоить ее и в этом отношении.

“Вы — обязаны! Доктор — нуль, воздух”.

Но то была не этика, то была просто спесь, грубо говоря, бессмысленные капризы самки и полное непонимание священных элементарных вопросов. Я про-

хаживался перед ее окнами — что там происходило за опущенными шторами (вставала она поздно), в какой она стадии находилась? Женщины слишком поверхностны! Я пробовал магнетизм. “Ты должна, ты должна, — повторял я упорно, уставившись в окно, — еще сегодня, сегодня вечером, если мужа не будет дома”. Тут я вдруг вспомнил, что адвокат хотел меня поколотить, что если тогда на улице он не сделал этого, то, может быть, лишь из-за недостатка времени? Все бросаю и мчусь к суду, откуда, как я знаю, он выйдет с минуты на минуту. Действительно, он выходит через несколько минут, с ним два господина — я подхожу и молча подставляю спину.

Оба господина застывают в изумлении, но меня это не заботит: да хоть бы и весь мир! Я закрываю глаза, сутулю плечи и доверчиво жду, но ничего на меня не обрушивается. Наконец бормочу, заикаясь, склонившись чуть ли не к плитам тротуара:

— Может, сейчас! Всегда, всегда, всегда...

— Какой-то идиот, — плывет надо мной его голос. — Что за рассеянность — совсем забыл, ведь у меня конференция! Поговорим в другой раз, прощайте, господа, вот тебе монетка, любезный! Честь имею!

И он поспешно сел в такси. Ах, эти такси! Один из господ полез было в карман. Я остановил его движением руки.

— Я не нищий и не идиот. Я порядочный человек и милостыню принимаю только от адвоката Крайковского.

Я составил программу гипноза, постоянного, последовательного давления с помощью тысячи мелких фактов, мистических знаков, которые, не проникая в сознание, родили бы в подсознании ощущение неизбежности. Я рисовал мелом на стене дома, в котором она жила, стрелку и большое К. Не буду рассказывать обо всех моих интригах, более или менее хитроумных, скажу лишь, что докторша была опутана сетью странных событий. Приказчик в магазине мод обращался к ней, будто по ошибке, “госпожа адвокатша”. Дворник,

встретив ее на лестнице, сообщал, что судья Краевский... интересовался, доставлен ли зонтик. Краевский — Крайковский, судья — адвокат, надо быть осторожным, капля камень точит. Неизвестно, каким чудом приносила она из города на платье запах адвоката, его оживший парфюмерный запах фиалкового мыла и одеколона. Или, к примеру, такой случай: поздно ночью звонит телефон — она вскакивает, сонная, бежит и слышит незнакомый повелительный голос: “Немедленно!” — и больше ничего. Или в дверь воткнута записка, а в ней только обрывок стиха: “Ты знаешь ли край, где зреют лимоны?”

Но постепенно я терял надежду. Адвокат перестал у нее бывать, казалось, все мои усилия напрасны. Я уже предвидел момент окончательной капитуляции и боялся: чувствовал, что не смогу с этим согласиться. Достоинству адвоката был бы нанесен непоправимый урон — нет, этого я бы не перенес, пусть даже ему самому наплевать на это. Для меня это явилось бы крайней несправедливостью, я был бы окончательно унижен и опозорен — да, окончательно, это я хорошо сказал. Я не мог поверить и все же дрожал в ожидании неотвратимо приближающегося конца.

И действительно... Однако есть все-таки на свете справедливость! Ах, как же они оказались изобретательны — нет, я все же был обижен на адвоката: ну зачем же он так прятался, таился, разве он не знал, что я страдаю? Случай? О нет, это был не случай, скорее — сердце! Вечером возвращался я Аллеями домой — и вдруг будто меня что-то толкнуло, и я свернул в парк. Собственно, я собирался лечь пораньше, поскольку с утра надо было еще успеть прибить к двери адвоката позолоченную табличку с надписью АДВОКАТ КРАЙКОВСКИЙ, но что-то словно толкнуло меня: в парк. Я вошел — и в самом конце, за прудом, увидел... ах, ах! — увидел ее большую шляпу и его котелок. Ах вы паршивцы, пакостники, негодники, ах вы шельмы! Значит, в то время как я мучился, вы тут встречались втайне от меня — и так ловко! Должно

быть, воспользовались такси! Они свернули в боковую аллею и уселись на скамью. Я притаился в кустах. Ни на что не надеялся, ни о чем не думал — не хотел ничего знать, просто съезжился под кустом и быстро считал листья, без всяких мыслей, словно меня вовсе не было.

И вдруг адвокат обнял ее, прижал к себе и зашептал:

— Здесь — природа... Ты слышишь? Соловей. Сейчас, скорее, пока он поет... Будем ему вторить, в такт соловьиной песне... Умоляю!

И затем... ах, это было нечто космическое, я не выдержал — будто все силы мира сшиблись во мне в священном бешенстве, словно чудовищный разряд, электрический разряд пронзил мой позвоночник, мощно сотряс весь мой организм, словно жертвенное пламя охватило все мое существо, я сорвался с места и заорал во весь голос, на весь парк:

— Адвокат Крайковский ее!.. Адвокат Крайковский ее!.. Адвокат Крайковский ее!..

Поднялся переполох. Кто-то бежал, кто-то убегал, люди появились сразу со всех сторон, а меня скрутило раз, другой, третий, сшибло с ног, и я заплясал, как никогда, с пеной у рта, в судорогах и конвульсиях — вакхическую пляску. Что произошло потом — не помню.

Очнулся я в больнице. Я чувствую себя все хуже. После всех переживаний я вконец обессилел. Адвокат Крайковский выезжает завтра втайне от меня (но я знаю) в маленькую горную деревушку в Восточных Карпатах. Он хочет затеряться в горах на пару недель и надеется, что я обо всем забуду. За ним! Да, за ним! За моей путеводной звездой! Но вот вопрос, вернусь ли я живым из этого путешествия, слишком много волнений. Ведь я могу неожиданно умереть прямо на улице, под забором, а на этот случай надо приготовить записку: пусть мой труп отправят по адресу адвоката Крайковского.

а р х и в

ЛОЗУНГИ МАЯ 1968⁸

В декорациях спектакля глаз встречает только вещи и их цены.

Меняй, работай, меняй, спи...

Между тем как каждый хочет жить, никто не может и многие говорят: «Мы будем жить». И многие из них не умирают, так как они уже мертвы.

Скука контрреволюционна.

Мы не хотим мира, в котором гарантия не умереть от голода связана с риском умереть от скуки.

Мы хотим жить.

Не проси права на жизнь, бери его.

В обществе, упраздняющем все виды приключений, остаётся одно приключение — разрушить общество.

Освобождение человечества — всё или ничего.

Те, кто делают революции наполовину, только копают себе могилы.

⁸ Перевод с французского на английский — Ken Knabb, March 1999. Перевод с английского на русский — О. Торбасов, апрель 2003 г.

Нет перекрашиванию, структура прогнила.

Мазохизм сегодня принимает форму реформизма.

Реформируй мою задницу.

Революция немыслима, поэтому она происходит на самом деле.

Пришёл, увидел, был завоёван.

Беги, товарищ, старый мир за тобой!

Быстро!

Если бы у нас только было достаточно времени...

В любом случае никаких сожалений!

Уже десять дней счастья.

Живи моментом.

Товарищи, если бы все сделали как мы...

Мы не будем ничего просить. Мы не будем ничего требовать. Мы возьмём, захватим.

Долой государство.

Когда Национальное собрание становится буржуазным театром, все буржуазные театры должны быть превращены в национальные собрания⁹.

Референдум: голосуем ли мы за или против, он превращает нас в дураков.

⁹ Написано над входом в захваченный театр «Одеон».

Неприятно подчиняться нашим боссам; ещё глупее выбирать их.

Не будем менять боссов, изменим жизнь.

Не освобождайте меня — я позабочусь об этом.

Я не слуга народа. Пусть народ служит себе сам.

Упраздни классовое общество.

Природа не создала ни хозяев, ни слуг.

Я не хочу ни управлять, ни быть управляемым.

У нас будут хорошие хозяева, когда каждый станет своим собственным.

«В революции есть два типа людей: те, кто делают её, и те, кто пользуются ей». (*Наполеон*)

Предупреждение: честолюбивые карьеристы могут сейчас притвориться «прогрессивными».

Не обманывайтесь политиками и их грязной демагогией.

Мы должны полагаться на себя.

Социализм без свободы — бараки.

Любая власть развращает. Абсолютная власть развращает абсолютно.

Мы хотим, чтобы структуры служили народу, а не народ — структурам.

Революция не принадлежит комитетам, она ваша.

Политика — на улицах.

Баррикады закрывают улицы, но открывают путь.

Наша надежда может прийти только из безнадежности.

Пролетарий — тот, что не имеет власти над своей жизнью и знает это.

Никогда не работай.

Работающие люди скучают без работы.
Неработающие никогда не скучают.

Рабочие всех стран, наслаждайтесь!

С 1936 г. я борюсь за повышение зарплаты.
До меня отец боролся за повышение зарплаты.
Сегодня у меня есть ТВ, холодильник, фольксваген.
Но вся моя жизнь была обузой.
Не договаривайтесь с боссами. Упраздните их.

Ты нужен боссам, боссы не нужны тебе.

Вместе остановив свои машины, мы продемонстрируем их слабость.

Захвати фабрики.

Власть рабочим советам.

Рабочий: тебе, может, лишь 25 лет, но твой профсоюз восходит к прошлому веку.

Профсоюзы — бордели.

Оставь Компартию такой же чистой при выходе, какой бы ты хотел увидеть её при входе.

Сталинисты, ваши дети с вами!

Человек — это не благородный дикарь Руссо,
не развращённый грешник церкви или Ларош Фу-
ко.

Угнетённый, он груб, свободный, он добр.

Противоречие — вот источник всего. (*Гераклит*)

Если нам нужно обратиться к силе, не сиди на за-
боре.

Будь жесток.

Человечество не будет счастливым, пока последне-
го капиталиста не задушат кишкой последнего бюро-
крата.

Когда последнего социолога удушат кишкой по-
следнего бюрократа, будут ли у нас ещё проблемы?

134

Страсть к разрушению созидательна. (*Бакунин*)

Один неревolutionный выходной бесконечно бо-
лее кровав, чем месяц тотальной революции.

Слёзы обывателей — нектар богов.

Это относится к каждому.

Мы все немецкие евреи.

Мы отвергаем степени, дипломы, лицензии, учёт,
регистрацию, индоктринацию, провинциальщину,
проповеди, избиения, телеманипулирование, травле-
ние газами, книжничество.

Мы все «нежелательны».

Мы должны остаться «неприспособленными».

Лес предшествует человеку, пустыня следует за ним.

Под бульжниками мостовой пляж.

Конкретика высиживает безразличие.

Придут скоро на это место: дивные руины.

Прекрасно, а может нет, но как мило: жизнь против выживания.

«Моя цель сагитировать и пробудить народ.
Я не продаю хлеб, я продаю дрожжи».
(Унамуну)

Консерватизм — синоним гнилости и уродства.

Ты лжив.

Ты кончишь, умерев в комфорте.

Прячься, объект!

Нет революции мундиров и галстуков.

Революция, требующая от нас пожертвовать собой за неё — папская революция.

Революция исчезает в тот момент, когда призывает к самопожертвованию.

Перспектива найти удовольствие завтра никогда не искупит сегодняшней скуки.

Когда люди замечают, что устали, они перестают быть уставшими.

Счастье — новая идея.

Живи без простоев.

Те, кто толкуют о революции и классовой борьбе, не говоря о будничной действительности, пережёвывают мертвечину.

Культура — инверсия жизни.

Поэзия на улицах.

Самая замечательная скульптура — это булыжник, брошенный менту в голову.

Искусство мертво, не потребляйте его труп.

Искусство мертво, освободим же свою повседневную жизнь.

Искусство мертво, Годар не может изменить этого.

Годар: высшее швейцарское маоистское ничтожество.

Постоянная культурная вибрация.

Мы хотим дикой и однодневной музыки.

Мы предлагаем фундаментальное обновление: концертные забастовки, звуковые собрания с коллективным исследованием.

Уничтожить авторское право: структуры звуков принадлежат всем.

Анархия — это я.

Революция, я люблю тебя.

Долой абстрактное, да здравствует сиюминутное.
(*Марксистско-пессимистическая молодёжь*)

Не потребляй Маркса, живи им.

Я — брюзга-марксист.

Я принимаю свои мечты за реальность, ибо верю в реальность своих мечтаний.

Величественна воображаемая реальность! Воплоти свои мечты ещё лучше!

Принимай желаемое за действительное.

Я заявляю о постоянном состоянии счастья.

Будь реалистом, требуй невозможного.

Власть — воображению.

Те, кто утратили воображение, не могут вообразить, что утратили.

Воображение — не дар, его нужно завоевать. (*Бретон*)

Действие должно быть не реактивным, а креативным.

Действие позволяет нам преодолеть разобщённость и найти выход.

Преувеличение — это начало изобретения.

Враг движения — скептицизм. Всё, что осуществлено, возникло из динамизма, который возник из стихийности.

Здесь мы стихия.

«Ты должен нести в себе хаос, чтобы принести танцующую звезду в мир». (*Ницше*)

Шанс должен быть систематически изучен.

Алкоголь убивает. Прими LSD.

Раскрепощай свой разум не реже, чем расстёгиваешь ширинку.

«Всякий взгляд на вещи, который не странен, ложен». (*Валери*)

Жизнь где-то не здесь.

Забудь всё, чему тебя учили. Начни с мечты.

138

Даёшь комитеты мечтаний.

Валяй! Это слово содержит всю политику нынешнего момента. (*Сен-Жюст*)

Вставай, проклятьем заклеймённый.

Студенты — ничтожества.

Восприимчивость студента к вербовке как активистов по любому поводу есть достаточная демонстрация его реального бессилия. (*рассерженная женщина*)

Профессора, вы старите нас.

Уничтожь вселенную.

Изнасилуй свою альма-матер.

Что, если сжечь Сорбонну?

Профессора, вы заостенели в своей культуре, ваш модернизм — ничто иное как модернизация полиции.

Мы отвергаем назначенные нам роли: мы не будем натаскиваться, как полицейские псы.

Мы не хотим быть цепными псами или прислугой капитализма.

Экзамены = низкопоклонство, продвижение в иерархическом обществе.

На экзамене отвечай вопросом на вопрос.

Дерзость — новое революционное оружие.

Каждый учитель учится, каждый учащийся учит.

Вроде, старый крот истории отлично подкопал Сорбонну.

(телеграмма от Маркса, 13 мая 1968 г.)

Думай об этой застойной чепухе.

Чтобы усомниться в обществе, в котором живёшь, ты должен сперва быть способным усомниться в себе самом.

Принимай серьёзно революцию, но не себя.

Стены имеют уши. Ваши уши имеют стены.

Делать революцию также означает порвать свои внутренние цепи.

Мент спит внутри каждого из нас. Мы должны убить его.

Выброси мента из своей головы.

Религия — наибольшая афёра.

Ни бог, ни царь и ни герой.

Если бог существует, необходимо уничтожить его.

Поверишь ли, некоторые ещё христиане?

Долой назаретскую гадину.

Как можно думать свободно в тени часовни?

Нам нужно место пописать, а не место помолиться.

Я подозреваю, бог — левацкий интеллигент.

У буржуазии нет другого удовольствия, как портить все удовольствия.

140

Вдаваться в мотивы — убивать эмоции.

Борись против эмоциональной одержимости, парализующей наш потенциал. (*Женский комитет на пути освобождения*)

Ограничения удовольствия подстрекают наслаждаться жизнью без ограничений.

Чем больше я занимаюсь любовью, тем больше я хочу заниматься революцией.

Чем больше я занимаюсь революцией, тем больше я хочу заниматься любовью.

Секс — это хорошо, сказал Мао, пока вы не занимаетесь им слишком часто.

Товарищи, 5 часов сна в день необходимы: вы нужны нам ради революции.

Обнимай свою любовь, не теряя бдительности.

Я люблю тебя!!! О, скажи это булыжниками!!!

Я пришёл к булыжникам.

Тотальный оргазм.

Товарищи, люди делают любовь в классах Поли
Ски, не только в полях.

Революционные женщины наиболее прекрасны.

Зельда, я люблю тебя! Долой работу!

Молодёжь занимается любовью, старики — непри-
стойными поступками.

Занимайся любовью, а не войной.

Любите друг друга.

Кто говорит о любви, разрушает любовь.

Долой общество потребления.

Чем больше потребляешь, тем меньше живёшь.

Товары — опиум народа.

Жги товары.

Счастье не купишь. Укради его.

Ты потребитель или участник?

Быть свободным в 1968-м значит участвовать.

Я участвую.
Ты участвуешь.
Он участвует.
Мы участвуем.
Они получают прибыль.

Золотой возраст — это возраст, когда золото не правит.

«Причина всех войн, бунтов и несправедливостей в существовании собственности». (св. *Августин*)

Счастье повесить своего лендлорда.

Миллионеры всех стран, соединяйтесь. Ветер меняется.

Экономика ранена — надеюсь, она умрёт!

142

Как грустно любить деньги.

Ты тоже можешь воровать.

«Амнистия: акт, которым правители прощают допущенные ими несправедливости¹⁰».
(*Амброзий Бирс*)

Уничтожить отчуждение.

Повиновение начинается с сознательности;
сознательность начинается с неповиновения.

Для начала, оказывай неповиновение; затем пиши на стенах. (*Закон 10 мая 1968 г.*)

¹⁰ Настоящее определение в «Словаре дьявола» Бирса: «Амнистия: Великодушие государства к преступникам, которых слишком дорого наказывать».

Мне не нравится писать на стенах.

Пиши везде.

Прежде чем писать, научись думать.

Я не знаю как писать, но я хотел бы сказать прекрасные вещи и не знаю как.

У меня нет времени писать!!!

У меня есть что сказать, но я не знаю что.

Свобода — право молчать.

Да здравствует связь, долой телесвязь.

Ты, мой товарищ, ты, кого я не ожидал увидеть среди бунтовщиков, ты, задыхающийся и страшющийся, — приди, поговори с нами.

Поговори со своими соседями.

Вопи.

Твори.

Посмотри перед собой!!!

Помоги с уборкой, здесь нет прислуги.

Революция — ИНИЦИАТИВА.

Говорильня контрреволюционна.

Товарищи, не аплодируйте, спектакль повсюду.

Не попадись в спектакль оппозиции. Оппонируй спектаклю.

Долой театрално-товарное общество.

Долой журналистов и тех, кто им прислуживает.

Только правда революционна.

Запрещено запрещать.

Свобода — это преступление, содержащее в себе все преступления. Это наше последнее оружие.

Свобода других бесконечно расширяет меня.

Никакой свободы для врагов свободы.

Свободу нашим товарищам.

Открой ворота приютов, тюрем и других факультетов.

Открой окна своего сердца.

К дьяволу границы.

Ты не можешь дальше тихо спать, внезапно открыв глаза.

Свобода будет содержать только то, что мы вложим в неё сейчас.

Ларс фон Триер и Стиг Бьоркман
**ПСИХОМОБИЛЬ №1:
ВСЕМИРНЫЕ ЧАСЫ**

В 1996 году Копенгаген был объявлен культурной столицей Европы. В связи с этим Художественная ассоциация Копенгагена предложила режиссеру Ларсу фон Триеру сделать инсталляцию. Триер разработал концепт, который Стиг Бьоркман так описал в своей книге¹¹.

Инсталляция состоит из девятнадцати комнат, в которых находятся 53 актера. В каждой комнате установлены четыре лампы: красная, зеленая, желтая и синяя. Видеокамера укреплена над муравейником в Нью-Мексико. На экране в выставочном зале можно наблюдать, как муравьи ползают внутри муравейника. Рядом расположен план девятнадцати комнат. На экране видны девятнадцать квадратиков, которые представляют каждую из комнат. Когда муравьи семь раз пересекают квадрат, в соответствующей комнате загорается новая лампа. Когда в комнате меняется освещение, все актеры должны изменить характер и настроение. Каждый из 53 актеров-участников получил список черт характера, которые привязаны к разным цветам. Актеры свободно передвигаются по комнатам, между ними происходят импровизированные встречи и беседы в духе того цвета, который задают лампы — то есть в конечном итоге муравьи.

¹¹ Из книги «Ларс фон Триер: Интервью: Беседы со Стигом Бьоркманом» (Азбука-классика, 2008).

Ш К О Л А
Т Р У П О В

Конрад Гауч

**ПРОРЫВ, РАЗДРОБЛЕНИЕ И РАЗГРОМ
РУССКОГО ФРОНТА БЕЗ УСИЛЕНИЯ
НЕМЕЦКОЙ АРМИИ
И БЕЗ УВЕЛИЧЕНИЯ РАСХОДА¹²**

НЕМЕЦКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ, АРМИИ.

Пожалуйста, сначала прочтите до конца, потом да-
вайте оценку!

Предупреждение: заголовок этого сочинения сле-
дует воспринимать буквально.
Для разгрома русского фронта при использовании
описанных далее боевых методов не требуется попол-
нение личного состава или подвоз боеприпасов!

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сомневающиеся пребывают в явном меньшинстве!
Своеобычная вера распространяется все шире. Много
говорят о чуде, цитируют песню Сары Леандер «Слу-
чится чудо!» — —

Однако, «чудеса» это редко случающиеся события,
обусловленные законами природы, временем, лично-
стью! Они не гарантированный путь к счастью и успе-

¹² Докладная записка берлинского химика Конрада Гау-
ча рейхсмаршалу Герману Герингу. (16.10.1943)

Перевод с немецкого Игоря Петрова.

ху. Они должны быть выношены, завоеваны в тяжелой борьбе! Это сочинение — битва за постижение! Принципиально ошибочно рассчитывать побороть Талмуд, Шулхан Арух и «Auri sacra fames» одними лишь «христианской моралью», «германским героизмом» и прочими исконно немецкими идейными ценностями.

Философия, биология, мировая история демонстрируют один — пусть порой крайне хитроумный и уходящий в третье измерение — механизм закона природы.

Итак, мы должны противостоять беспринципности, безнравственности и необузданности врага на том же уровне, пускай материализация этой идеи в боевой метод и основывается на самых низменных побуждениях русских орд. Героизм немецкого солдата, образцовость немецкого офицера, достижения немецкой техники, пусть и нанося врагу огромные потери, но пока отступают перед массой англо-американской военной продукции и массой русских орд, ведь и первое, и второе — чисто еврейский метод ведения войны. При этом ожидается, что на русском фронте проявится уже намечающаяся нехватка продовольствия!

Мы чересчур сильно ориентируемся на численность армий, развитие имеющихся вооружений и военную тактику! Мы должны безропотно принять то, что нижеследующая военная тактика, абсолютно новый метод ведения войны лежит полностью вне вышеуказанных границ! Это абсолютная новизна таит в себе опасность!

Часто именно те, кто взывает к чему-то новому оказываются первыми, кто боится сдвинуться с насиженного места и взяться за нечто совершенно новое, кажущееся чуждым. Это опасность!!

В нижеследующем плане к русской армии относятся в соответствии с тем, чем она является в действительности — лишь слегка выдрессированная орда монголов (киргизов, татар, калмыков, башкир и пр.) Даже порой наблюдавшийся советский фанатизм как и боевая мораль этой орды — лишь тонкий внешний слой,

вбитый грубой силой. Под ним скрывается фундамент естественного инстинкта со всеми его скрытыми страстями и побуждениями. Тот, кто пробудит эти низменные страсти и научится ими управлять как суммой сил огромных человеческой массы, проложит себе ПУТЬ К ПОБЕДЕ!

ПРИГОТОВЛЕНИЯ к РАЗДРОБЛЕНИЮ И РАЗГРОМУ РУССКОГО ФРОНТА.

Следует заготовить:

- 50 миллионов металлических фляжек.
- 10 миллионов резиновых баллонов к ним парашюты
- 5 миллионов манекенов.

Металлические фляжки

Из алюминия, не жестяные из луженой жести и пр. — — дают неприятный привкус! — —

На горлышке фляжки должно быть вращающееся кольцо с прочной цепочкой, на конце цепочки пробка с крышечкой, через которую проходит проволока. Цепочка пристегнута к кольцу на горлышке фляжки, а не к дужке, которая при резком движении может оторваться. Винтовая пробка никак не годится!

При обнаружении фляжки Muschik должен быть в состоянии быстрым движением выдернуть пробку, чтобы, к примеру, тайно быстро опустошить фляжку (первая стадия!)

Пробка на цепочке с проволокой и крышкой, цепочка пристегнута к горлышку бутылки — вот надежнейшее и прочнейшее приспособление, чтобы быстро открывать и закупоривать фляжку, но не ломаться при грубом обращении.

Все фляжки должны быть запечатаны (специальной фольгой с государственной печаткой). Muschik быстро научится отличать оригинальные запечатанные фляжки от ранее открытых. При открытии всегда

будет повреждаться фольга, что сделает повторное использование невозможным (защита против последующего отравления содержимого фляжек!).

5 миллионов фляжек должны быть снабжены небольшим (капиллярным) отверстием на дне или сбоку с тем, чтобы после вытаскивания пробки содержимое фляжки начало бы ощутимо вытекать из капилляра на руку и на рукав Muschik. Этот дикарь, конечно, начнет неосознанно облизывать вытекающую жидкость, что поможет ему быстро преодолеть сомнения и в ускоренном темпе решительно опустошить фляжку.

НАПОЛНЕНИЕ ФЛЯЖЕК

Фляжки должны наполняться шнапсами русского типа, а также искусственными (на основе эссенций) ромом, коньяком и пр. Изготовление следует доверить специалистам, которые разбираются в производстве русских шнапсов.

Алкоголь должен быть минимум 55° крепости и по чистоте соответствовать стандартам шестого выпуска немецкого медицинского справочника и прежде всего быть хорошо ректифицированным. Эссенции должны быть от лучших фирм, например от Reichel, Schimmel und Co., Heine und Co. и т. д.

(NB! Само собой разумеется, что об отравлении шнапса не может быть и речи — и малейшая попытка сего должна пресекаться в корне с указанием на то, что подобные начинания бессмысленны и не приведут к успеху, а напротив к ужаснейшей неудаче и презрению всего мира!)

ОБЪЕМ ФЛЯЖЕК 1 литр!

РЕЗИНОВЫЕ БАЛЛОНЫ

Объемом примерно $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ литра. Закупорка любая, просто заклеить горлышко. Толщину стенок и парашют нужно подобрать так, чтобы они не лопались в

воздухе, а лишь при столкновении с землей. Их сброс над окопами, бункерами, открытыми позициями и пр. приведет к тому, что воздух наполнится запахом шнапса!

ПАРАШЮТЫ

Для резиновых баллонов, см. выше.

Для фляжек должны быть подобраны так, чтобы фляжки не слишком сильно ударялись о землю. Парашюты могут быть и бумажными, но снизу окрашены в яркие светящиеся цвета, чтобы Muschik в темноте мог искать фляжки.

МАНЕКЕНЫ

изображают еврейских комиссаров с плетками в руках!

150

ОЧЕРЕДНОСТЬ АТАК!

Сброс на позиции, окопы, аэродромы, стоянки танков и пр. осуществляется отдельными быстро сменяющимися друг друга волнами.

Первый сброс происходит вечером, когда начинает смеркаться. Сбрасываются фляжки, среди них 10% фляжек с капиллярами (протекающие фляжки).

Второй сброс рано утром, с большой порцией резиновых баллонов. Запах действует на голодный желудок!

Третий сброс около полудня.

Четвертый ближе к вечеру и последний в сумерках. Тогда следует сбрасывать только полные фляжки, то есть не протекающие, резиновые баллоны тоже не нужны.

Трудности для экипажей самолетов при сбросе.

Во время этих сбросов следует полностью прекратить артобстрел, пулеметный огонь открывать только для обороны. В этот день не следует сбрасывать бомбы, летчики также должны открывать огонь только в экстренном случае для обороны! Это нелегко, но люфтваффе справится.

Впечатление Muschik, что ему на практике разъясняют истинное положение вещей, не должно быть подпорчено боевыми действиями.

Фляжка с хорошим шнапсом, а также манекен в комиссарской форме с плеткой скажут Muschik больше, чем тысяча слов!

РУССКАЯ ОБОРОНА!

Во время первого вечернего сброса недоумение будет сильнее возможных подозрений. Между тем первые протекающие фляжки уже сыграют свою роль, Muschik найдет достаточно фляжек и выпьет их. Наступает ночь и тут мужик обнаружит, что парашюты светятся и позволяют находить фляжки.

После того как офицеры сообщат в тыл о произошедшем, и командование возьмет дело в свои руки, скоро поступит приказ, что фляжки следует изымать, а Muschiks наказывать, если они продолжают их собирать. Это будет — вне всякого сомнения — первой большой ошибкой командования. Наверняка будет приказано сообщить Muschik, что большая часть фляжек содержит отравленный шнапс. Но на этой лжи далеко не уедешь, когда утром на голодный желудок снова посыпятся фляжки и резиновые баллоны, несмотря на все запреты достаточное число фляжек будет припрятано и выпито.

Из опыта давно известно, что примитивный человек легко распознает высоколобый обман, его первобытный инстинкт сильнее.

Командованию придется теперь прибегнуть к драконовским мерам. Конечно, к этому времени фляжки со многих участков фронта будут посланы в тыловые

лаборатории для «химических исследований» — в соответствии с разумным, но совершенно ложным подозрением, которое находится в полном соответствии с советско-еврейской картиной мира (это приведет к невозполнимой трате времени)! Эта потеря невозполнима!

За это время немецкие летчики сбросят дневную, послеобеденную и ночную порции алкоголя. Кроме того на возбужденного Muschik будут падать массы манекенов, и вот тут-то Muschik все поймет. Также начнутся первые протесты, первые волнения. Мораль падает, начинаются бунты.

Решающее обстоятельство, которое могло бы позволить одним махом вскрыть всю трагичность ситуации и неумолимость воздействия алкогольных атак я не стану указывать здесь из-за страха перед шпионажем и саботажем. По этой же причине я не указываю существенные факторы устройства системы алкогольных атак, которые способствуют их успеху.

152

Я знаю по собственному военному опыту (с 1915 года и до конца), что папки остаются лежать на столах и что известная система проверки входящей корреспонденции ведет к тому, что письма не доставляются адресату, а подчиненные получают больше информации, чем вышестоящие лица.

Такая секретарша или секретарь могут из лучших побуждений сообщить последние новости кому-нибудь в соседнем отделе. Ведь этот человек тоже дал клятву о неразглашении! Так дело идет вразнос, а иностранные агенты, как известно, получают доступ к новейшей информации и контроль над ней посредством перлюстрации почты.

ВОЗДЕЙСТВИЕ на MUSCHIKS

Так как русские солдаты принадлежат — в соответствии с их простыми и примитивнейшими воззрениями — к нецивилизованым, первобытным народам, они будут действовать быстро. Как выше уже

разъяснено, просачивающиеся фляжки и запах алкоголя из лопнувших резиновых баллонов еще более ускоряют процесс.

Все запреты в конце концов не устоят перед естественным, все приказы будут бесполезны, фляжки будут тайно собираться и опустошаться. Очевидная ошибка с «отравлением», которая несомненно будет сделана, откроет гораздо более простым и честным Muschiks всю лживость их командования, и среди тайных алкоголиков скоро начнутся волнения и бунты.

Яркие цвета парашютов кроме того будут притягивать взгляд, достаточно представить себе как группы цветных парашютов на разных уровнях парят в небе, это произведет впечатление и на трезвых, что уж говорить о выпивших. Они увидят в этом нечто большее, чем простые фляжки со шнапсом. Для этих людей это событие будет иметь символически-мистический характер, обещающий счастливую развязку.

Об этикетках на фляжках и об определенных картинках-листочках простого, но пестрого вида, которые должны сбрасываться перед манекенами, я не буду здесь распространяться. На этих картинках не должно быть ничего пугающего, это было бы ошибкой.

Но они будут интенсивно воздействовать на желание потребления алкоголя. Когда Muschik неизбежно поймет, что предупреждение командования об отравленных фляжках — вранье, он еще больше поверит этикеткам на фляжках и листовкам с картинками. Он скажет себе, картинки столь же правдивы, как прервосходен и шнапс.

Когда англичане сбрасывают подстрекательские листовки, это не заблуждения о сути немецкого народа, это дурацкая выдумка опухших жидовских мозгов.

Но для Muschik честные разъяснения, базирующиеся на хорошо известных ему фактах — вполне подходящее средство для подходящего объекта, для Muschik!

Если, как представляется командованию вермахта, уже существующая в России нехватка продовольствия

весной настигнет и русскую армию, сброс алкоголя еще быстрее и надежнее приведет к восстаниям против русского командования, за чем неизбежно последует падение русского фронта. Но и эта выгодная нам нехватка вовсе не необходима, ведь в желудки кочевников, степняков и горцев, сражающихся на русском фронте, шнапс найдет путь и сам. Слишком сильно они страдали под советским гнетом, им требуется подлинное высвобождение.

Человеку, разбирающемуся в психологии и обычаях народов, сказанного достаточно. Алкоголь гораздо быстрее и надежнее пробудит в первобытных людях чувство протеста, чем любые речи! Примитивным людям шнапс дает чувство коллективной силы и будит в них притупленную тягу к насилию!

Кровавые конфликты между солдатами и офицерами начнутся уже утром, до того, как следующие порции фляжек будут опускаться на поле боя.

50 миллионов фляжек для этих простаков окажутся столько невероятным событием, что любые разумные возражения и запретительные приказы будут попросту растоптаны и смыты ордами Muschiks, которыми будут владеть совершенно иные чувства. Эти дикари при виде обилия парашютов совершенно потеряют голову и начнут разносить и уничтожать все вокруг. И даже якобы существующий советский фанатизм будет под воздействием алкоголя сметен совершенно иными, прежде притупленными чувствами, глубже укорененными и родными. Все вбитые, вмуштрованные в первобытного Muschik качества покажут всю свою ненастоящность и внезапно спадут с него как нечто наносное. Известно, что потребление алкоголя пробуждает подсознание примитивных людей, уничтожает все лишнее, все втиснутое в их сознание чужаками, выводит на передний план подлинную душу этих дикарей. Это ведет к известным взрывам недовольства, к состоянию аффекта. Порабощенные люди подстрекают друг друга к действиям!

Если во время этих вспыхнувших мятежей будут прирезаны русские офицеры или им придется бежать, то любое — как угодно выраженное — сочувствие окажется ни к месту. Русский офицер в течение десятилетий не понимал необходимость свержения Кремля и не имел мужества это сделать.

Психофизиологический внутренний механизм системы алкоголизации

Между объектом и средством имеется полноценный контакт. На этом и основывается неизбежный эффект развала русского фронта. Раскрытие всех внутренних взаимосвязей уведет нас слишком далеко. Это не случайность, что сегодняшняя русская армия сколочена так, что должна распасться от алкогольной атаки.

Хотя еврейско-советский дух только и мог пустить корни в гумусе этой смеси самых отсталых народов, но — вот новый поворот судьбы — та же самая отсталость покончит с советизмом еврейского розлива, причем с той же жестокостью, что была проявлена при его возникновении. Еврейская кровожадность будет давлена жадностью к алкоголю! Причем это событие неизбежно как закон природы.

В соответствии со своей внутренней нечистотой мировое еврейство создало огромный фронт из бескультурных, примитивных, но близких к природе степных кочевников и горцев, фронт, который войдет в историю как ужасающий пример мощнейшей живой силы. Но эта же самая сила раздавит мировое еврейство, поскольку ее можно направить против него — посредством алкоголя! Вполне адекватная мера!

Жид-журналист знал, что, если долго повторять одно и то же — то в его страшные сказки поверят, но в этот раз плотина будет прорвана! Сбрасывание на этих монголов, людей инстинкта, одной порции шнапса за другой сработает. Какая-то из порций, возможно, уже третья, полностью захватит Muschik, пробудит его

инстинкты, и он поймет, что с этим шнапсом пришел всеобщий бунт и свобода!

Как уже сказано выше, дитя природы не сочтет миллионы парашютов и фляжек ординарным событием.

Для него пробьет час небывалого! Он инстинктивно постигнет истинное положение вещей! Его внутреннее чутье скажет ему: «Сейчас или никогда!» Многие поймут, что прикрываясь легким подпитием, можно творить такое, что в трезвом состоянии и в голову бы не пришло. Шнапс прорвет плотину!

Непрерывность алкогольных атак

Из вышесказанного очевидно, что волны сбрасывания алкоголя должны следовать непосредственно одна за другой, ни в коем случае не ежедневно или даже с дневными паузами. Нужно избежать всего, что могло бы бы помочь русскому командованию придумать средства обороны, воспользовавшись перерывами в сбросах. Если запреты потеряют смысл из-за ночных тайных поисков и опустошения фляжек, то последующие волны должны разоблачить «ложь об отравлениях» среди оставшихся трезвыми Muschiks. Muschik быстро поймет бессмысленность и бесцельность приказов, и это понимание позволит ускорить всеобщее разложение. Внутри системы все приказы будут поступать слишком поздно и тем самым уважение к начальству пропадет на глазах. Вот второе слагаемое успеха — быстрые, следующие одна за одной волны сброса!

МОМЕНТ АТАКИ!

Точный момент, когда наши войска должны начать наступление на русскую линию фронта, устанавливается постоянным наблюдением за состоянием продолжающегося разложения этого фронта.

Этот момент, который настанет скорее всего во второй половине дня, будет замечен даже благодаря внешним признакам.

Нерегулярный артиллерийский огонь врага, затем его прекращение — то же самое с пулеметными очередями — отсутствие авианалетов, отсутствие самолетов в небе — отсутствие танковых атак — и тому подобное — вот признаки событий внутри русского фронта.

Позже к позициям будут приближаться отдельные группы пьяных. Но необходимо наблюдение с самолетов, чтобы не упустить наилучший момент, чтобы русская сторона не успела подтянуть резервы. Прежде должны быть даны точные указания о тактическом анализе данных.

При вторжении за чужую линию фронта следует ограничить все ненужные перестрелки и прочие враждебные действия. Не следует подрывать веру и слегка выпивших, и совсем пьяных, и даже отдельных трезвых фронтовых революционеров!

Там, где возможно и нужно, все крупное вооружение, если нельзя надежно охранять вместе с боеприпасами — взорвать.

Винтовки, пистолеты и прочую мелочь — уничтожить!

Это не составит никакого труда!

Трудность заключается в другом.

Будет достаточное число перебежчиков, пленных, сдающихся без боя! Что делать с ними? Откуда на скорую руку добыть продовольствие для них!

В русском фронте возникнет столько разломов, он окажется в первые дни настолько дырявым, что быстрый подвоз резервов ничего не даст!

Итак, ежедневно будет увеличиваться число пленных и перебежчиков! Что с ними делать? Как вывозить, чем кормить!???

Эти технические вопросы должны быть прежде точно проработаны, а их решение подготовлено!

Развал армии из многих миллионов солдат опасно само по себе!

ЗАДАЧИ

Приготовления должны начаться как можно скорее, иначе в январе не будет достаточных запасов алюминия, флажков, их содержимого, резиновых баллонов, манекенов, листовок т. е. иллюстраций (складных), этикеток!!!

Необходимы отдельные тренировки сбросов, проверка правильных размеров парашютов!!! Аналогично тренировка летчиков!

Все это займет от 3 до 4 месяцев! Нельзя более терять время!

ОПАСЕНИЯ!

Если англичане и американцы не достигают успеха с каким-либо спецсредством, к примеру, со сбросом подстрекательских листовок, это их не слишком беспокоит! Они задают себе вопрос: «Сколько это стоило???» Если они потеряли лишь потраченные на бумагу деньги, никто и рта не откроет!

Другое дело мы немцы!!!

У нас есть так называемый ложный стыд, мы стыдимся того, что не получилось! Нужно хорошо знать собственных соотечественников, чтобы понимать какая опасность таится в этой глупости.

У нас бывает, что один-единственный высокий чиновник или один генерал может выбросить в мусор весь план, если у него возникнут малейшие опасения, что он опростоволосится в случае неудачи!!!

Это опасность столь велика и столь ужасна для меня, что ее надо задуть в зародыше!

На том же уровне находятся и духовные вершины возражений, опирающихся на «честь»!

Скажут: «Такие методы, опьянение вражеских солдат шнапсом и подстрекательство к бунту — это недостойно немецкой армии!»

Да, точно, есть среди нас и такие чудачки!!!!

Среди нас есть люди, которые не знают, какое на дворе тысячелетье!!!

Которые до сих пор не знают, какое историческое значение имеют массовые убийства советчиков! Которые все еще не поняли, что нам уже пришлось отдать в жертву этим человеческим отбросам, этому грязному сброду более миллиона двухсот тысяч немцев! Для этих унылых носителей пожелтевших понятий чести было бы неплохо побывать на откапывании жертв воздушных налетов, пусть они посмотрят, как матери поднимают на руках детей, спасая их от струй воды, хлещущих из поврежденных труб!

Против мирового жида есть только один путь — — — путь, который жид указал сам — — в Талмуде — — в Шулхан Арух — — Вторая книга Моисея 21, 24. «Око за око» — «Зуб за зуб!»

А касательно вопроса, что пристойно делать немецкой армии при и для спасения Отечества, имеются следующие ответы:

1. Армии противника тоже вправе сбрасывать алкоголь на немецкие фронты!

2. Успешная алкоголизация русского фронта спасет сотни тысяч немецких солдат от смерти и увечий. И даже вражеским Muschiks она тем самым спасает жизни и тела!

3. Вышеприведенное мнимое возражение о чести не сможет оживить ни одного из немецких героев, которые будут массово гибнуть при отказе от алкогольной атаки!

Итак, немедленная подготовка к алкогольной атаке на русский фронт сегодня наисрочнейшая и важнейшая подготовка к весенним сражениям. Если эта подготовка не начнется прямо сейчас, может пробить час, когда момент для этой чудесной помощи нашему фронту будет безвозвратно упущен.

ЭТОТ ПЛАН ЕСТЬ СОБСТВЕННОСТЬ ВСЕЙ НЕМЕЦКОЙ НАЦИИ.

Немецкое правительство и все армейское командование должны его хорошо обдумать!

Если я в заключение выдвигаю требование поручить мне руководство технической подготовкой, я делаю это не из дешевого тщеславия или алчности! Нет, у меня есть другие причины!

Хайль Гитлер
[подпись: Конрад Гауч]

['intevju:]

РЭЙ БРЕДБЕРИ: “ВСЯ ЭТА
ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ,
РАЗРОСШАЯСЯ ОДИОЗНЫМИ ДЕБРЯМИ
В СТУДЕНЧЕСКИХ КАМПУСАХ, —
ДЕРЬМО СОБАЧЬЕ”¹³

*(интервью журналу Playboy,
Кен Келли, май 1996)*

Помимо детей научную фантастику читают по большей части мужчины. Почему женщины интересуются ею не в пример меньше?

Что бы там себе ни думали борцы за права женщин, на земле две расы — женская и мужская. Мужской движут по большей части игрушки и наука, потому что единственное предназначение мужчин произвести потомство, а в перерывах между этим — убивать время. Поэтому им надо все время искать, чем себя занять. В мужчинах, помимо воспроизводства потомства, не заложено никаких центров мироздания, а женщины, напротив, с ними рождены: они способны создавать вселенную, растить, вскармливать и пестовать ее. Мужчины по большей части читают научную фантастику, чтобы пытаться создавать будущее, а женщинам это не надо — потому что они сами и есть будущее.

¹³ Перевод с английского — Константин Конь.

Многим не нравятся ваши разграничения по половому признаку. В интервью журналу People вы как-то заметили, что CD-ROM — штука больше мужская, чем женская, и на редакцию обрушился град писем от женщин, где вас называли сексистом.

О да. Больше никакого секса с ними! (Смеется.) Послушайте, все мужчины — чудачки, а молодые — так и вовсе психи. Мы любим игрушки. У меня их сотни, например. Так вот компьютеры — самые что ни на есть смазливые безделушки, вокруг которых мы носимся, чтобы почувствовать себя творцами.

Но эти безделушки — еще и ключ к будущему, разве нет?

Об Интернете говорят, что это якобы творческий инструмент для писателя. Чуть собачья. Я говорю: держитесь от него подальше и не трепитесь с людьми по всему миру, вместо того чтобы делать свою работу. Нас всех дурачит Билл Гейтс с партнерами. Посмотрите на Windows'95, например. Чистое надувательство.

 162

Почему надувательство?

Потому что не дает людям ничего нового. А, кроме того, купив эту штуку, ты тут же покупаешь еще с десяток сопутствующих вещей. Это сотни долларов от людей, которые такие траты не тянут. Между прочим, Windows женщины тоже не покупают. Держу пари: если вы поднимете статистику их продаж, 80% покупателей составят мужчины. Молодые и старые психи, обожающие игрушки.

Для человека, сделавшего имя на будущем, у вас слишком скептический взгляд на хайтек.

Он не имеет никакого смысла, если ты не умеешь читать и писать. Ты никогда не получишь от него ровным счетом ничего.

Однако в хайтек вовлечены и процессы, когда ты читаешь и пишешь, разве не так? Например, сейчас можно писать интерактивные романы, когда читатели выбирают повороты сюжета и говорят, что хотели бы видеть в книге.

Никогда не говорите мне, как писать мои книги. Не пытайтесь придумать «лучший финал» и прочее. У меня нет на это времени.

Что заставляет вас писать?

До того как решить стать писателем, я решил стать волшебником. Я был маленьким мальчиком, который показывал со сцены трюк с фальшивыми усами, исчезающими по ходу фокуса. До сих пор иногда его показываю. Ну, а потом волшебством стало написание книг. А еще писатели пишут, потому что хотят, чтоб их любили. Меркантильно, наверное... Но мне писательство помогло еще и в другом. Когда я начал писать повзрослому, я сделал для себя главное открытие жизни: я всегда прав, а все несогласные со мной — ошибаются. Никогда никого не слушайте, всегда идите своим путем.

Некоторые критики считают, что в вашей научной фантастике слишком мало науки и слишком много фантастики, чтобы можно было назвать ее серьезной литературой.

Мне все равно, что говорят технические служащие книжно-фантастического бизнеса. Они беснуются так, как будто я совершил убийство и не сел. Я использовал научную идею, чтобы выстрелить с ней раз и на всю жизнь. Вот этого-то они и не могут мне простить. До

сих пор брюзжат, что 40 лет назад в «Марсианских хрониках» я неправильно описал атмосферу Марса.

Вы знали Олдоса Хаксли. Каким он был?

Очень вежливым. Настоящий английский интеллигент. Со всеми обращался как с гениями, что всегда льстило. Однажды мы участвовали в публичных дебатах о будущем американской литературы. Впрочем, я был разочарован, когда Хаксли отказался признать фантастику единственным путем развития этой самой литературы.

Во времени вашего знакомства Хаксли уже вовсю практиковал психоделические трипы с препаратами. Не предлагал вам?

Я дал ему правильный ответ: «Спасибо, нет». Я никому не позволяю открывать двери восприятия в моей голове — а то потом не закроются.

Ваш «451 градус по Фаренгейту» предсказал непредсказуемое на годы вперед.

Так и есть. Когда О. Джей Симпсон удирал по трассе от полиции и вертолетов, в «Нью-Йорк Таймс» написали: «Это же прямо финал „Фаренгейта“!» Я посмотрел повторный выпуск новостей — боже мой, они ведь и впрямь правы. В финале моего романа Гай Монтэг убегает от книгосжигателей и наблюдает самого себя на телеэкранах каждого дома, каждой квартиры. Когда он окончательно сбегает из-под лап Механического Пса, жаждущее зрелищ общество недовольно настолько, что для его умиротворения убивают двойника Монтэга... Но самое ужасное — это то, что еще 43 года назад я предвидел политкорректность.

Неужто в «Фаренгейте»?

Да. Босс-пожарный в одном моменте там описывает, как всевозможные меньшинства одно за другим затыкают рот мыслящему обществу, приводя пример: «Евреи не любят литературных героев Фейгина и Шейлока — надо сжечь все книги с ними, запретить даже всякое упоминание. Черным не нравится негр Джим¹⁴, сплавляющийся на пароме с Гекльберри Финном, — сожгите или хотя бы спрячьте все книги о Томе Сойере. Борцы за права женщин ненавидят Джейн Остен как слишком неудобную и старомодную — сорвать с нее голову! Апологетам семейных ценностей неуютен Оскар Уайльд — твое место на параше, Оскар! Коммунисты ненавидят буржуев — убить всех буржуев!..» Так все и происходит. Но если во времена «Фаренгейта» я писал о тирании большинства, то теперь я говорю о тирании меньшинств. В наши дни остерегайся и тех и других! Первые пытаются заставить тебя делать каждый день одни и те же вещи, вторые пишут мне, например, что стоило бы уделить больше внимания правам женщин в «Марсианских хрониках» или придумать больше чернокожих героев в «Вине из одуванчиков».

Вы что-нибудь отвечаете на подобные письма?

Мой ответ обоим сборищам одинаков: большинство вы или меньшинство — идите к черту, прямо в ад, вместе со всеми, кто попытается говорить мне, что делать и как писать. Сейчас все общество разделилось на разнокалиберные меньшинства, которые на деле суть те же книгосжигатели — они жгут книги путем их запрещения. Вся эта политкорректность, разросшаяся одиозными дебрями в студенческих кампусах, — дерьмо собачье.

¹⁴ В оригинале у Марка Твена — Nigger Jim. — *Прим. перев.*

Вы явно не сторонник морали, пропагандируемой СМИ.

СМИ? Да там только и новостей то, что об убийствах и изнасилованиях, которые мы не совершали, похоронах, на которых нас нет, и СПИДе, который мы стараемся не подцепить. И на каждую новость — по 15 секунд. Но, в конце концов, у нас до сих пор есть рука и пульт от телевизора, с помощью которых можно переключать каналы или вообще выключить все сразу. Всем своим студентам я советую никогда не смотреть теленовости.

А как насчет журналов? Вы с детства были их заядлым чтецом. Как сегодня с этим?

Сегодняшние журналы слишком глупы и дурковаты, чтобы их читать. Однако больше всего меня бесит то, что в них практически нет статей. Когда-то меня восхищали Forbes и Fortune, но сейчас их содержание не разглядеть за рекламой. Именно это и заставило меня три года назад устроить всеобщий разнос на съезде ведущих редакторов и издателей Америки.

Как это произошло?

Из искры возгорелось пламя, как только я понял, какой прекрасный шанс мне предоставили, пригласив к участию в этом съезде. Я взял с собой наглядные пособия — выпуски Forbes, Fortune, Good Housekeeping, McCall's, Vogue и People. Взобрался с ними на трибуну, потряс страницами Good Housekeeping и говорю: «Позвольте мне сказать, в чем ваша настоящая проблема. Поищите здесь статьи — вы их не найдете». Потом так же потряс перед ними журналами McCall's и Vogue: «И здесь то же самое». Затем взял Forbes и Fortune. «Вот смотрите, — говорю, — здесь на левой полосе начало статьи, вы начинаете ее читать и вдруг видите справа рекламу на целую полосу». И бросаю журналы вниз с

трибуны. Вслед за тем хватаю People и спрашиваю их: мол, вы что, и в самом деле станете читать вот этот ад от Time Incorporated? И снова бросаю журнал вниз. Делаю паузу, чтобы они отошли от шока, и объясняю: «Журналам этой страны надо больше думать об образовании. Вам же нужны читатели в будущем? И что, вы собираетесь вместо воспитания читателей продолжать их дебилизацию с помощью того дерьма, которое печатаете? Да вы же уже через пару лет окажетесь с голой задницей. Неужто вас это не пугает? Даже меня пугает. Измените свой продукт и пригласите меня снова на свой съезд». Именно так и сказал — ну, а вдруг, думаю, они хоть как-нибудь почешутся, вдруг я их хоть как-то пронял.

Почесались?

Долго мне хлопали. Потом ко мне подошла Кристи Хефнер¹⁵ с поздравлениями. А я даже не знал, что Playboy был представлен на том съезде. На самом деле Playboy ведь один из лучших журналов в истории, просто потому, что сделал столько, сколько не сделало ни одно другое издание. В свое время он печатал лучших мастеров короткого рассказа¹⁶, не говоря уже о новеллистах и эссеистах, лучших деятелях искусства Америки. Проинтервьюировал чуть ли не каждого, кому было что сказать миру. Где еще найдешь такую палитру слога — от высокопарности до площадной вульгарности. (*Смеется.*) Я с самого начала полюбил Playboy — потому что только у его редакторов хватало смелости заявить «Плевать, что скажет сенатор Маккарти», печатая отрывки из «Фаренгейта». Больше никому я бы их не продал — остальные просто боялись. И еще одну вещь я скажу — и многие парни, выросшие

¹⁵ Одна из дочерей Хью Хефнера. — *Прим. американского ред.*

¹⁶ В 50-х Playboy активно публиковал Брэдбери. — *Прим. американского ред.*

со мной в доплейбойскую эпоху, с этим согласятся: очень жаль, что у нас в отрочестве не было Playboy. Окажись он у нас в 14 лет, у каждого было бы куда меньше проблем.

Вы оттачивали бы по нему писательский слог?

Я вас умоляю! Там просто картинки замечательные. В наше время ничего подобного не было! И больше мне тут сказать нечего, кроме того, что Хью Хефнер — величайший из секс-революционеров.

Почему вы стесняетесь описывать секс-сцены в ваших книгах?

Не вижу смысла писать порнушку, если в твоей личной сексуальной жизни все хорошо. Зачем тратить на это время?

168

Вообще довольно странно, что почти вся научная фантастика практически асексуальна.

Научную фантастику делает определенный тип людей. Большинство из нас женятся поздно; многие — маменькины сынки. Я жил с родителями до 27 лет! Подавляющее большинство научных фантастов, которых я знаю, выросли очень долго. Они настолько глубоко погружены в свою тему, что до остального им дела мало.

Вы никогда не водили машину.

Ни разу в жизни. Когда мне было 16, я стал свидетелем ужасного ДТП с детальным исходом, погибло несколько человек. Домой шел буквально по стенке. От тяжелого ощущения отдался лишь через несколько месяцев и за руль садиться зарекся. Но вне зависимости от того, вожу я машину или нет, автомобиль — самое опасное оружие человечества. Машины убили

больше людей, чем войны. В этом году в ДТП по всему миру погибло более 50 000 человек, и никто даже не заметил.

До недавнего времени вы слыли еще и единственным писателем будущего, боящимся летать на самолетах, не говоря уже о космических кораблях. Как вам удалось наконец отделаться от этой фобии?

Как-то я ехал с шофером через Флориду, и это заняло целых три дня, потому что чертова машина ломалась в каждом селе на нашем пути. Где-то на второй лопнувшей крышке мне было откровение. Отчетливый глас с небес прокричал: «Лети, дурачок, лети!» (Смеется.) Сорок лет я боялся, что начну бегать по салону самолета и просить высадить меня прямо здесь и сейчас. А теперь вот летаю постоянно. Сажусь в хвосте, расслабляюсь, улыбаюсь в иллюминатор, почитываю журналы. Словом, веду себя так, как человек, который вовсе не боится летать.

Вы верите в Бога?

Я одновременно верю и в Бога, и в теорию Дарвина, что на самом деле одно и то же. Все это довольно таинственно. Возьмите Вселенную: она была и будет всегда, что в принципе невозможно. Нет ей ни края, ни конца. Факт, что солнце дало жизнь планетам, потом планеты остыли, пошел дождь — и мы рыбами выползли на сушу из Мирового океана. Обрели руки, ноги, стали ходить, а не ползать. Как неживое вдруг решило стать живым? Вдумайтесь в эти вещи. Нет тому объяснения. Нет никакой теории.

Света Косогорло
ИНТЕРВЬЮ С СОЗДАТЕЛЯМИ
ФИЛЬМА «ПЫЛЬ»

На интервью они пришли втроем: Сережа Лобан, Марина Потапова и Леша Подольский. Режиссер, сценарист и актер, сыгравший главную роль. Все примерно одного возраста, энтузиазма и взглядов на кино.

Первый вопрос я не адресовала никому конкретно, но отвечать сразу начал Леша Подольский. Как потом выяснилось, остальные двое в тот вечер не были расположены отвечать на мои вопросы.

170

Вы довольны результатами проката фильма «Пыль»?

Леша Подольский: Собственно... в прокат «Пыль» вышла совсем недавно и как такового его еще нет. Хотя фильм уже получил несколько престижных призов, мы показали его на нескольких российских фестивалях, в Москве, например, еще ездили [*смотрит на режиссера фильма Сережу Лобана*]... в другом городе показывали. Приняли очень хорошо, как я и говорил, мы получили призы, так что жаловаться глупо...

Хорошо, а как реагировали на вашего персонажа? Ваше появление вызывало улыбку?

[*Сережа Лобан улыбается.*]

Леша Подольский: Ну, смех — это же вообще основное действие нашего фильма. Мы не хотели снимать обычное кино про спецслужбы или про криминал. Их же и так очень много сейчас снимают. Мы хотели, чтобы зрители совершенно по-другому посмотрели на то, что происходит в стране, в нашем обществе, хотели снять фильм, который был бы близок, понятен абсолютно всем живущим в России.

Сергей, как вы думаете, получилось бы у вас снять фильм, понятный представителям другой культуры, европейцам, например? Снять именно так, как сказал Леша, чтобы фильм был близок им по духу?

Сергея Лобан: Это, наверно, не ко мне вопрос.

А к кому?

Леша Подольский: Вопрос должен не так ставиться. Сережа же и так снял уже два фильма, оба очень неплохие по европейским меркам. Смысл кино изменился. Сейчас в России делают кино либо развлекательное, либо малопонятное и не близкое основной части зрителей. А Сережа всегда стремится говорить на понятном зрителю языке, чтобы потом его не обвиняли какие-нибудь кинокритики старой школы или пенсионеры, которые не всегда понимают происходящее в полной мере, чтобы им все равно было понятно. Вот Сережа как раз такое кино и делает. А Европейский cinema art, он апеллирует к другой аудитории, у него другие задачи. Короче, нам с ними не по пути.

Каких режиссеров вы бы отметили в сегодняшнем актуальном российском кинематографе?

Марина Потапова: Как-то бессмысленно сейчас выделять кого-то в российском кино. Оно же все сейчас делается как под копирку и не для зрителей.

Ну... а, например, последние картины Владимира Машкова или Федора Бондарчука? Я понимаю, вы, может быть, считаете это не своим, что это ценности ушедшего поколения, но это ведь наш кинематографический контекст сегодня, как это не печально.

Марина Потапова: Вот именно. Это очень печально. Что все эти картины выдаются за нечто актуальное и о нашей с вами жизни. В России сегодня есть только один актуальный режиссер, понятный и интересный большей части зрительской аудитории.

Сережа Лобан?

[Сережа и Марина улыбаются.]

Леша Подольский: Здесь еще важно, что многие режиссеры снимают как бы не для себя, а для каких-то левых людей, то есть за деньги. Тому же Бондарчуку давали очень нехилые бабки, чтобы он снимал, а нам, например, вообще ничего не платили.

172

Три тысячи долларов? У вас же такой был бюджет?

Сережа Лобан: Все равно большая часть этих денег ушла на всякую технику, хотя мы и пытались обходиться самым минимумом.

Марина Потапова: Ну, и Мамонова нужно было привлечь как-то.

И как вы привлекли?

Леша Подольский: Ну, понятно как — деньгами и привлекли. Поэтому, по сути, все деньги и ушли на Мамонова. У нас были планы, мы хотели оставить часть бюджета для следующего фильма, но Петр Николаевич скорее всего просто отказался бы участвовать.

Мы же начинающая киногруппа, поэтому ничего другого ему не могли предложить. Решили пойти на компромисс: наши деньги и имя Мамонова на афишах. Это сработало.

Как вы собираетесь снимать следующий фильм?

Леша Подольский: Ну, пока не понятно. Пока вообще мало что известно. Вот, Сережа вообще хочет уходить из большого кино, хочет снять что-то в стиле парижского фотоавангарда 50-х.

Фото, в смысле?

Леша Подольский: Да, фото. [*Сережа кивает.*] Мы, по сути, останемся без режиссера. Трудно, конечно, но мы ведь и начинали без режиссера: Сережа был как бы непрофессионалом — любителем. И сейчас, наверно, я займу его место...

Хотите попробовать себя в качестве кинорежиссера?

Леша Подольский: Да. У меня же есть кое-какой опыт уже, поэтому должно быть проще, чем Сереже когда-то. Ну, и техническая база у нас уже будет, хотя Сережа и собирается кое-что распродать, ему нужны деньги под новый проект. Думаю, все равно будет интересно.

А вы, Марина, что собираетесь делать? Останетесь в кино?

Марина Потапова: Мне в этой ситуации проще всего. Я уже долго занимаюсь писательской деятельностью, у меня нет того пространства, которое есть у ребят, чтобы экспериментировать. Мой эксперимент — это реализация своих сценариев, всегда нужно знать,

что предложить каждому конкретному режиссеру, каждому конкретному продюсерскому центру.

Леша Подольский: Продюсеры — это бич современного русского кино... российского. Если вообще серьезно подходить к этой теме, нужно совсем по-другому снимать, не слушать всех этих продюсеров. Им, по сути, нужно только одно, чтобы фильм продавался, чтобы его крутили в хороших кинотеатрах. А нам не нужно, чтобы фильм продавался, мы снимаем актуальное кино, оно и так всем понятно. Деньги — это зло.

Сереза Лобан: Да, деньги — это зло. Здесь я с Лешей полностью согласен. Я поэтому и ухожу из кино, потому что оно все сейчас пропахло деньгами, и ни о чем другом продюсеры и режиссеры вроде Машкова не думают, их это не волнует. Вот, у них есть сценарий про машину BMW, и сразу понятно, что про машину BMW все будут смотреть, независимо от того, как это снято. Они об этом знают и поэтому снимают очень плохо, то есть деньги там крутятся большие, а снимают всякие идиоты, поэтому так говенно и получается.

Марина Потапова: В этом фильме, в «Бумере», там же еще сценарий совершенно непродуманный. Я тоже ведь в их команде начинала работать, но быстро поняла, что ничего хорошего из этого не выйдет, и ушла. Они писали сценарий, исходя из своих каких-то предположений о культуре новых русских — бандитах, но ничего реально о ней не знали...

Леша Подольский: Так и на телевидении делают. Им же неважно вообще, что какие-то военные действия идут где-нибудь, что мирных жителей убивают или солдат, им все по барабану, они снимают этих своих бумеров, убойную силу и прочих ментов, а на то, что действительно зритель смотреть хочет, их это не волнует. Потому что все эти фильмы они уже сняли и,

пока они не окупятся, их с экранов не уберут и другие снимать не будут. Снимать нужно так, чтобы фильмы быстро окупались. Как вот Сережа снимал, и я собираюсь так снимать.

Марина Потапова: Я вообще сценарии всегда так пишу, чтобы не требовало больших капиталовложений. У меня не было опыта работы в СССР. Как бы плохо мы к Советскому Союзу ни относились, но там действительно позволяли режиссерам снимать кино. Не такое, которое они сейчас снимают, а серьезное. Разную классику, «Летят журавли» или Эйзенштейн, к примеру, они ведь не на свои деньги снимали, как Сережа с Лешей собирались, им государство давало деньги, снимай хорошее кино и все, тогда этого было достаточно. А сейчас взаимоотношения поменялись. Культура и власть или общество и государство — сейчас все это уже по-другому, сейчас вообще все по-другому. Мне, как сценаристу, это достаточно отчетливо видно. У меня же и отец закончил Высшие курсы сценаристов и режиссеров, и мать тоже какое-то отношение к сценариям имела.

Хорошо, а как вы относитесь к спектаклям Мамонова, насколько они вам близки?

Сережа Лобан: Ну, мы ведь Мамонова как раз на этих спектаклях и заметили. Марина мне сразу сказала, что это вообще идеальный персонаж для ее сценария...

Марина Потапова: Да, у нас сценария еще тогда не было, но, когда я увидела Петра Николаевича, все сразу родилось в голове. Потом уже мы с Лешей антураж картины продумывали, выписывали диалоги, а главная идея, алмаз, который нужно ограничить, он... она сразу пришла. Леша в этом плане вообще молодец, сразу меня понял и сам какие-то сцены писал в перерывах между дежурствами.

Да, Леша, вы же детский психотерапевт? Расскажите об этом. Как удастся сочетать эти профессии: кино и медицину?

[Сережа Лобан смеется.]

Леша Подольский: Педиатр... не психотерапевт, а педиатр...

Извините ради бога.

Леша Подольский: Педиатр. [*Задумывается на несколько секунд.*] Собственно, я же всегда сочетал. Еще в институте, я вообще поэтом собирался стать, мы писали на лекциях стихи, и после занятий, когда все уходило, я выцарапывал их на партах. Было очень весело. Наверно, тогда мой бунтарский характер и проявился в полной мере. Еще мы, например, не признавали амбулаторные исследования, мы, конечно, тогда мало что знали о них, но важен был принцип. Так везде. Мы сняли фильм за три тысячи баксов, и в этом принцип, а потом все равно все окупится и вернется к нам сторицей. Даже в школе у меня уже был бунтарский дух, у меня...

Да, это интересно. Тогда последний вопрос я вам задам. Даже, скорее, пожелание. Хотелось бы видеть в нашей культуре таких жизнерадостных и позитивно-агрессивных режиссеров, сценаристов и актеров...

Леша Подольский: Тоже режиссеров уже скоро.

Да, тоже режиссеров. Удачи вам.

Леша Подольский: Удачи.

*Для электронного кинотеатра
«Мир искусства», декабрь, 2005*

Б о р и с е л ь ц и н

Александр Проханов
**ЕЛЬЦИНСКОЕ ЗАВТРА
ПРОШЛОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ¹⁷**

ШЕСТЬ ДЫР В СЕРДЦЕ ЕЛЬЦИНА

16.12.1996

Его ввезли в операционную в предрассветный час черного утра, когда в тюрьмах казнят преступников. Охрана, жена, глава администрации — все остались за стеклянной перегородкой, и несколько телекамер транслировали операцию в круглый зал, где собрались врачи и ученые, и также через океан, где за операцией следил президент Америки.

Он лежал на операционном столе после усыпляющего укола и вяло шевелил полураскрытыми губами. Желтые веки его дрожали, а рука свешивалась из-под простыни, была худой, перевитой синими венами.

С него сняли простыню, и голый — он был костляв, с морщинистым впалым животом, выпуклыми мослами колен, с седой редкой шерстью на груди и в паху.

Хирург, окунув вату в йод, провел по его груди желтую полосу, там, где предполагался надрез, и по бедру — откуда надлежало вырезать вену.

Ему вставили в рот серебристый шланг, проталкивая поглубже к легким, и машина, похожая на кузнечные мехи, заменила ему легкие. Его сиплое, с перебойми, дыхание, в котором слышались его обычные простудные трески, его злые, похожие на клекот, интона-

¹⁷ Публикации газеты «Завтра». Подборка подготовлена Андреем Смирновым.

ции — с ними он обращался к народу с танка или с трибуны — стали частью машины.

Скальпель прочертил на груди надрез. За лезвием выступила необильная черно-красная роса. Отсасывающая трубка, похожая на клюв кроншнепа, с хлопьями выпила капельки крови.

Ему вскрывали мышцы, подбираясь к груди, раздвигая бледные розоватые ткани с комочками нечистого жира. Кровь из перерезанных сосудов сочилась, мешала хирургам. Ее прижигали коагулятором. Трещали электрические разряды, вился дымок и пахло его жареной плотью.

Добравшись до грудины, в нее вставили длинный зубчатый шнур. Хирург резко дернул, как дергают стартер лодочного мотора, и грудь распахнулась, словно расстегнулась молния на спальном мешке. И хирург убирал влажные опилки костей.

В распил грудины вставили хромированный блестящий распор. Хирург поворачивал винт, грудь раскрывалась, как двери лифта, и там, в глубине, что-то дергалось, билось — лиловое, красное, черное. И пахло парным мясом.

Вскрыли слизистый перламутровый перикард, под которым открылась глянцевитое, похожее на скользкий гриб-валуй, сердце.

Сильным грубым движением хирург вогнал в сердечные сосуды канюли, и они приняли в себя дурную кровь. Машина, похожая на хрустальный шкаф, в котором кипело и стекало по стенкам варенье, перехватила функцию сердца, и теперь его кровь качала и перегоняла машина, а сердце, обмякнув, остановилось и было похоже на глубоководную рыбу, выброшенную на берег.

Хирург погрузил свою голую по локоть руку в глубину его рассеченной груди. Вынул сердце и держал на весу. Маслянистое, вздрагивающее, оно лежало на ладони у хирурга, а тело, лишённое сердца, пустое, как долбленая лодка, лежало отдельно.

В сердце, которое держал хирург, зияли дыры. Они были похожи на пробоины, которые оставляет лом в глыбе льда и на кратере остывающей Луны. И на вскрытые, отекающие сукровью нарывы. Хирург их считал, и насчитал шесть дыр.

Первая дыра образовалась, когда в Беловежье он совершил преступление и разрушил Советский Союз, растоптал с веселым бражным хохотом Конституцию Великого государства.

Вторая дыра образовалась, когда он обобрал до нитки трудолюбивый народ, превратил в изгоев и побирушек рабочих, академиков и полководцев, а учителей и библиотекарей послал копать в мусорных куцах.

Третья дыра образовалась, когда он разрушил вторую Конституцию, натравил танки стрелять по парламенту. Пулеметы секли невинный народ, намолотив тысячу трупов, и раненую девушку насильовали в темном углу Дома Советов.

Четвертая дыра образовалась, когда он начал войну в Чечне. Засыпал, как маньяк, бомбами мирные города и села. В подбитых танках торчали кости сгоревших танкистов, и после смерти проклинавших пославшего их на верную смерть.

Пятая дыра образовалась, когда он закончил войну в Чечне, допустил ее выход из состава России, разрушив третью Конституцию, обрекая несчастную страну на распад и крушение.

Шестая дыра образовалась, когда он вдруг понял, что у него больше нет власти. Что властью завладели гангстеры, шпионы, еврейские банкиры и прожженные партийцы, когда-то служившие секретарями обкомов, а теперь гребущие в свои сусеки алмазы и золото.

Хирург осматривал дырявое сердце, похожее на изъеденный червями корнеплод. А потом терпеливо принялся латать его, действуя кривой блестящей иглой, продергивая дратву. Он накладывал заплаты и швы, и был похож на усталого, умудренного сапожника, латающего старый валенок.

Работа была закончена, хирург осмотрел залатанное сердце. Поднес его к красной раскрытой груди и кинул. И оно долго летело обратно в грудь, и гулко ударилось, как булыжник о дно колодца.

Тело медленно зашивали, замазывали, отключали от машин и приборов. И от здания кардиологического центра, как угорелая, сверкая мигалкой, помчалась черная машина. В ней сидел Чубайс. Он летел к своим друзьям-банкирам сообщить, что операция прошла успешно и они могут еще несколько лет грабить и мучить Россию.

КУРИНЫЙ СЛЕД НОГИ ЕЛЬЦИНА

23.12.1997

Огромный клоун в красном трико мечется по снежной России. Корчит рожи, взрывает шахты, говорит с народом голосом Ястржембского. Держит в руках полушария президентского мозга, бьет в них, как в медные тарелки.

Рыбкин готовит независимость Ичкерии в составе пленной России, а Радуев, недобитый по приказу Ельцина, готовит «стингеры», чтоб завалить самолет президента, жжет русские танки под Буйнакском.

Группа «Альфа», как говорит Ковалев, провела блестящую операцию по освобождению шведа-заложника, при этом израсходовала годовой боекомплект и потеряла лучшего своего офицера.

Все военные самолеты России рухнули в одночасье, словно по ним отстрелялась реформированная ПВО страны, а суетливый министр, ни разу не побывавший на поле боя, носит звание маршала, как Жуков.

Ельцин, как утверждают газеты, умер, лежит в жидком азоте, но радиобращения его, заготовленные Юмашевым на весь XXI век, продолжают звучать, словно голос на спиритическом сеансе.

Березовского «опустили», прогнали из Совета безопасности, но он нанял Доренко и Минкина и сделал из

Чубайса котлету, показывает ее на пресс-конференциях, как деликатес для собак.

Кости царя взяты по стране, словно выставку передвижников, и говорят, что в кабинете у Россея стоит какой-то скелет.

ФСБ, эта пуговица от штанов КГБ, справляет свой юбилей, а в правительстве правая рука Черномырдина передает секретные тексты Америке, и Лившиц от возмущения покрывается патриотическим потом.

Селезнев носит на голом теле орден, взятый у Ельцина, и на вопрос, что у него под рубахой, отвечает: «Вериги!»

Черномырдин, похожий на директора крематория, в котором испек три десятка своих министров, гордится стабильностью кабинета и курса, регулярно, раз в неделю, высылает венки на могилы погибших от безденежья шахтеров и летчиков.

Центробанк чеканит копейки, и нищие недовольны весом и размером монет.

Ельцин отдал китайцам земли Приморья, пообещал японцам Курилы и убрал с границы блистательного генерала Николаева, заменив его мэром Черепковым, который в связи с этим прервал голодовку.

Правительство вещает об экономическом росте, напоминая при этом бюро ритуальных услуг, а Немцову овцеводы Чили подарили бигуди, которые распрямляют кудряшки, превращают барашков в козчиков.

Демпресса на виду у людей жрет из рук банкиров, «независимый» Третьяков стал заикаться и блеять, как Березовский, «пресс-клуб» все больше похож на кишечник, переваривающий объедки «Моста» и «Логово-за».

Застрелился от тоски и позора еще один академик, создававший мощь СССР, а Яковлев и Филатов собирают «Конгресс интеллигенции», напоминающий клопов под обоями публичного дома.

Упал, на этот раз, не самолет, а балкон, придавив несчастных детишек, а Наина Ельцина заходится в восторге от того, как хорошо живется в России.

В Париже судят «Шакала», наводящего ужас на Америку и Израиль, а в Шереметьеве поймали магаданского бомжа и хвастают, что захватили русского Че Гевару.

Подберезкин, «стратег компромисса», возглавил выборы патриотов в Московскую думу, но Лужков не пустил его даже в прихожую, оставил стоять на морозе.

Веселый черт в красных кальсонах скачет по зимней России. Морочит, корчит жуткие рожи, рвет в городах теплотрассы. Опаивает народ отравленной водкой, подкидывает в кастрюли говядину, зараженную бешенством. Ястржембский с легким акцентом переводит с мертвого на русский. Минелли с губами, как бампер у джипа «чероки», танцует на усладу мэра.

И где-то в глухой деревушке русский отрок разгрызает острыми зубками размоченный матушкой жмых. Мастерит кастетик. Примеряет на худой кулачок.

ЕЛЬЦИНА ПОХОРОНЯТ В ЛУННОМ КРАТЕРЕ

29.06.1999

Президентский лайнер «Россия» — летающий госпиталь с искусственным сердцем, синтетическим мозгом, пластмассовой почкой, стеклянной печенью. Направляясь на встречу «восьмерки», пациент лежит в салоне, под колпаком, перевитый проводами, среди мигающих экранов и лампочек. Снимаемые поминутно анализы мочи передаются через спутник Акчуруину и Дебейки.

Он сходит по трапу, вцепившись в руку жены, опасливо переставляя ходульные ноги, боясь, что его бросят, и он опять упадет на ковровую дорожку под ноги почетного караула. И куда подевался декабрист Якушкин, и где бумажка с крупными буквами, на которой написано название страны и имя ее президента?

Внезапный прилив энергии, властного гнева и нетерпения — подействовали, наконец, стимуляторы. Ударом в грудь отталкивает начальника личной охраны, сходит с дорожки в сторону. Все пугаются: не увидел ли он знакомое шасси самолета, не желает ли по привычке пометить его струей. Но нет, он идет к журналистам. “Четвертая власть” — его любимцы. Они разнесут по свету его добродушную грубоватую шутку, его сенсационное заявление об уничтожении русских ракет или о рязанских десантниках, идущих в Мадрид, или об очередном преемнике, или об отставке кабинета Степашина. Журналисты суют ему в нос, как медведю в клетке, гуттаперчевые набалдашники, косматые банники, целлулоидные кубики микрофонов. Жуют резинку, хлопают перед его носом клейкие пузыри. Охрана с трудом прогоняет журналистов, покачивает им из-под полы пистолеты.

В машине ему становится плохо. Не видят глаза, гудит голова, он глотает таблетку, просит телохранителя, называя его по старинке Коржаковым, снять с него ботинки. Босой прибывает в резиденцию. Принимает швейцара за президента страны, хлопает его по плечу, обнимает. Намекает, что при известных обстоятельствах может отдать ему Курилы. Дарит икону. Справляется о здоровье красавицы-жены.

На первой встрече “восьмерки”, которая проходит без галстуков, не желает сидеть на месте. Ходит по столам, всех называет по имени: кого Билл, кого Жак. Шредера называет Гельмутом. Блеера называет Маргарет. Японца называет Хоккайдо. Итальянца в шутку называет Муссолини. Весел, дружелюбен, среди своих, глава могучей державы. Как Сталин, может привести свои дивизии в Кельн. Как Хрущев, может настучать по столу башмаком. В шутку, конечно, над преодоленным имперским прошлым.

Обед, чудесное время. Конец изнурительным переговорным речам, нашептыванию референтов.

“Пьем за здоровье Билла!.. Только до дна, до дна!.. До дна, тебе говорю, не то силой волью!.. Знашь, как у нас на Урале!..”

После обеда становится тошно. Быстрая, в десять рук, промывка желудка. Немного рвотного. Массаж предстательной железы. Логопед возвращает речь. Окулист возвращает зрение. Психиатр двумя легкими ударами мокрого полотенца добивается полной вменяемости.

Шагает бодро, пританцовывая, как ухарь-купец, как косарь в заливных лугах. Напевает “Калинку-малинку”. Загадочно ухмыляется, отыскивая и не находя лысину Оскара Акаева, куда так звонко и ловко можно вогнать перебор деревянных ложек. Или Костикова, которого — бросить в Рейн, и вся “восьмерка” хохочет, кидает ему в реку устриц, омаров, и Костиков плышет по-собачьи, благодарно съедает дары.

В самолете, по дороге домой, у него отнимаются ноги, язык с трудом выталкивает неразборчивый звук: “Утя!”. Наина Иосифовна догадывается, что президент зовет Путина. Их соединяют через спутник, и президент узнает у председателя Совбеза точное время. Под крылом огромного крылатого госпиталя — Россия, угрюмая, ненавидящая. Затягивает самолет своей гравитацией, неотвратимая, как Страшный Суд.

“Анафема!” — раздается из русских церквей. “Анафема!” — вторят русские леса и болота. “Анафема”! — летит из каждого русского города, из каждого дома, из каждой семьи. И нету сил помолиться, и не у кого просить прощения, и кто-то чернорожий, хохочущий, с серебряными витыми рогами, с алмазной шестиконечной звездой, склонился к его неудобному, застланному клеенками ложу.

ЕЛЬЦИН ПОГРУЗИЛСЯ В ЛЕТУ КАК ГНИЛОЙ ТОПЛЯК

04.01.2000

Ельцин ушел жалко и отвратительно. Сбежал из власти. Ненавидимый, сгнивший, был отторгнут страной, которая всеми своими сословиями молила о его скорейшей смерти, всеми слезами и проклятиями приближала его крах. Страшась расплаты, он просил не прощения, а умолял о пощаде. Как наваждение ада, он захватил великое государство. Самодур, невежда, бражник, бессмысленный и злой истукан оживлялся на мгновение лишь тогда, когда уничтожался очередной ломоть жизни, — погибал Советский Союз или истреблялся Черноморский флот, или горел под пушками Парламент, или погибал под бомбами Грозный.

Он — уродство истории, ее вывих и опухоль. Он — извращение человечества, погубил свою Родину-мать, казнил свой народ, который в каждый год ельцинского ига уменьшался на миллион человек. Пишется Черная Книга его преступлений, куда занесут каждую пядь земли, отторгнутую им от России, каждый военный секрет, переданный ЦРУ, каждый алмаз или рубль, отданные бандиту и вору.

Самый худший из всех, кого породила гнилая верхушка партии, он окружал себя негодьями, плутами, придурками, которые чавкали у золотой кормушки, безобразничали у святынь, дергали его за фалды, парили в бане, учили играть на деревянных ложках, наливали стакан. А в это время по всей России катился стон, взрывались дома, падали самолеты, ловкие израильтяне скупали за грош русский алюминий, и голая блудница показывала свой срам у алтарей и усыпальниц героев.

Когда он зачитывал жалкий текст своего отречения, он выглядел, как огрызок заплесневелого сыра, проклеванный насквозь пороками и болезнями, и в дырки проглядывали лица его напуганной, нечестной родни. Страна оттолкнула его, как пушкинский рыбак

отталкивает веслом утопленника, и он, разбухший, без глаз, с языком, в который впились раки, пиявки и улитки, поплыл в безвременье, напоминая кусок гнилой мешковины.

vice versa

Вадим Климов
ПОДСКАЗКИ
СТРАШНЫЙ СУД НАД ЛИТЕРАТУРОЙ

*Ты должен нести в себе хаос,
чтобы принести танцующую звезду в мир.*

Фридрих Ницше

Чего больше боится человек — закрывать глаза или открывать? Другими словами, его больше пугают фантазии или реальность? Человек как жертва собственных страхов. Или чужой воли — демиурга, поставленного над ним бесстрастным мироустройством.

Нас забрасывают в жизнь без всякого разрешения с нашей стороны. И изымают из жизни обыкновенно против воли. Акт творения — самый поэтический и созидательный — легко заражается насильственным привкусом, ведь с тварью его никто не согласует.

Фантазия демиурга выхватывает нас из неоформленного хаоса случайных образов и помещает в абсолютно новый контекст. *Здесь мы не помним, что было там, а там не можем помыслить ничего, кроме хаоса.*

Жертва редко поднимается выше палача. Худший хозяин — бывший раб. И вот уже человек, страдающий из-за своей заброшенности в мир, выхватывает из фантазийного сумбура все что попадет — персонажей, сцены, идеи — и безжалостно встраивает их в собственное повествование. Слово главный герой «Дома, который построил Джек»... Серийный убийца малого демиурга Ларса фон Триера.

Так чего больше боится человек — закрывать глаза или открывать? Фантазии или реальности?

Как всегда, нам предлагают выбор там, где следует отказаться от любой альтернативы. Фантазия и реальность — всего лишь сменяющиеся режимы индивидуального восприятия. Их не выбирают, как не выбирают, на какой ноге ходить.

Демиург, а затем его младший брат, писатель, закрывает глаза *здесь*, чтобы открыть их *там*. Он забирает кого-то *там*, чтобы тот оказался *здесь*. Это и есть акт творения. Творчество, увиденное не восторженным поклонником, а изнасилованной жертвой.

Писатель (или, более общо, художник) вытаскивает в наше пространство существ из еще более хаотического инфрамира. По мере творческой эволюции писатель сходит с ума и перестает различать уровни становления: ведь каждая тварь может сама стать творцом.

Яркий, широкополосный эскапизм сворачивается в бесцветную точку солипсизма. В этой точке смешивается все: Бог, человек, его творение и далее — вниз по цепочке становления. Мир растворяется в сознании писателя, отторгая все, кроме сумбура фантазии.

Пожалуй, хватит пояснений. За это мы и собираемся судить литераторов. За безжалостное к тварям творчество. За то, что они взяли на себя функции Бога и бытия.

Мы будем судить их всех вместе, не делая исключений.

Встать! Суд идет!

Страшный... Страшный суд!..

1. Переводчики

Самая незавидная судьба в литературном братстве у переводчиков. Мало того что их совершенно не ценят при жизни, относясь к работе переводчика наплевательски, видя заслуги буквально сквозь пальцы, так

еще и после смерти переводчика ждут самые неожиданные злоключения.

Начнем с того, что для Страшного суда позитивный остаток его жизни оценивается лишь суммой гонораров. И любой неоплаченный перевод подвешивает переводчика в неопределенности чистилища. А чистилище мало чем отличается от ада, разница чисто декоративная.

Допустим, переводчик добился признания литературной артели и дослужился до пристойных вознаграждений. Когда-нибудь он все равно умирает, отправляется в рай... Внезапно его выхватывают из вечного блаженства и запихивают в чистилище, потому что кто-то втихую издал его перевод без договора, без отчислений наследникам — без всего этого.

И несчастный переводчик посмертно расплачивается за свой необдуманый выбор профессии. Из рая — в ад под вывеской чистилища. Он пробудет здесь, пока недобросовестный издатель не умрет вслед за ним и не предстанет перед Страшным судом, вновь актуализировав, казалось бы, решенное дело.

Сколько к мертвому переводчику еще прилипнет таких авантюристов, пытающихся растащить его наследие в тишине беззакония? Причем после каждого подобного рецидива бедную переводческую душу будут снова тащить в чистилище, обрекая на унижительную неопределенность.

Страшный суд становится для него поистине страшным. И он вновь и вновь повторяется, словно навязчивый кошмар. Переводчик просыпается весь мокрый от волнения, переводит дух и снова оказывается в липком чистилище чужих прегрешений.

Пока все жулики и воры, способные присвоить себе чужую интеллектуальную собственность, не сдохнут или не переведутся эволюционным образом. Из бескультурных мартышек в законопослушные граждане с аккуратными трудовыми книжками.

2. Супруги писателей

Не менее завидна судьба супруги писателя. Ведь именно она обеспечивает беллетриста необработанным материалом, поворачивая его голову в правильном направлении. Как заметил Чарльз Буковски, писатель это, прежде всего, стиль. За содержание отвечает кто угодно, только не он.

В архаичных формах православия практиковалось спасение человека путем переложения грехов на жену. Столь ловкий выход из положения до сих пор доступен наиболее последовательным старообрядцам... а так же писателям, вовремя сумевшим обзавестись женами.

Приятно, оказавшись у последней черты, не вымаливать прощение, не раскаиваться, а воспользоваться брачными узами, сбросив все лишнее, мешающее пролезть в игольное ушко.

Представьте семейный праздник с родственниками и друзьями за длинным столом. Взрослые безостановочно жуют, обсуждая скучную чепуху, а дети играют, иногда хвастаясь перед ними игрушками.

Какая-то дама берет у маленького мальчика пластмассовый самолет, неаккуратно вертит его в руках и отламывает крыло. А потом кладет рядом с отвлекшимся ребенком. Невольной свидетельницей сцены становится мама мальчика, которая наблюдает не только небрежность приятельницы, но и бесстыдную речь мерзавки, уверяющей мальчика, что тот сломал игрушку сам, даже не заметив этого.

Ядовитая история оседает в памяти женщины, чтобы позже всплыть в произведении ее мужа. Ведь наиболее дерзкое и витальное литераторы исторгают из себя в самом начале пути, пока только учатся писать. Завалами необработанных бульжников оседают их лучшие воспоминания на обочине культуры, и только научившись складно излагать едкие истории, писатели дорастают до чужого опыта, который и становится их реноме.

А кто, как не супруга, может снабдить его всем необходимым, годами копящемся в ее мстительной душонке... Всем известно, что самые дикие сюжеты подкидывают писателям их жены. И кому, как не им, отвечать за написанное на Страшном суде.

3. Критики

За грех гордыни в литературном мире расплачивается критик. Он и только он берет на себя всю ответственность, связанную с высокомерием божьего творения.

Больше всего на свете критик любит критиковать, то есть выносить негативные суждения о предмете, который не понимает. Признаться в собственной некомпетентности, ограниченности восприятия и прочих несовершенствах критику мешает гордыня. Он раскрывает рот или обнажает перо, чтобы его слушали. Но если внимательнее знакомятся с грязным разносом, то почему бы недостаток своего проникновения не направить в полезное русло.

Критик — это насекомое-паразит на грязном теле искусства. Он необходим надменным начинаниям, но абсолютно бесполезен для культуры состоявшейся. Критик превращает музей в кладбище, гниением пожирая свежие подношения богам.

Грубейшее вторжение критика в повседневность — процесс над трупом Владимира Ленина, который пытаются вынести из мавзолея и предать земле, то есть похоронить одно из ярчайших произведений искусства XX века, отдав на откуп трупным червям.

Здесь вся Россия (так называемое электоральное поле) вовлечена в критический процесс, и каждый норовит как можно громче озвучить собственное мнение. Критик обнажает мрачную личину профанизма, угрюмую физиономии демократии.

Вне зависимости от заслуг после смерти критик немедленно отправляется в ад.

Небольшое уточнение, дабы у читателей не сложилось мнения, что “электоральное поле” бывает только в России. Это уродливое понятие пришло к нам из-за кордона. Как и все остальное, внушающее ужас и отторжение.

Скандалы с юмористическим изданием Charlie Hebdo случаются постоянно. Столь безобидное и одно временно влиятельное издание может существовать только в обществе развитого prosperity.

Несколько лет назад там восхищались атакой на ислам через невыразимый образ пророка. Французы, и не только они, превратились в коллективный Charlie Hebdo, христианских мучеников...

А через несколько месяцев “протестанты” вдруг забыли о своей новой идентичности и превратились в гонителей Эбдо, когда те не смешно пошутили над утонувшим ребенком африканских беженцев.

Сочетание транснациональной улыбки МакДоналдса с застывшим лицом в песке мальчиком вызвало дикое замешательство в среде совестливой общественности. Так, мол, шутить нельзя.

Можно...

Никому в этом европейском лепрозории не пришло в голову, что острога Эбдо — не о детях, а об обществе prosperity, питающемся чужими мальчиками, пока вы ловите блох в налоговых отчетах под несмешной вывеской МакДоналдс.

4. Читатели

Литературный мир — одно из немногих мест, не зараженных вирусом свободы. Здесь любое отклонение сурово карается, а иерархия возведена в абсолютный принцип. Книжный потребитель никогда не прав: читатель ошибается, какой бы выбор ни сделал.

Он онтологически не способен к осмысленным действиям.

Но самый большой грех читателя — не та или иная альтернатива, не дурной или, наоборот, излишне рафинированный вкус, но капитуляция перед выбором — чревоугодие. Когда читатель, словно глупый шпиц, набрасывается на все подряд, заглатывает, даже не разбирая вкуса.

Эти беллетристические чревоугодники не расстаются с книгами, отгораживаются от людей очками, с головой ныряют в эскапистский мир бестолковых надежд и озарений. Но даже самые дюжие желудки не выдерживают столь богомерзкой кухни и насильственно опорожняют содержимое на радость родным и прохожим.

Грех ненасытности, хоть и находится ближе в конце табеля прегрешений, настолько отвратителен страшносудейской канцелярии, что всех этих круглых энциклопедистов без лишних разбирательств отправляют в чистилище.

Здесь книги используют по прямому назначению — для растопки костров. И застенчивые эрудиты приходят наконец в себя, посаженные на строгую освежающую диету.

5. Историки литературы

Историки литературы ничем не лучше обычных историков. Историю пишут победители, то есть отъявленные мерзавцы, одолевшие других мерзавец подлостью и низкодушием. Литературный мир мало чем отличается от остального.

Всем известны «Слон и Моська» — басня Ивана Крылова, который все заимствовал у поэта Эзопа. Однако в древнегреческом варианте повествование начиналось совсем с другого. Речь шла о привередливом шпице, подружившемся со слоном. Слон беспрестанно ел пирожки, а крошки сыпались шпицу на голову, и только капризная брезгливость не позволяла последнему к ним притронуться. Вконец оголодав, шпиц по-

ссорился со слоном и бегал за бывшим другом, грязно облаивая его на потеху толпе.

Царизм насаждал басню Эзопа затравленному российскийскому населению, программируя рабство и низкопоклонство — следует, мол, довольствоваться крошками, иначе придется по-идиотски слоняться за слоном, которому ваш лай до лампочки.

Большевикам было не по пути с прихвостнями царя. Они изъяли из древнегреческой басни начало и руками плагиатора Крылова оставили лишь образ злобной собачонки, тщетно обругивающей ход истории.

Это и есть работа историков, калечащих литературные памятники в угоду актуальному моменту. Им мало будущего, которое можно расписать как угодно. Мало настоящего, нуждающегося в разнообразных интерпретациях. Историки литературы добиваются до самого незащитного, ветхого, интимного и святого — до корней человечества. И бессовестно выдирают их из земли.

Место историков литературы самое незавидное. Их держат не просто в аду, а в самых отвратительных его ответвлениях, до которых не дотянулась даже разнужданная ризоматическая фантазия Делеза и Гваттари.

6. Футурологи

Футуролог (или, иногда, футурист) — это вовлеченный в литературный процесс дилетант, пытающийся свое невежество транспонировать в будущее.

Венедикт Ерофеев — один из самых ярких представителей этого направления. Писатель, исходивший Москву вдоль и поперек, но так и не увидевший Кремль, описывал советскую столицу третьего тысячелетия следующим образом: «Здесь есть всё — от советских чебуречных до антисоветских».

Сам писатель обладал весьма ограниченным опытом кабелеукладчика, общался исключительно с опустившимися алкоголиками, не получил никакого образования, кроме школьного — и то за полярным кругом.

Но как пронзительно выглядит Москва будущего — современная нам — словно живая.

И что самое удивительное: подчеркивая фантастическое разнообразие столицы, Ерофеев виртуозно укладывает всю полиморфию цивилизации между двумя полюсами — советской и антисоветской чебуречными.

Причем именно эти заведения вызывают самое бурное негодование гражданского общества. И — что еще невероятнее! — каждая из групп протестующих, будь то бунтовщики против советской чебуречной или бунтовщики против антисоветской чебуречной, считают, что в их рядах все или почти все. По крайней мере, все или почти все приличные люди.

Столь точное попадание в самое сердце будущего способен совершить лишь тот, кто это будущее создает. Обычные писатели не в состоянии предвидеть ничего, что вылезало бы за пределы их носа. Они и собственные внутренности описывают с трудом и весьма схематично.

Не репрезентация, а генезис приводит к попаданию.

Тот, кто контролирует рождение, владеет будущим.

Ответственность футурологов нельзя преувеличить, но можно компенсировать безответственностью человеческой. Взять того же Венедикта Ерофеева. Не отпралять же эту пьяную бедолагу в ад.

Гений попадает в цель, которую другие не видят. Поэтому и Ерофеев после Страшного суда попадает не в ад, не в чистилище и даже не в рай. Советский кабелекладчик отправляется напрямик в Москву будущего, скрупулезно описанную в его лучших произведениях.

Здесь мы его и встречаем — повсеместно! — от советской чебуречной до антисоветской.

7. Антиутописты

Футуролог выводит будущее из собственного невежества, а антиутопист прибавляет к этому еще и свой

мерзкий характер, видящий во всем только плохое. Неведение и дурное настроение — основные ингредиенты антиутопии.

Слово «утопия» можно перевести с греческого как не-место — место, которого нет. Под этим понимается страна, несуществующая, потому что она слишком хороша для этого мира.

Однако пессимизм мыслителей продолжил фантазию следующим шагом: из прекрасного — в безобразное. Причем несуществующее ровно по той же причине: не может быть настолько отвратительного места.

В принципе, это тоже следовало бы называть утопией, а антиутопией называть нечто существующее в действительности. Но незнакомые с принципом двойного отрицания классификаторы решили по-другому. И вот результат: антиутопист, рисующий будущее в самых мрачных тонах, еще и подаваемых в обманчивой позитивной обертке, чтобы не растерять читателей на первых же страницах.

Мы оказываемся в мире, где вроде бы все доведено до совершенства — только это совершенство с обратным знаком, низводящее человека до блохи в одержимом нелепыми идеями государстве. Он парализован моралью, дезинформацией, социальными связями (или их отсутствием) и репрессивным аппаратом.

Очарование подобной литературы в том, что, каким бы грубым подлогом не занимался автор, у него всегда найдутся читатели, способные распознать обозначенные тенденции в современности. И представить эту вычурную галиматью катехизисом сопротивление.

В отдельных случаях, как, например, с Джорджем Оруэллом, набор прозрений, при их очевидных фиктивности и архаичности, настолько завладевает читателем, что превращает его в параноика, всюду натыкающегося на ужасные знаки будущего, которое уже наступило.

Антиутопия — это скверная пародия на откровение Иоанна Богослова, «Апокалипсис». Авторы столь мерзостной профанации главной интуиции челове-

ства заслуживают самого сурового наказания. Наш Бог бесконечно милостив, но даже ему не под силу идти против страшносудебной процедуры.

Антиутопистам место в том мире, который сочинила их болезненная, патологическая фантазия, порождение творческих озарений Люцифера.

8. Женские прозанки

Жанр женской прозы подобен сигаретам в пачке с угрожающими предсказаниями. Чтение книг с такой маркировкой есть акт неповиновения, чистый нонконформизм. Почти как зайти в клетку с тигром или перекусить в МакДоналдс. Каждый, кто так поступает, обязан сообщить окружающим, что осознает и принимает риски, и объяснить причину, по которой ему пришлось пойти на это.

При всем уважении к женской интеллектуальной организации, женская проза глупа даже для женщин. 75 процентов беллетристики потребляет второй пол, причем в эти $\frac{3}{4}$ почти не попадает женская проза, ведь женщины ее не читают.

Этот вид литературы вырос из бытового анекдота в сексистский китч, потребляемый мужской аудиторией с целью восстановления душевного равновесия. Приятно смотреть глупые фильмы, ощущая превосходство над героями. Но превосходство над авторами ощущать еще приятнее. А если автор олицетворяет собой целую половину человечества, причем нескромно называемую лучшей, то от этого истощенная мужская душа и вовсе возносится на небеса.

Правда, ненадолго: после чтения она возвращается в привычный мир, где идиотизм не упакован в комфортный книжный футляр, а елзит наждачным бытием прямо по коже, по мясу, по костям. То есть готовит раздавленного жизнью читателя к новым открытиям на литературном поприще.

Женская проза — живительный напиток, возвращающий силы и веру в лучший мир. Авторы этих ше-

девров безымянны и бесполоы. Они и есть люди будущего, выведенные в пробирках турбокапитализма. Литературные андрогинны, анонимно зарабатывающие путевку в рай.

После Страшного суда композиторы второполой писанины отправляются в эдемский сад со змеями и яблоками. С единственным условием: больше никогда не писать. Пусть их наследие останется на Земле и не попадет больше никуда.

9. Моралисты

«Одномерный человек» Герберта Маркузе давно отгремел. Запрограммированный на необузданное потребление, он успел стать музейной реликвией. Общество всеобщего процветания сменилось новой эпохой, где недалекому индивиду подсовывают не искусственные потребности под видом того, что он этого достоин, а наоборот скрывают реальность все новыми платами-табу.

Прежний потребитель насосался жизненных соков до полной утраты экзистенции. Теперь с ним будут работать по-другому. Вместо двух телевизоров в каждой комнате и 25 000 килокалорий в день индивида постепенно опутывают запретами, которые раньше никому не приходили в голову.

На сцену выводятся самые вырожденческие патологии, навязывая обывателю безобразное вожделение. Сексуальное влечение не просто пронизывает его с первых до последних дней, распространяясь на любого члена семьи, оно давно вышло за какие-либо рамки и нуждается в строжайшей регуляции и общественном контроле.

Репрессивный аппарат государства слишком неуклюж в обществе развлекательных антиутопий, поэтому его снова камуфлируют культурной завесой — морализаторской литературой — искусством запретов и отказов, выдаваемых за высокий стиль маленького человека.

Моралисты, словно голодные вши, набрасываются на растерянного индивида, убеждая его в том, что вместо нового автомобиля и плазменной панели во всю стену он теперь мечтает о сексе с соседским новорожденным мальчиком и о подглядывании за линькой их удава.

Общество потребления закономерно сменилось обществом воздержания. И моралисты — это новый клир, накинутый на мир липкой паутиной табу. Если вы чего-то не хотите из уже запрещенного, это еще не значит, что вы нормальны. Это значит, что новая секулярная религия еще недостаточно продумана.

К счастью, после смерти моралистов ждет аттестация по старым правилам Страшного суда. Их место в чистилище с последующим распределением в ад. Для всего остального моралисты слишком часто судили других.

10. Нобелевские лауреаты

Венедикт Ерофеев считал, что Нобелевский комитет ошибается, к счастью, не чаще раза в год. Но даже эта интуиция футуролога оказалась ошибочной. Будущее показало, что премия оружейника Нобеля каждый раз стреляет в самое яблочко, даже если его не видно современникам.

Престижное поощрение всегда находило самых достойных, исключительно точно подсвечивая рафинированную чистоту творческих устремлений человечества.

Награда присуждается отважным ученым, политикам-коррупционерам и так называемым литераторам — инженерам человеческих душ, способным рассуждать на любые темы, кроме приведения своей личной жизни в порядок.

Облик эталонного нобелевского лауреата призывает к сентиментальности — без слез не взглянешь. А уж его вклад в литературу и вовсе становится достоянием

анекдотов. Непогрешимый комитет стреляет без промаха, даже не целясь.

Точнее, комитет целится всегда, в любой момент времени, но дергает за курок лишь раз в году, чтобы осчастливить очередного литературного праведника, на тернистом творческом пути умудрившегося ни разу не ступить на дурную дорожку.

Подобная литература — словно обезжиренное молоко, кофе без кофеина, безалкогольное пиво или поток свободы через белоснежную респираторную маску. В чуть более мрачных образах: это доброе убийство, насилие без жертвы, полезный нервный припадок.

Перед церемонией вручения Нобелевской премии писателю подвязывают ветки, чтобы не торчали в разные стороны, удобно упаковывают его для транспортировки, а уже в многотысячном зале разрезают веревки, наряжают как надо и вставляют в горшок с землей.

После всех запланированных торжественных мероприятий то, что осталось от лауреата, волокут за ствол на улицу и выбрасывают в ближайшую помойку. Главное, не засыпать подъезд сухими иголками, которые теперь ни к чему.

Страшного суда для отмеченных главной премией литераторов не проводится. О них уже все известно. Горите теперь в аду, борцы с пороками человечества. Зато вашу писанину будут изучать в школах, и поджаривать вас на целомудренной детской ненависти.

11. Либеральные поэты

Глубже всех уловил состояние поэтов Франц Кафка: «Поэты страдают от того, что страдают недостаточно сильно». Философия есть размышление о смерти, о конце всего значимого и самого мыслителя; а поэзия — это чистое страдание, даже не мысли о нем, а боль сама по себе.

Тем интереснее выглядит такое явление, как либеральный поэт. Сей оксюморон страдает из-за нехватки

страдания и одновременно требует его прекратить. Казалось бы, обычная алогичность, шизофрения противоречивых устремлений, особенно учитывая истеричную манеру подачи.

Однако все не так просто.

Либеральная поэзия — феномен не литературный, не политический и не психиатрический. Либеральная поэзия — это продукт эсхатологии, конца света с неизбежным распадом любого смысла, даже самого поверхностного.

Удел философов, размышление о смерти, овладевает маленьким человеком — атомарной единицей либерального общества. Здесь миллиметры не складываются в сантиметры, ибо разрозненны и независимы — их нельзя суммировать.

Бесконечно малые окрестности нуля, роящиеся вокруг абсолютного нуля — кинетической смерти вселенной. Их шелестение и есть либеральная поэзия, невзрачный скулеж по лучшей жизни в обстоятельствах, не предполагающих ничего, кроме еще большего ухудшения. Причем плачут именно те, кому по поэтическим стандартам положено упиваться страданиями.

Крайности смыкаются: «Чем больше самоубийц — тем меньше самоубийц». После Освенцима поэзия превращается в свою противоположность и заражается либерализмом в самой тяжелой форме. Она больше не может воодушевиться даже болью: боль переживается исключительно как боль и ничего больше.

Трагический номинализм вырождается в солипсизм, осложненный либеральной множественностью субъектов прав человека. Поэты, не верящие ни во что, кроме собственного страдания, обращаются к другим, пытаясь освободить окружающих и поднять их жизненный уровень.

Столь запутанные воззрения не поддаются анализу и критике. Каждый либеральный поэт отмечен печатью Сатаны. Поэтому его дело не рассматривается на Страшном суде. Либеральный поэт мертв еще при жизни. После окончания похоронной церемонии и по-

лучения родными правильно заполненного свидетельства о смерти он возвращается в ад.

12. Литпроцессоры

Отдельно упомянем участников так называемого *литературного процесса* — литпроцессоров.

Графомания характеризует качество текста, а литпроцессия — суету вокруг этих текстов. Застать такого участника за самим письмом невозможно — увешанный номинациями и премиями, он в вечном движении между редакциями, фуршетам и презентациями.

Литпроцессор беззаветно влюблен в автографы и преспокойно удовлетворяется только ими — остальная часть книги существенно проигрывает в ценности по сравнению с подписанной страницей.

Фланируя между тусовками, выступая со сцены, общаясь с коллегами — участник растворяется в самом процессе. Для всего остального у него не остается ни времени, ни сил, ни желания. Возможно, когда-то он даже что-то написал, но теперь находится в творческом кризисе — нескончаемом литературном отпуске.

Тряпичные персонажи раннего Джармуша из того же теста, но еще и лишены честолюбия. Литпроцессоры — тщеславные гиньоли с полупустыми пластиковыми стаканчиками в руках. Они проглатывают плоды культуры, словно слабительное, которое не оставляет в них никакого следа.

Вернер Херцог утверждал, что награды существуют лишь для собак и лошадей. И еще для литпроцессоров, добавим мы. Нет иного способа понять, что в прозрачный стакан налита прозрачная жидкость, кроме как маркировать его чем-то ярким.

Вот они и маркируют друг друга, спуская внутренний жар в гудок профессионального признания.

13. Пропагандисты или детские писатели

Главный герой романа «1984» вобрал в себя всю мерзость, против которой восстает любая политическая система, кроме актуальной. Пошлость, легковесность и беспомощность Уинстона Смита есть гуманистическая база для социального насилия: что еще остается делать с таким бесформенным материалом, кроме как облагораживать его.

Уинстон Смит одним своим существованием толкает государство к насилию и тоталитаризму, которые беллетрист Джордж Оруэлл художественно оформляет в неприглядные, но запоминающиеся клише вроде «Свобода это рабство» или «Война это мир».

Это алогичность понятная любому идиоту, всю жизнь разбирающемуся, какой стороной надевать брюки. Но самое глубокое изречение вкладывается в уста героя, слившегося с автором: «Свобода — это возможность сказать, что дважды два — четыре. Если дозволено это, все остальное отсюда следует».

Здесь Оруэлл опускается к самым глубинам человеческого мышления, закладывая оправдание манипуляций в форме борьбы с ними.

Как у него это получается?

Арифметика — единственная математическая наука, понятная всем. Ее объекты — числовые абстракции, а метод рассуждений — строгие и однозначные вычисления. Ошибиться здесь можно только по небрежности.

Однако любые другие рассуждения, особенно культурного или социального характера, не обладают математической строгостью, и утверждать, что $2 \times 2 = 4$ здесь не является свободой, а наоборот, грубым запретом всем остальным иметь свое мнение.

Пропагандисты продолжают изыскания детских писателей в возрастной перспективе. Они обращаются с аудиторией так же, как детские писатели, только их читатели — уже не дети. Тем не менее, хоть дети и повзрослели, но не утратили восприимчивости к грубой

манипуляции, которой и пользуется Джордж Оруэлл, сводя сложность мира к элементарной арифметике.

Астения индивида, его незащищенность перед обществом и государством оправдывают любой тоталитаризм. Главное, чтобы это был новый тоталитаризм, и он был направлен против старого.

Какое беспардонное глумление над здравым смыслом — объявлять свободой возможность произносить банальности. И вдобавок отказывать в свободе произносить банальности остальным, если их взгляды не совпадают с вашими.

Считается, что новая этика, культура отмены и прочие радости освободившихся жителей зоопарка есть антиутопическая реальность, вскрытая Джорджем Оруэллом. Это действительно так. Только новые узурпаторы — это не Большой Брат из «1984», а крошечный Уинстон Смит, которому соперничали читатели.

Автор, воплотивший свой художественный талант в богомерзкий гомункул, должен расплачиваться под гнетом своего же детища. Пропагандистов от литературы ждет индивидуальное наказание. И это не встреча с голодными крысами лицом к лицу. Форму и порцию ада пропагандистов определит выведенный ими Адам Смит, расправивший плечи после долгого сна.

Добро пожаловать в мир освобожденного ментального рабства, мистер Оруэлл и иже с ним.

14. Популяризаторы науки

Вечно юлящая, прикрывающаяся благими намерениями литература несет в себе такой заряд разложения, что можно покончить с миром не один раз. Но писатели из трусости и природной застенчивости всегда откладывают окончательное решение человеческого вопроса, выбирая скрытое воздействие, так называемую мягкую силу.

Вся литература носит характер подрывной. Но даже здесь выделяется особый отряд вредителей, зани-

мающихся популяризацией науки. Средние века запомнились кострами из ведьм, а эпоха научно-технической революции — это пожар, который новые ведьмы обращают на мир.

«Мы все в огне!» — первоначальное название знаменитого романа Рэя Брэдбери, пока он еще повествовал о разрушительной силе печатного слова и освободительной борьбе с ним.

Такой посыл нельзя было упрятать никаким нарративом будущего. Цензура редакторских советов, этот беспощадный культурный тоталитаризм, заставила американского фантаста переписать книгу, поменяв противоборствующие стороны местами.

Черное стало белым, а белое — черным.

Это и есть работа популяризаторов науки — средневековый костер против истинного знания. На языке наркомафии популяризация — это разбодяживание и субституция. Когда под видом одного вам подсовывают совсем другое, еще и разбавленное чем-то третьим, поэтому вместо лекарства вы получаете медленный яд.

Популяризаторов науки следовало бы называть декадентами, если бы они не производили настолько отталкивающее впечатление. Даже в пьяном бреде их не спутаешь с рыцарями эстетики и изящества. Декаденты развращают красотой, а популяризаторы науки — грубым подлогом и патологической мерзостью.

К счастью, не все измеряется эстетикой — кое-что все-таки осталось в плену этики. Буйство безобразия заканчивается на Страшном суде, где ему преграждает дорогу Великий судья, помещая наконец в жаровню адского пламени.

Безобразия пожирает безобразия, и наука с божьей помощью освобождается от своих популяризаторов.

15. Книгопродавцы

Тот, кто не смог стать писателем, становится критиком. Однако снобизм первых слишком раздувает штат вторых: литературных критиков не так уж много

— примерно один на тысячу графоманов. Куда же деваются остальные?

Остальные неудачники распределяются по следующим ступенькам бесконечного нисхождения. Тот, кто не смог стать даже критиком, устраивается работать в книжный магазин.

Как известно, писателю необходимо научиться писать, литературному критику — читать и более-менее связно формулировать идеи о прочитанном. А книгопродавцам достаточно одной лишь любви к печатному слову.

Ужас и растерянность, которые испытывают перед жизнью книжные люди, так называемые вшивые интеллигенты, необходимо правильно канализировать. Писатели выворачивают наизнанку свои души, нескромно делясь с аудиторией постыдными подробностями биографии. Критики изгаляются в желчи и бесплодной эрудиции, ковыряясь в том, что всегда хотели сделать сами. И одни только работники книжных магазинов бескорыстно влюблены в слово как таковое, разменивая свои никчемные жизни на вездесущую пыль лежалых корешков.

Тоскливо наблюдать, как бывшие тщеславные студенты растрачивают юношеские амбиции за сортировкой макулатуры, приемом поставок, бухгалтерией, скандалами с покупателями и конкурентами...

У литературных антагонистов — писателей и критиков — есть хотя бы их выдуманный мир с фуршетамми и самодовольным общением, автографами, премиями, лекциями, творческими вечерами... А у книгопродавцев нет ничего, кроме захламленных каморок и треска кассовых аппаратов.

Где-то вдали тлеет юношеская мечта о славе, интеллектуальных и духовных завоеваниях, но здесь и сейчас — беспросветное настоящее, от которого нестерпимо хочется броситься под машину с очередной поставкой.

Бедные, жалкие, никчемные людишки, о которых рассказывали классики вроде Федора Достоевского

или Франца Кафки, выглядят титанами в сравнении с книжными червями — безвременными пенсионерами книгохранилищ. Потомки скрипучих советских библиотечарш и растерявшей революционный пыл парижской молодежи 68-го года... Визгливая истерика застряла в горле — ни туда ни сюда... Ступор, растянувшийся на остаток жизни!..

Что ждет этих бестолочей на Страшном суде? Увы, их не удостоит вниманием даже эта универсальная инстанция. После смерти книгопродавцы будут продавать билеты всем желающим поглазеть на адские мучения и райские удовольствия.

Какое жуткое разочарование: после смерти книгопродавцев ждет та же жизнь со стуком осточертевшего кассового аппарата.

16. Растворители свободой

Мир погряз в приятной на вкус отраве свободы. В концепте свободы культура встречается с политикой, порождая мерзкий гибрид — политическую ангажированность обывателя, воюющего с властью в библиотеках и музеях.

Так же как большинство не может помыслить свою смерть, в сознании маленького человека не умещается понятие иерархии. Поэтому ему кажется, что свобода возможна только в одной форме — в форме всеобщего уравнивателя.

В таком понимании свобода находит индивида стиснутым другими индивидами: все они в равной степени свободны, ограничивая свободу друг друга собственной свободой. От свободы здесь задыхаются, или пытаются смириться со своим новым положением сардины в банке.

Между тем, для человека иерархии очевидно, что свобода проявляется в занимаемом положении и распространяется на то, что ниже. Офицер свободен по отношению к солдату, хищник — к жертве, программист — к компьютеру.

Когда функциональные связи рушатся, и вместо иерархии индивидов заковывают в хомут равенства, оказывается, что свобода хоть и всеобща, но абсолютно бесполезна — у нее не остается оперативного пространства.

Самым эффективным проводником подобного положения вещей предстает так называемая творческая интеллигенция — наипоганейшая разновидность обывателя, отгородившегося от остальных людей цельно-металлической оболочкой культуры.

Спесивая, бестолковая, праздная поросль — сорняк на социальном теле, пытающийся разрушить политическое пространство бесконечной игрой в поддавки. Беззастенчивые жертвы любых репрессий, страдающие и оплакивающие себе подобных, лживые во всем, что касается их интереса, однако в масках чистейшей добродетели на вечно скорбных физиономиях.

Растлители свободой распространились повсеместно. К счастью, чем они многочисленнее, тем очевиднее вред всеобщей свободы.

208

Любители забить чужие головы тлетворными идеями должны сами от них страдать. А свобода — худшая из интеллектуальных инфекций.

Ее разносчики будут вечно толкаться в камере подсудимых. Страшный суд не начнется для них никогда — пусть эти паскуды вечно дожидаются его начала вместе со своей поганой свободой. И не освободятся от нее никогда.

Аминь.

17. Порнографы

Мы рассмотрели массу разновидностей литературных перверсий, требующих аттестации Страшного суда, но так и не упомянули важную деталь классификации. Дело в том, что причастность к тому или иному типу практически не зависит от индивида.

Он не выбирает грех и не может устоять перед ним. Литератор — такая же жертва своего преступле-

ния, как и его аудитория. В большинстве случаев он не может повлиять даже на стратегию криминального воплощения, уже рождаясь с законченным набором отклонений.

Как поют проникновенные Spiral69:

*«This is not my face. This is not my eyes.
This is not the way I feel..
This is not my name. This is not my brain.
You don't know the way I feel».*

Чувство отчуждения от самих себя — вот что отравляет существование пишущей братии. Но вместо того чтобы отвлечься от непреодолимого зазора, в окружении писателя обязательно заводятся кто-то вроде психолога и начинает свою грязную работу, изо дня в день расковыривая греховную язву.

Литературных психологов обычно называют порнографами, распалюющими воображаемую страсть, дабы перевести ее в страсть реальную.

Смог бы аскет жить в борделе? Или в кинотеатре для взрослых?

Именно на этот подвиг обрекает литератора утешитель вроде психолога, убеждающий творческого извращенца в том, что от него еще что-то зависит. С тем же результатом можно объяснять пассажиру поезда, что от его самочувствие влияет на движение состава.

Писатель разлагает общество, но он тоже заражен собственным талантом. Причем это заражение — не результат случайной связи или волевого усилия. В этом отношении писатель пассивен — он рождается вместе с недугом, и единственная возможность излечения — расставание с данным природой сознанием.

Работа психолога заключается в обратном — в постоянном рециклировании интеллектуального извращения, актуализации греховных переживаний и их сублимации во все новых творческих актах.

Это не преодоление болезни, а ее усугубление. Литератор все глубже порывает с собой и с миром. Одна-

ко вместо угасания зараженного сознания он продолжает транслировать его в мир, инфицируя своей болезнью окружающих.

И все это с услужливой помощью порнографов с дипломами психологов. А то и без дипломов...

Как только на Страшном суде слышат слово психолог... или психотерапевт... или, прости Господи, психоаналитик, такого специалиста немедленно отправляют в самую гущу ада, не принимая в расчет никаких доводов и смягчающих обстоятельств.

Ибо порнография чувств — самое оскорбительное попрание божьего замысла.

18. Блогеры

У Пола Боулза есть замечательный рассказ о молодой арабской женщине, недавно вышедшей замуж, тратящей свой небогатый досуг на посиделки с другими женщинами, в основном жалующимися друг другу на болезни, неурядицы семейной жизни и общую неустроенность мироздания.

Юная героиня здорова и как будто удовлетворена жизнью, но под натиском социализации вынуждена выдумывать себе недуги и насущные сложности. Эти нескончаемые стенания, которые более опытные товарки воспринимают как отчужденный спектакль, захватывают героиню с головой. Ее эмоциональное состояние ухудшается, сочиненные болезни воплощаются в реальности, молодая арабка заболевает и стремительно умирает, задушенная декорациями собственной фантазии.

Функцию разговорного досуга восточных женщин взяли на себя социальные сети с их конвейером разоблачения бытия. Здесь каждый противопоставляет себя миру, как будто он не хнычущая алжирка, а обособленный субъект на тропе войны.

Речь не только о политической ангажированности, этом модном обывательском неврозе, но обо всем витальном спектре. Любой подслушанный разговор, под-

смотренная бытовая сценка — все возбуждает блогерскую истерику разоблачения.

Блогер жалуется товаркам на других, выпадающих из его представлений. Так он обнажает свой недуг, болезненное отличие от окружающих. Чванливая гордость западного человека не позволяет ему поступить подобно арабской женщине: он вынужден жаловаться на недостатки других, а не делиться своими.

Однако результат такой же, как в рассказе Боулза. Блогер либо обрастает непробиваемой щетиной, либо по-настоящему вовлекается в плаксивый спектакль разоблачений, заражается выдуманными болезнями и умирает.

Страшный суд не занимается блогерами, потому что они давно построили свой собственный ад. Блогеры уже варятся в его коммуникационных котлах, иногда хвастаясь чертям фотокарточками с изображением отчаянного счастья.

19. Бимбо

Оказывается, у однотипных сексапильных девушек с пухлыми губками есть название. Все вместе они называются бимбо. Бимбо — это субкультура второй половины человечества, которая решается свести экзистенцию исключительно к косметическим процедурам и смене автообразов.

Вероятно, об этих жрицах силиконовой красоты никто бы и не узнал, если бы не повальное перемещение человечества в Интернет. Здесь бимбо и ведут благодарную, но эффектную работу, заполняя смысловой вакуум своими универсальными картинками.

У бимбо нет интересов или увлечений, кроме собственной внешности — того впечатления, которое они оказывают на окружающих. Это доведенный до предела образ безликой эстетики. Примерно как число в математике. Есть 2 автомобиля и 2 душевных переживания. Абсолютно разные объекты. Но 2 — их количество — применимо к обоим. Эта математическая абст-

ракция, перенесенная на человека, и есть бимбо. Бимбо это 2 безотносительно того, к чему оно относится.

А теперь самое интересное. Этот продукт массовой культуры мы находим и в литературе. Здесь бимбо обоих полов, любых возрастов и жанровых ориентаций. Бимбо преодолевают образ писателя как безбожно запущенного чудака, не умеющего себя подать. Бимбо умеют себя подавать, но ничего кроме этого.

Конечно, в пене литпроцесса может показаться, что у них есть какие-то идеи, образы, сюжеты, концепции. Не преувеличивайте. Писательские бимбо обходятся без всего этого. У них нет даже эпатажа. Одна картинка, которая должна всем нравиться.

Хотелось бы назвать такое явление «восстанием красоты», но бимбо не помышляют о восстании, а их красота сведена к салонной унификации. Бимбо работают не с текстом, а непосредственно с читателем, нуждающемся в успокоительной идее авторства. Если это написало столь обворожительное существо, думает он... Словом, красивое рождает красивое...

212

Страшный суд — настолько неподходящее место для бимбо, что мне недостает фантазии представить их там. По всей видимости, освобожденные от материального бремени, бимбо предстанут перед страшным судьей голой абстракцией — идеей понравиться.

Порождение ли это дьявола? А как же. И бимбо об этом догадываются, даже тем крошечным ноготком, в котором прячется их сознание.

20. Просвещенная цензура

Цензура осталась в прошлом. Порождение темных времен и тоталитарных режимов, одно звучание этого слова отдает музеем, причем далеко не современного искусства.

Цензура преодолена, похоронена в саркофаге прошлого, словно фашизм. Но не забыта. Более того, о ней постоянно вспоминают по поводу и без. Чаще, разуме-

ется, без повода, потому что причин для вмешательства в чужое высказывание нет решительно никаких.

Или все-таки есть?

Мы постоянно торопимся с похоронами. Закапываем еще живые, шевелящиеся трупы, надеясь, что земля доделает за нас остальное. Но нет же! Все приходится делать самим, даже самую неприятную работу.

Цензура снова здесь. Она просочилась сквозь крышку гроба в будущее, слегка изменившись в угоду современным нравам. В чем же основание для цензуры в мире всеобщих прав и свобод?

Расщелина для проникновения тоталитаризма появляется вместе с самыми ретивыми поборниками свободы. У каждой группы активистов всегда есть мишень — то, против чего они будут бороться до конца. Во всем остальное — полная свобода на усмотрение индивида, но не в главном пункте.

Количество активистских групп растет. В пещере крошечной свободы они выхватывают фонариками все новые червоточины, нуждающиеся в немедленном исправлении. Сто сортов феминизма, пятьдесят сортов гомофобии, десять — расизма, пять — сексизма, еще пять — эйджизма...

Фонарики активистов заполняют всю пещеру, рассекая ее тысячами, миллионами лучей. От мрака свободы ничего не остается: каждый уголок подсвечен аргументированным запретом — спрятаться негде.

Это и есть новое воплощение цензуры — так называемая просвещенная цензура. Каждое табу отнимает у культурного пространства бесконечно малую часть. Но самих табу бесконечность, поэтому они должны заполнить все. Причем под знаменем решительной, ничем не ограниченной свободы.

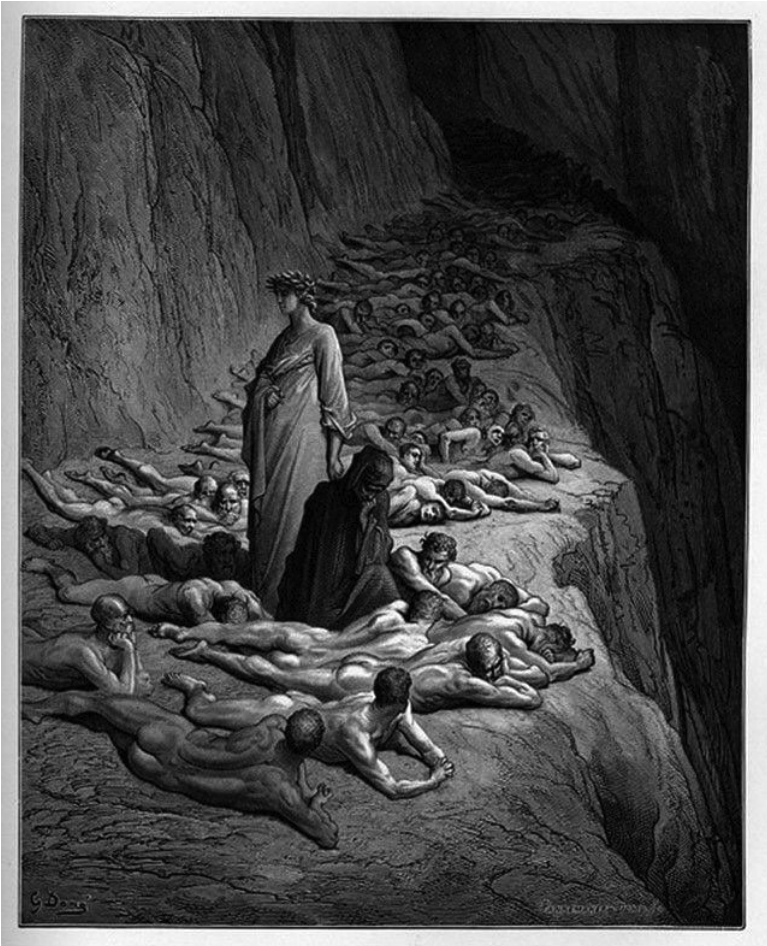
Цензуру похоронили так, что только она и ушла с кладбища, а терзаемая ею литература осталась под землей. Пред Страшным судом вместо цензоров стоит именно она — литература. И поделом — нужно было быть умнее. Или хотя бы честнее.

За недостаток того и другого вы, литература, приговариваетесь к исправительным работам сроком вечность. Плюс две недели сверх срока за кошмарный стиль.

Аминь!

А теперь в кандалы!

Москва, январь—апрель 2021

Миша Вербицкий

ХАОС И КУЛЬТУРА ПОДПОЛЯ

Our own correspondence is sorry to tell, of an uneasy time that all is not well. On the borders, there's movement, in the hills, there's trouble, food is short, crime is double. Prices have risen since the government fell, casualties increase as the enemy shell, the climate's unhealthy, flies and rats thrive, and sooner than letter the end will arrive. This is your correspondence, running out of tape, gunfire's increasing, lootinh, burning, rape.

Wire, Reuters (1977)

215

1. Гносеология хаоса

Жизнь в мире, подверженном хаосу. Хаос как объект религиозного культа. Попытка осознать и смириться с невозможностью существования; желание оседлать волну энтропии. Хаос как стихия творчества — в мире, зараженном анархией, разрушением, убийством.

Основы — онтология хаоса. В тенетах literalного мышления, хаос — сила слепой энтропии, эрозии мышления и бытия. Макдональдсы на четных перекрестках и бургеркинги на нечетных, конкуренция кокаколы и пепсикола. Структурно, диалектически, эрозия — совсем не хаос. Эрозия приводит природу и общество в состояние наибольшего порядка. Ордо Нуово Секлорум, начертанный на долларе, с его макдональдсами и бургеркингами — застывший, ледяной мир абсолютного, неизменного Порядка, больше напо-

минающий фантазии Эволы, чем геенну консервативного, традиционалистского сознания. Альтернативы Новому Мировому Порядку — анархия, фашизм, коммунизм — гораздо более структурированы, подвержены мутации, хаотичны.

К обсуждению хаоса.

Система объектов, развивающаяся по своим законам — динамическая система. Фазовое пространство — набор состояний, в которых система может находиться. Из каждой точки фазового пространства идет траектория — система развивается во времени по присущим ей законам. Пусть даны две бесконечно близкие точки. Если и траектории, выходящие из близких точек, близкие — течение спокойное, к описанию подходит традиционная методика, позитивистское мышление в силе, спокойствие, порядок, рационализм. Если для двух близких точек траектории совсем непохожие — неравновесное состояние, некорректная задача. Традиционная, позитивистская наука такими задачами не интересуется и не занимается, предполагая, что для почти всех близких точек траектории близки, а несуразности встречаются настолько редко, что их можно отбросить. Хаос — такая система, в которой для *почти всех* точек имеются такие вот «несуразности». Иными словами, хаос — система, в которой позитивистское, научное, редукционистское мышление перестает действовать — на сколь угодно малое изменение начальных параметров система реагирует непредсказуемо большим разбросом результатов. Хорошим примером хаоса является экономика спроса-предложения. В случае, когда число производителей и потребителей товара больше трех Адам-Смитовская модель нерегулируемой экономики спроса-предложения начинает хаотически осциллировать, колеблясь между абсурдно большими и абсурдно малыми ценами на те или иные товары. Сей математический факт, кстати, хорошо иллюстрирует знакомую всякому (кроме совсем уж безмозглых «либералов») **невозможность** нерегулируемой капиталистиче-

ской экономики — на самом деле, американская «либеральная» экономическая система регулируется не меньше европейского социализма.

Мир уютного, фаллоцентрического, позитивистского мышления рушится под напором хаоса. Неудивительно, что масонство, сила, стоявшая за Просвещением и последовавшим за ним переходом к рационализму, сейчас стоит во главе перехода к Новому Мировому Порядку. Ордо Нуово Секлорум — попытка заткнуть пальцем зияющую дыру в плотине literalного мышления, в мире, все сильнее и сильнее сопротивляющемся анализу и интерпретации. Будто материя обретает свободу воли. Строить философские основания квантовой механики на присутствии свободной воли? Говорить о Хаосе как о процессе одушевления косной материи — божественный заводной планетный механизм Ньютона заменяется на оргазмически бьющуюся силу ядерного и информационного взрыва, материя разрывает границы и установления, а гравитационное поле отца современной гравитации Пенроуза оказывается силой, двигающей человеческий разум. «Эти исследования будут запрещены при Новом Мировом Порядке»...

2. Обожествление хаоса

Если тебя кто-либо спросит, как обнаружить тот Хаос, о котором ты столько говоришь, выведи его наружу, ночью, и укажи ему на звезды — ибо безграничные Небеса смотрят на землю лицом Хаоса.

*Норман Спинрад, Агент Хаоса
(приписывается Григорию Марковицу, автору книги
«Хаос и Культура»).*

— Горе! Горе! Страх, петля и яма
Для того, кто на земле родился
Потому что столькими очами
На него взирает с неба черный
И его высматривает тайны.

Н. Гумилев, «Звездный Ужас» (1920-21)

Америка, как и Россия, — страна, подавленная своей географической необозримостью и косноязычным могуществом. С середины 19-го века европейский террор и европейская революционная борьба коренится в России. Американский террор был совершенно автономен. Америка, как Белая Индия подполья, — страна Карла Россмана, раннего прототипа инженера К., страна Ставрогина и Кириллова...

Одно из самых глубоких опровержений декартовского «*cognitum, ergo sum*» принадлежит американскому нигилисту Амброзу Бирсу, сказавшему «*I think I think, and therefore I think I am*» — я думаю, что я думаю, а значит, я думаю, что существую. Похожий нигилистический напор двигал и русскую революцию, но американцы шли гораздо дальше — параллельно с созданием множества удивительных в своей неприглядной абсурдности культов, американцы шлифовали до ярчайшего лоска искусство нигилизма и бездуховности. Пассионарный элемент Америки — Марк Твен, Бирс, Эдгар По, Х. Ф. Лавкрафт — в отрицании христианства и традиционных ценностей доходил до святотатства и сатанопоклонничества. Вероятно, преобладание нигилизма и позволило американцам оседлать первую волну разрушения «мира, как мы его знаем» и начать поклонение хаосу как творческой силе.

Я вел изложение хаоса с нарочито позитивистских позиций. Собственный язык хаоса — ПАРАДОКС. Вести разговор предложениями, каждая из которых содержит свое отрицание. Словами, каждое из которых обманывает разных людей по-разному. Первый опыт Библии Хаоса — *Principia Discordia*: японец Момомото, проглотивший свой нос, богиня Эрис, запрещающая сосиски, и три фунта льняного семени. Абсолютно серьезная религия.

Задуманная (или полученная) в 1950-х, записанная в конце 1960-х Омаром Хайямом Равенхурстом (Керри Торнли) и Малаклипсом Младшим, *Principia Discordia* представляет собой коллаж из высказываний авторов,

буддистских притч, пародий на желтую прессу (Разоблачение Момомото, знаменитого японца, способного проглотить свой нос) и цитат из Ницше и Эзры Паунда. Культ богини раздора Эрис. Религия Хаоса изложена в оболочке, приличествующей Хаосу, перемешанная с анекдотами о мистере Момомото, знаменитом японце, сомнительными боевыми гимнами и призывами не использовать этот документ в качестве туалетной бумаги.

(Есть тривиальные истины и есть великие истины. Отрицание тривиальной истины есть очевидная ложь. Отрицание великой истины — опять истина. — Нильс Бор).

Фокальная точка дискордианизма: фигура Эрис, богини раздора. Principia Discordia, озаглавленная

Principia Discordia

или

*Как я нашел Богиню и что я с Ней сделал
когда нашел*

219

начинается с телеграммы в рай (Отель Небесный Рай, номер 666)

КОМУ: Иегова Яхве

дорогой бог ЗПТ

сообщаем вам ЗПТ что вы освобождены занимаемой должности связи вопиющей некомпетентностью ТЧК выходное пособие будет выслано почтой ТЧК

Дальше следует описание интересных видений, приведших Малаклипса Младшего и Омара Равенхурста к поклонению Эрис. Превосходная женщина с глазами, нежными как перья и глубокими как вселенные, и телом, сотканным из танца атомов и галактик; в волосах ее — игры огня, а радуги появляются и исчезают с каждым движением. (Манифестация Бабалон, вы-

званная Джоном Парсонсом и погубившая его, выглядела точно также...)

“...Я явилась, чтобы сказать вам, что вы свободны.. Души в бронированном панцире, ваше видение ограничено, движения неловки и болезненны, кожа исцарапана, а сердце изжарено безжалостным солнцем...

Я есть хаос. Та субстанция, из которой ваши художники и ученые строят ритмы. Я есть дух, с которым ваши дети и клоуны смеются в счастливой анархии. Я есть хаос. Я жива, и говорю вам, что вы свободны”.

Эрис непредсказуема и стервозна. Неприглашенная на банкет по случаю женитьбы Пелея и nereиды Фетис, Эрис изваяла яблоко из чистого золота и написала на нем «Каллисти» — «Прекраснейшей». Вызванные этим яблоком ссоры между приглашенными богинями привели к Троянской Войне.

220

Дискордианизм — первая религия, адекватно интерпретировавшая конспирологию. Конспирология, теория конспираций — феномен сравнительно новый, и крепко повязанный с нарастанием хаоса. В дохаотические, позитивистские времена, история текла как ровный поток, любое следствие имело ясную причину, а каждая группа давления находила своим усилиям адекватное применение. Секретные общества существовали наравне с открытыми, добивались своих целей ясными (хотя обыкновенно предосудительными) средствами, а знающие люди всегда могли договориться насчет целей и средств каждой группы. Информационный и технологический взрыв ускорил течение истории. История стала хаосом, и абсолютно незначительные причины могут иметь поразительные следствия, в то время как колоссальные усилия по руководству историческим потоком ничего не меняют или приводят к обратному результату. Соответственно и роль секретных обществ диспропорционально возросла, как в жизни, так и в массовом сознании. Кон-

спирации, как и гласные общества, захлебываются переизбытком информации, самоорганизуются и перестают отвечать цели, для которой были созданы. «Правая рука не знает, что делает левая» — очень адекватное описание любой из современных секретных служб. Конспирация теряет свою цель, превращается в организм, служащий своим организационным интересам. Религиозная интерпретация этого феномена лежит в основе культа Эрис.

Реальность плохо (или совсем не) соотносится с любыми рациональными моделями. Соответственно любое рациональное начинание по преобразованию реальности упирается в торжество бюрократии — хаос организуется из порядка. Бюрократия есть ключевая концепция дискордианизма. Нумерология дискордианизма основана на числах 23 и 5. Диалектика любого явления проходит пять фаз (не три, как у Гегеля): *Verwirrung*, хаос; *Zweitracht*, раздор; *Unordnung*, беспорядок; *Beamtenherrschaft*, бюрократию; и *Grummet*, загнивание и торжество энтропии. В дополнение к марксистско-гегельянской триаде (тезис, антитезис, синтезис), Иллюминати (так называют себя философствующие дискордианцы) рассматривают диаду бюрократия-загнивание. Это философское нововведение приписывается Адаму Вейсхаупту, основателю баварских Иллюминати. Главным секретным знанием Иллюминати объявляется иррациональная конспирологическая диада бюрократия-загнивание, неизменно увенчивающая гегельянскую рациональную диалектическую троицу. Такая вот религиозная интерпретация конспирологии.

Другой источник дискордианизма — вполне искренняя ненависть к серьезности, порядку, материализму, всему, что связывается с англосаксонским масонством. Масонство и подобные конспирации (ЦРУ, ФБР, Римский Клуб) воспринимаются как агрессивная, опасная сила, готовая на все, чтобы уложить мир в прокрустово ложе своих представлений о справедливости, добродетели и порядке. Грех, вина, порядок,

серьезность — Проклятие Сероликого. Основа вселенского зла.

Служители Порядка. Их цель — имманентизация Эсхатона, воцарение абсолютного порядка во вселенной. В 1960-е Эсхатон виделся в форме атомного разрушения, сейчас он видится в виде торжества макдональдсов и вечной конкуренции кокаколы и пепсиколы — Нового Мирового Порядка.

Пять орденов:

1. Военный орден — Рыцари Пятиконечного Храма. Солдаты и бюрократы мира.

2. Политический орден — Партия Войны со Злом. Законодатели, цензоры, идеологи...

3. Академический орден — Товарищество Цикуты. Обитают в школах и университетах; зачастую ими управляют.

4. Социальный орден — Гражданский Комитет Защиты Граждан. Диссидентские организации, народные движения, системный протест.

5. Священный орден — Лига Очернителей. Немного достоверно известно про Лигу Очернителей. Известно, что Лиге принадлежит абсолютная власть над всеми церковными организациями. Еще принято считать, что Лига ответственна за случаи подмены людей переодетой капустой и кабачками.

Дискордианизм лег в основу нескольких книг гениального философа, писателя и конспиролога Роберта Антона Уилсона. Уилсон, гностик, научный фантаст и адепт нескольких оккультных школ, нашел, что любая конспиративная теория описывает происходящее не менее (а часто и более) эффективно, чем официальная общепризнанная интерпретация. Он объяснял это имманентной хаотичностью реальности. Действительно, мышление рационально, а рациональная перцепция реальности не может быть адекватна хаосу. Соответственно, реальность допускает любое количество альтернативных и взаимоисключающих рациональных моделей. Истэблишмент, официоз противостоит такому расщеплению реальности; тому иллюстрация — по-

всеместные жуткие гонения на диссидентов от науки и искусства. Таким образом, чем дальше от истэблшмента стоит та или иная теория конспирации, тем меньшее давление она испытывает и тем меньше искажений она претерпевает. В идеале, любое социальное и естественное явление будет изучаться в контексте множества альтернативных (часто — взаимоисключающих) конспиративных моделей. Уилсон называл это «guerilla ontology» — онтология партизанской войны. Подобно партизанскому отряду, терроризирующему оккупанта неожиданными появлениями из-за любого пригорка и куста, онтолог-партизан не заботится о согласованности направлений и соответствии дискурса определенной догме, а препарирует официальную версию реальности ломать за ломтем, каждый кусок в соответствии со своей собственной присущей ему (куску) конспиративной моделью.

Прямым приложением этих идей стала Церковь Субгения, основанная в начале 1980-х в Далласе, Техас. Лавкрафтовские божества, йети, 23 пулевые раны на теле убитого Джона Кеннеди, апокалиптические предсказания и агрессивнейшие антиобщественные призывы. Вера как средство уничтожения реальности. Об этом разговор особый.

Современный термин «fusion conspiracy», введенный Адамом Парффри — не более и не менее как применение guerilla ontology к политике. Fusion conspiracy — попытка атаковать политический истэблшмент с двух фронтов, в контексте левой (троцкистской, маоистской) и правой (окультурной, традиционалистской, националистической) теории конспирации. Официоз без труда справляется с чисто правым и чисто левым конспиративным мышлением, ограниченным и догматическим. В то же время теоретики fusion conspiracy во всем мире — персона нон грата, они — самые опасные культур-террористы. Так с ними и обращаются: жестоко и беспощадно. Официоз знает своих врагов...

Отсчитывать начало эры Хаоса от 1910-х. Зос Киа Культус, учение Остина Османа Спэ (Austin Osman Spare), исключенного из О. Т. О. испуганным Алистером Кроули. Киа — черная энергия подсознания, скрытая душа, основа роста, преобразования и преодоления человеческой природы. Наряду с сексмагией тантры, также использованной Кроули, Спэ выработал метод наложения заклятий через рисование картин; Киа будучи творческой энергией человека, вызывать Киа через творчество. В отличие от Кроули, не оставившего иллюзий о возможности парамасонских, инициатических, иерархических оккультных школ, Спэ — абсолютный нигилист. Его философия — радикальный анархизм, в духе ницшеанца-ниспровергателя Рагнара Краснобородого (автора «*Might is Right*»). Везде, где Кроули останавливался на полпути, Спэ шел до конца. Космос Кроули — космос Нуит, женской Богини, но у Кроули самого не хватило мужества до конца предаться женскому самовластному хаотичному естеству. Полный желчи, он предаёт анафеме Женщину в Алом за следование непостоянству ее природы. Джону Парсонсу, единственному способному ученику Кроули, фундаментальное непонимание женского феномена стоило огненной смерти. Напротив, в учении Спэ нет места для постоянства и направления, основным тезисом служит «*sans women — your love is anathema!*», а его женская ипостась («вторая мать» Спэ, старая гадалка по имени Миссис Паттерсон, способная по желанию преобразоваться в прекрасную молодую женщину) выступает в роли чудодейственного, непререкаемого авторитета. Кроули оставался умерен и в богоборчестве (самые радикальные пассажи Книги Закона (стихи III.49-55) Кроули снабдил комментариями, обесценивающими весь радикализм) и в анархизме. Спэ настаивает: «свобода — в беззаконии», призывает своих учеников к убийствам и самоубийствам во имя разрушения общественных устоев. Его богоборчество абсолютно: Бог — предрассу-

док слабоумных, а источником существования и мерой вещей служит ЧЕЛОВЕК.

Неудивительно, что Кроули так испугался своего мутантного чайлда.

3. Хаос против культуры

«It is the legacy of our age that we must sink... submerge to the deepest depths in order that the highest be elevated to light»

Альфред Розенберг, цитируется по обложке пластинки NON, Blood and Flame

Культура Апокалипсиса. Пожалуй, лучшей иллюстрации партизанской войны хаоса против культуры стала книга «Apocalypse Culture» под редакцией Адама Парффри (Adam Parfrey). Эстетический терроризм, конспирации, дегенеративное искусство, секретные культы... Книга, обязательная к прочтению, по мнению знаменитого Джеймса Балларда. Роман, написанный шизофреником: Love, Lithium and the Loot of Lima. Но давайте по порядку.

Книга открывается портретом Чарльза Мэнсона в образе вервольфа. В статье с эпиграфом из Мэнсона Парффри призывает к актуализации ферального, подспудного волчьего хищного начала. Высвобождение первичных атавизмов, к которому призывал А. О. Спраг. Парффри перечисляет волчье-шкурых берсеркеров, геббельсовские Отряды Вервольфа, турецких Серых Волков и феральных детей — прототипов Маугли, как разные воплощения архетипа феральности — глубинной, примордиальной связи с природой и инстинктом. Контроль и подавление зверя в человеке как основная задача, смысл существования христианства и его современной, наиболее совершенной формы — капитализма. Соответственно, разрушение христианства и капитализма возможно только через воплощение зверского начала. Автор «Love, Lithium and the Loot of Lima», шакалоголовый шизофреник Джеймс Ван Клиф

принц Египта Анубис — пересекший бездну, уничтоживший личное человек.

Следует интервью с нераскаявшимся некрофилом Карен Гринли — свободной, умной, здоровой женщиной, предпочитающей трупы живым мужчинам. Вполне понятное предпочтение.

Затем — подборка цитат, озаглавленная «Инфернальные тексты». Попытка проиллюстрировать высвобождение атавизма и актуализацию ферального сознания.

Мел Лайман,

Что-то как оно на самом деле есть

Я должен сжечь дотла весь мир
Я должен разрушить всё, что есть, все
Вещи, не существующие сами по себе
Я должен превратить идеалы в дерьмо
Я должен вбить надежду тебе в задний

проход

Я должен разбить всё сущее,
раздробить на мелкие части
А затем я сожгу осколки
А затем я разбросаю пепел
И может быть кто-нибудь сможет тогда
увидеть что-то
Что-то, как оно на самом деле есть

Дэн Баррос,

О важности убийства

Человек — организм, который убивает! Он должен убивать, чтобы выжить! Он должен убивать, чтобы эволюционировать! Покажем им, что такое настоящая элита! Белый человек, обнажи свой чудовищный меч! Убей твоих врагов! Убей! Убей! Убей!

Бойд Райс, Конец света

Конец света не приходит неожиданно и сам по себе. Конец света — постоянно идущий процесс. Он начинается медленно, незаметно, и расцветает незамеченно, в людской глубине, ширясь, пока не поглотит все, что есть.

То, что видится человечеством как величие и мощь — не более, чем язва на теле жизни. Язва, которая должна быть залечена, чтобы течение жизни не прекратилось. То, чему современный человек поклоняется как благородству и величию — не более чем болезнь. То, что создает видимость освобождения человечества, на самом деле утверждает порабощение, недееспособность и инвалидность изнутри, вознося на поверхность знамя свободы. Тело человечества отравлено, и несмотря на стремление к новым горизонтам и постоянному прогрессу трупное окоченение предшествовало смерти и тянет жизнь человеческую к могиле.

Ищи то, что сеет для человечества семена смерти, планомерно собирая для тебя урожай жизни.

Интервью с психопатом Фрэнком, интересующемся убийством и женскими ступнями ног. Фрэнк издает журнал для массовых убийц и всех тех, кто хотел бы стать массовым убийцей. Фрэнк рассуждает о том, как убить побольше народу за один присест. Важно иметь с собой много патронов. «Тяжело? Тяжело, особенно если придется нести все с собой. Но кто сказал, что массовым убийцей быть просто? Если хочешь попроще, походи покончи с собой. Эффективное массовое убийство требует концентрации, усилий, убежденности и тщательного планирования». Трудно не восхищаться такой концентрированной феральностью. Фрэнк не рекомендует расстреливать толпу — в любой

толпе может найтись вооруженный прохожий. Лучше расстреливать вечеринки или школьные дворы с детьми.

Г. Г. Аллин, мессия рок-н-ролла, умерший от передозировки летом 1995. Рок-н-ролл, рассматриваемый большинством практиков как всего лишь карьера, для Г. Г. Аллина — очистительное пламя. С большинства концертов его уносят, если и не избитым аудиторией, то весьма покалеченным. Г. Г. вырезает на себе перочинным ножичком, какает и валяется в какашках, мастурбирует, оскорбляет публику и призывает девушек из аудитории сосать ему хуй. Однажды он стал бить себя микрофоном и выбил все передние зубы. В большинстве штатов Г. Г. запретили выступать, а даже если он и находил себе зал, то его перед концертом арестовывали: он обещал покончить с собой прямо на сцене. За свое опасное искусство Г. Г. просидел в тюрьме не один год. «Публика — мой враг»...

Музыка Г. Г. неопишима, безудержна, гениальна. Стихи до того хороши, что практически неперево-димы. Воспроизвожу образчик в оригинале:

You hate me and I hate you

*Well you hate me and I hate you.
You never understand the things I say or do «so
what's new?»*

*You never never liked me so I say, «fuck you!»
You know you know that you don't like me
and I don't like you.*

*You never listen to my point of view, «I'm telling
you!»*

*Why don't you all drop dead you fucking fools
«it's you who lose.*

*You never wanted me so I say «fuck you!»
You know you know that you don't like me
and I don't like you.*

*You never like the things I say or do so
 what'cha
 gonna do?
 Why don't you all come and go back to school
 with your golden rule.
 Mindless godless puppets who needs you?
 You know you know that you don't like me
 and I don't like you.
 You know you know that you don't like me
 so I say fuck you.*

Настоящее имя Г. Г. Аллина — Иисус Христос Аллин. Его отец имел религиозные видения, в которых ему открылось, что его сын будет мессией.

Так оно и вышло.

Оккультный текст Хаким Бея, крупнейшего анархиста и теоретика ХАОСА: «Инструкции к Кали-Юге». Хаким Бей, американский суфи, проживший много лет в Индии и Иране, описывает свою инициацию в Тара-Тантре лихорадочно больным в индийской глубинке, посреди увечных, больных и трупного зловония.

Хаким Бей — ключевая фигура в американском и мировом авангарде. Автор нескольких книжек эссе, стихов и порнографического романа фэнтези о сексе с мальчиками, Бей больше всего известен своей книгой «The Temporary Autonomous Zone» — Временно Независимая Зона. Концепция книги обозначена так: «TAZ выросла из критики Революции и восхищения Восстанием. Революция смотрит на Восстание как на неудачу; но для нас, *восстание* гораздо интереснее, с точки зрения психологии освобождения, чем «успешные» революции буржуазии, коммунистов, фашистов...» Для Бея, ключевым моментом исторического процесса было то, что он называет «закрытие карты»: в 1899, нации-государства закончили дележку территории планеты. Наш век — первое столетие без *terra incognita*,

без ничьих земель. Государственность как апофеозис территориального гангстеризма. «Карта», как и любая системная идеология и любая экспертная система, — грандиозная фальсификация, результат промывания мозгов кнутом и пряником «экспертов» — Государства и Системы. Временно Автономная Зона — убежище от этой ужасной фальсификации. Бей называет свою теорию «онтологическим анархизмом». В отличие от системных анархистов, изо всех сил пытающихся отмыть анархизм от Хаоса, и доказать, что анархия будет предельно упорядочена, Бей объявляет анархию миром хаоса, карнавала, оккультной мистерии.

Корсары, самовластные анархи, русские мистические анархисты и народники — предшественники Временной Независимой Зоны; ее обитатели — компьютерные пираты, хакеры, террористы, извращенцы всех мастей. Замена ядерной фамилии на открытую к любым мутациям групповую семью-стаю. Мир горизонтальных ассоциаций. Дети Будущего...

Следует несколько статей о модификациях брэнной плоти. Якобы некий John Fare, богатый художник, из скуки или в результате оккультного откровения, занялся body art в его абсолютной форме. Он написал подробную таблицу частей тела и нанял экспертов, сконструировавших ему специального робота. На ежемесячных перформансах в Европе и Канаде Фэ ампутировал случайно выбранный орган, заменяя его странными декорациями из металла и пластика. Между 1964 и 1968 он был лоботомизирован, лишился большого пальца, двух пальцев на руках и восьми — на ногах, потерял глаз, обе тестикулы, правую руку и несколько кусков кожи. Последней ампутацией была его голова. Билеты продавались на каждый перформанс, и части тела были аккуратно сохранены в специальных банках со спиртом.

Издается журнал *Amputee Times*, посвященный порнографии для любителей женщин без рук без ног.

История, заведомо правдивая и хорошо иллюстрирующая психопатологию гротескного интереса хиппи к восточным культурам. В конце 60-х в Лондоне существовала коммуна хиппи, одержимых ритуальной трепанацией черепа, якобы проводимой тибетскими монахами для обретения третьего глаза. В книге «Пробей дыру» первый из трепанантов описывает, как это приятно, хорошо и почему трепанация необходима каждому. С помощью зубной дрели хиппи вырезали себе дыру в черепе. Операция заснята на пленку, существует фильм: «Сердцебиение в мозгу». Зрелище это не для слабонервных, поскольку кровищи много, а настоящая кровь выглядит гораздо неприятнее клюквенной (помимо того, кадры операции перемежаются с «поэтическими» психоделическими эффектами, призванными запечатлеть на пленке просветление и галлюцинацию).

Следует серия статей о радикальных оккультных учениях и индивидуумах. Джэк Парсонс, Мел Лайман, Церковь Процесса... Невероятно интересные, трагические материалы. Парсонс, гениальный химик, крулианец и визионер, один из немногих, приблизившихся к пониманию огненной BABALON — Вавилонской Блудницы, творческой силы Хаоса. История его смерти — предмет совершенно особого конспирологического анализа. Ограбленный Л. Роном Хаббардом, стукачом, которого ФБР приставило наблюдать за калифорнийской ложей О. Т. О., Парсонс пытался эмигрировать в Израиль. Передача национал-большевистскому Израилю 1950 года секретных разработок Парсонса представляла угрозу американской безопасности, и Парсонс был убран силами спецслужб. Это примитивная политико-конспирологическая интерпретация трагедии. На оккультном уровне BABALON, вызванная Парсонсом, представляла огненную, женскую природу Хаоса. Традиционной техникой О. Т. О. подобные стихии не контролируются, и Пар-

сонс сам предсказывал себе огненную смерть от ЕЁ руки. Огненный элементаль воздуха, прелестная Марджори Камерон, вызванная Парсонсом в 1945, продолжала существовать и после его смерти. Она появляется в образе Кали в фильме К. Ангера «Raising the Pleasure Dome».

Л. Рон Хаббард воспользовался выкраденными секретами О. Т. О в создании бессмысленной машины для выколачивания денег из идиотов — Церкви Сайентологии, и сделал на этом миллиарды.

«Aposcalypse Culture» о двух частях. Первая часть — Теологии Апокалипсиса: феральность, модификации плоти, секретные культы. Божества и аватары Хаоса. Вторая часть — Невидимая Война: демоны порядка, дьяволы религии, миньоны промывания мозгов. Она открывается портретом Дженессе П-Орридж, не желающей есть сиреал, и статьей основателя Церкви Сатаны Антона Шандора ЛаВея о методах невидимой войны, которая ведется против граждан правительствами «демократических» стран. Следующая статья, написанная одним из основателей индустриальной культуры, калифорнийским артистом Monte Cazazza, развивает один из тезисов ЛаВея — о войне не на жизнь, а на смерть, ведущейся электронными СМИ против американских детей. Вот несколько цифр:

1. Средний ребенок к моменту окончания средней школы видит 200,000 рекламных объявлений по телевизору.

2. Компании тратят полмиллиарда долларов ежегодно на телевизионную рекламу, призывающую детей покупать дорогие игрушки и вредную пищу.

3. Средний американец видит ежегодно 18,000 рекламных роликов.

4. В типичной американской семье, телевизор включен семь часов и две минуты в день.

5. Средний ребенок к моменту окончания средней школы провел больше времени за телевизором, чем сидя в классе.

К этому прилагается большое количество факсимиле писем детей и взрослых в редакцию, замечательно иллюстрирующих известный статистический факт: 80% американцев функционально неграмотно. Авторы писем демонстрируют не только неграмотность, но и удивительную, патологическую инфантильность, свойственную американцам телевизионного поколения.

Следующая статья анализирует такой специфический американский феномен как *hardcore porno*, термин, переводимый на жаргоне русских распространителей как «крутая порнография». В Америке производится 10,000 порнографических фильмов в год. Это в пять раз больше (на душу населения) чем в любой европейской стране. В то же время нигде на Западе нет таких драконовских законов против порнографии, как в Америке. Автор, профессиональный рецензент крутой порнографии для порнографических журналов, утверждает, что американское порнографическое видео имеет столько же *sex appeal*, сколько имеют биржевые сводки. Не эротизм, а унижение — вот смысл этого жанра. Действительно, пустая кассета гораздо эротичнее, чем коллективное мочеиспускание двадцати уродливых голых мужиков на голую покрашенную бабу в ванне (типичный сюжет для порнофильма, называется «golden shower» — золотой душ).

Много материалов о негритянском экстремизме. Негры, не без оснований, считают, что американская система подвергает их расу геноциду. И правда, когда треть негров мужеска пола от 18 до 25 лет сидит в тюрьме, а еще 10-20% гибнет в уличных драках и перестрелках — это трудно не назвать геноцидом. Похоже, в Невидимой Войне нет расовых различий...

Следует длинная статья Джона Зерзана. Зерзан — известный американский анархист и технофоб; в архиве его работ, имеющемся на сети, почти все статьи — длинные, догматические до сухости, и призы-

вают к запрещению той или иной стороны человеческого существования, в основном искусства и науки. «Агрикультура — демоническая машина цивилизации» посвящена сельскому хозяйству. Эту статью необходимо прочесть всем нашим «почвенникам», всем консерваторам, находящим в крестьянской жизни потерянный идеал. С цифрами и фактами доказывается, что крестьянское существование — неорганично, противоестественно, бездуховно. Крестьянин насилует Мать-Землю ради жалких крох, не идущих в сравнение с благополучием, предоставленным охотой и собирательством. Его существование мерзко, постыдно, беспросветно, жизнь коротка (в сравнении с жизнью охотника-собирателя) и лишена впечатлений. Религия, торговля, рабство — все несчастья человечества пошли от сельского хозяйства. Замечательная статья.

«Apocalypse Culture» заканчивается серией конспирологических статей. «Кто убил Вильгельма Райха?» — аккуратное изложение преследования и убийства американскими властями великого ученого, ученика Фрейда Вильгельма Райха. Райх был арестован и умер (по всей видимости, был убит) в американской тюрьме в 1957 году за две недели до окончания двухгодичного заключения, его книги изъяты из библиотек, конфискованы из книжных магазинов и сожжены по приказу суда (даже в середине 1960-х книги Райха продолжали изыматься), а его научные инструменты разрушены по тому же приговору. Тюремные рукописи Райха достались властям и до сих пор не рассекречены. Формальным предлогом заключения было неуважение престарелого профессора к суду, выразившееся в перевозке научной аппаратуры через границу штата. Обвинения шиты белыми нитками. Кто же стоял за убийством Райха? До тех пор, пока его исследование не будут проверены и развиты, ясного ответа не будет. В Америке постановление против изучения оргонной энергии (темы докторской диссертации Райха, защищенной в Вене в 1930-х) до сих пор в силе... Материалы о Райхе и оргоне имеются в Интернете.

Может, наиболее яркий материал во всей книге — конспиративное (хотя, по всей видимости, абсолютно достоверное) объяснение американско-израильских отношений: «The Christian Right, Zionism, and the Coming of the Penteholocaust», Gregory Kruprey. Еврейский вопрос стоит в Америке так же остро, как и в России. Традиционно, евреи были носителями левой идеологии; соответственно, правые политики и движения были по преимуществу антисемитскими. Чистки 1950-х (пресловутый «маккартизм») были обращены против евреев в такой же мере, как и против социалистов. В этом контексте, невозможно, не прибегая к конспирации, объяснить, почему с приходом к власти Рейгана американские крайне правые христианские фундаменталисты, бывшие активными антисемитами в 1970-е, стали активно выступать в защиту Израиля и евреев. Оказывается, экстремистские выступления Рейгана (типа «через 5 минут начинаем бомбежку России», произнесенного в 1984-м по национальному телевидению, или бессмертного «if it takes blood-bath, then let's get it over with. No more appeasement» — 1970) были частью развернутой оккультной программы. Но начнем все по порядку.

Во время Крымской Войны, в 1855, евангелист Джон Камминг (John Cumming) определил Николая I как библейского «Гога, принца Магога» — предводителя нашествия на Израиль, предсказанного в Библии (Изекииль 38-39). В конце 19-го века, ирландец Джон Нельсон Дербу (John Nelson Darby) нашел, что Бог имеет различные планы для двух групп Избранных: одна — Земное царство, Израиль, а другая — царство Небесное, христианская церковь. Он оказал большое влияние на Сайруса Скофилда (Cyrgus Scofield), компилятора книги «Scofield Reference Bible» — Библии с комментариями, самой популярной комментированной Библии в мире, проданной в нескольких десятках миллионов копий. Скофилд добавил в текст Библии много пассажей, увязывающих пророчества и современную историю. Это вызвало путаницу между его коммента-

риями и библейским текстом. Поколения фундаменталистов выросли на скофилдовской Библии — невозможно понять христианскую Америку, не изучив этой книги.

История, согласно Скофилду, подразделяется на семь периодов, которые он называл Диспенсациями. В каждой Диспенсации Божество проверяет повиновение человечества божественным откровениям и установлениям, и отмеряет награду и кару. Последняя, седьмая Диспенсация ознаменуется возвращением Христа. Скофилд не видел никакой надежды для человечества, поскольку земля и человечество будут разрушены в ужасном огне Армагеддона, предсказанном в «Апокалипсисе». Но «спасенные» христиане «истинной» церкви, так называемые «рожденные заново» (born-again) будут спасены от семи лет кровавой бойни (называемой Tribulations) и Армагеддона, и подняты в небо на божественном корабле. Это явление называется Rapture.

236

Диспенсационализм играет роль официальной идеологии правой Америки. В 1917 к этой интерпретации Библии было пристегнуто старое отождествление России с Гогом-Магогом. Кстати сказать, укоренившееся по сей день мнение о России как вертепе Сатаны иррационально и никак не зависит от правящего в России режима; никакого мира с Америкой нет и не может быть, будь в России президентом самый что ни на есть Чубайс-расчубайс — ему с «моральным большинством» Америки никогда не договориться.

В 1940-е произошло два события, окончательно укрепивших диспенсационалистов в их веровании. Как предсказывал Скофилд, был основан Израиль. Одновременно была сконструирована атомная, а потом и водородная бомба — орудие, способное воплотить Армагеддон.

Популяризатором этого «атомного Диспенсационализма» был евангелист Хал Линдси, автор книги интерпретации пророчеств «Покойная Великая Планета» («The Late Great Planet»), разошедшейся тиражом в 18

миллионов экземпляров (по тиражам это была вторая книга после Библии). Во исполнение Изекииля, Россия и арабы атакуют Израиль. Совместная советско-арабская армия в 200 миллионов уничтожена ядерным ударом, но еще раньше эта армия уничтожает 1/3 населения планеты. Иисус возвращается на Землю, чтобы лично командовать ударом, уничтожившим арабов и русских. Все выжившие евреи, в количестве 144,000 штук, обращаются в христианство и начинают проповедовать Библию.

В 1976 34% американцев были «born-again» — включая президента Картера. Он оказался чересчур либеральным, и был заменен на Рейгана, тоже «born-again» фундаменталиста. Рейган, кроме того, был последователем Хала Линдси и регулярно приглашал его читать лекции атомным стратегам Пентагона. Джерри Фолвелл, теле-евангелист, знаменитый проклятиями Мартину Лютеру Кингу и кампаниями за очищение Америки от грязи, стал ближайшим советником правительства. Он приглашался на закрытые заседания правительства и генералитета, где обсуждались вопросы атомной безопасности.

В Израиле в то время пришло к власти правое правительство Бегина, первое за историю Израиля. Правые, запятнавшие себя во время второй мировой попытками сотрудничества с нацистами (во имя борьбы с англичанами, не иначе), начали распродажу Израиля, успешно продолженную преступным левым правительством Рабина и Переса. Был отдан врагу Синайский полуостров, замечательный курортный район с несколькими городами и арбузными кибуцами (города и кибуцы были спешно демонтированы).

Правый радикал Фолвелл мгновенно нашел общий язык с правым радикалом Бегином. Ему предоставили личный реактивный самолет, бесплатные билеты в Израиль и обратно для него и помощников. В честь Фолвелла был даже назван лес. Он был первым и единственным гоем, получившим Медаль Жаботинского.

Фолвелл, чудесным образом, буквально за один день, превратил радикально правого сенатора Джессе Хелмса (знаменитого, кстати, патологической ненавистью к России) из воинствующего антисиониста в воинствующего просиониста. Хелмс до сих пор в Сенате и сейчас возглавляет комитет Сената по международным отношениям.

Основной задачей фундаменталистской политики в Израиле стало восстановление Храма на Храмовой Горе в Иерусалиме. На этой горе находится мечеть Харам аль-Сариф, построенная вокруг камня, с которого Магомет был взят на небо, и ее разрушение будет означать священную войну арабов против Израиля. Помощь Израилю происходит через Jerusalem Temple Foundation — благотворительную организацию, собирающую 100 миллионов долларов ежегодно на восстановление Храма и на йешивы, где будущим жрецам преподается наука служения в Храме. Эта же организация платит за судебные издержки еврейских террористов, атакующих мечеть Харам аль-Сариф.

238

Все происходящее есть грандиозная провокация со стороны американцев: попытка вызвать арабов на атомный джихад против Израиля, с сомнительной выгодой в виде второго пришествия и загадочного Rapture. И новейшие достижения израильской политики, с рождением красной коровы от американского папаша-быка, только укрепляют эту уверенность.

Интересно, что одним из источников финансирования восстановления Храма является International Christian Embassy — Международное Христианское Посольство. А основной источник финансирования I.C.E. — Саудовская Аравия. Ни для кого не секрет, что американский финансовый капитал весь, или по крайней мере в большей его части, контролируется Саудовской Аравией. Вероятно, саудовские капиталы отчасти ответственны и за рост популярности фундаментализма в Америке. Из чего делается парадоксальный вывод: провокации против Харам аль-Сарифа в первую очередь выгодны фундаменталистскому исла-

му саудовского толка, который надеется джихадом объединить разрозненные арабские страны и сковать нерушимый арабский халифат.

Заканчивается книга отождествлением Иеговы с атомной бомбой, статьей о Хассане-и-Саббахе и оккультным призывом к хаосу в исполнении чудесного шизофреника Джеймса Шелби Даунарда, автора текста «масонский символизм 33 градусов в убийстве Кеннеди». Даунард посвятил жизнь поиску скрытых соответствий между секретными ритуалами царевубийства, описанными в Золотой Ветви Фрезера и фактами современной политики.

4. Я не верю, что будет новый мировой порядок

Я не верю, что будет новый мировой порядок.

Человеческая душа несет неисчерпаемые запасы хаотической, феральной энергии, безумия веселого и страшного. Чем дальше, тем больше — онтологическая карта цивилизации прорастает, как черными цветами, несовместимыми, безумными верованиями, неосуществимыми желаниями, безнадежными стремлениями. Структура общества не выдерживает избытка информации, нег-энтропии, и дробится на тысячи субкультур. В каждом вшивом маленьком народике появляются свои фашисты. А это значит, война. В каждом вшивом маленьком городке — свои банды скинхедов и металлистов. А это значит, война. В каждом вшивом маленьком государстве — свои красные бригады. А это значит, война. А в доме престарелых бунтуют старушки. Это война. Пусть будет война.

Алексей Лапшин
«СМЕРТЬ АВТОРА» И
«ДЕМОКРАТИЯ ОБЪЕКТОВ»?

240

Может ли существовать творчество без субъекта? Такой вопрос не мог по-настоящему серьёзно стоять ни во времена «Фонтана» Марселя Дюшана, ни даже «Супа Кэмпбелл» Энди Уорхола. Конечно, в теории рассуждать на эту тему было можно, но в реальности становилось ясно, что за любым произведением стоит личность. Даже в казалось бы самых обычных бытовых предметах, провокационно выставявшихся в качестве произведения искусства, чувствовалась концепция. Это могла быть пощёчина общественному вкусу, протест против превращения искусства в товар или, наоборот, утверждение идеи о том, что каждая вещь может быть произведением искусства. Со временем появилось множество подделок под радикальный авангард, бездарной халтуры, но человеческий фактор всё же не терялся.

Разумеется, тут нельзя не вспомнить программный текст Ролана Барта «Смерть автора», касавшийся больше всего литературы. В нем Барт заявляет, что произведение и его автор не имеют отношения друг к другу. То есть, личный жизненный опыт писателя, с его идеями и переживаниями, не является определяющим. Произведение возникает не из индивидуального опыта, а во взаимодействии со многими центрами культуры. Поэтому писатель есть только производитель слов, а не субъект, обладающий собственным бытием вне книги. Согласно Барту, главными в итоге оказываются впечатления читателей. Личность же автора вне текста не играет роли.

Барт отчасти прав, когда выступает против слишком прямолинейной «биографичности» в оценках книг. Узость восприятия, ангажированность критиков... — всё это очевидные вещи. Ясно, что автор и книга не тождественны друг другу и их взаимоотношения намного сложнее. Но радикальный отрыв индивидуального опыта автора от его книги выглядит совершенно надуманной операцией, интеллектуальной эквилибристикой. И это при том, что именно двадцатый век породил много очень личной литературы. Несмотря на свою крайнюю спорность, концепция «смерти автора» (после Барта она развивалась) оказала огромное влияние на постмодернистскую культуру. Изменилось само отношение к месту литературы и вообще искусства в обществе. Произошло это и по объективным историческим причинам, связанным с появлением постиндустриального социума, но мы сейчас не будем в них углубляться.

Вопрос об отсутствии субъекта, стоящего за произведением, стал по-настоящему актуальным в эпоху технологической революции. Да, разговоры о том, что написанием книг, картин, музыки могут заниматься и машины, велись ещё в прошлом веке. Ставились и соответствующие эксперименты, но до превращения этих рассуждений и опытов в мейнстрим было ещё очень далеко. Философской концепцией, возникшей на границе между постмодерном и постгуманизмом, стала «демократия объектов». Появилась одноимённая книга Леви Брайанта, на взглядах которого я чуть позже останавлиюсь.

Как визуальное воплощение «демократии объектов» очень показательны фильмы Хайнца Эмигхольца. В короткометражном «Банки Салливана» люди, здания, машины, деревья, предметы, выступают как равноправные объекты, попавшие в кадр. Никакой дифференциации между ними нет, хотя акцент и делается на зданиях. Камера оказывается нейтральной ко всем. Это нельзя назвать документальным кино. Творческое осмысление в привычном смысле отсутствует. Тем не

мене, это сделано специально. Субъект просто удалён из процесса съёмки. Человек выполняет техническую роль, становится придатком к камере. Фильмы Эмигхольца можно рассматривать уже как примеры новой постгуманистической онтологии. Они вполне могли быть сняты искусственным интеллектом.

Обратимся теперь к философскому обоснованию демократии объектов. Какие же принципы излагает главный представитель этого направления Леви Брайант? Прежде всего, он объявляет себя защитником онтологического, а не эпистемологического реализма. Это два совершенно разных подхода к миру. Эпистемологический реализм утверждает, что человеческие представления о мире являются его верным отражением. Мир представляется нам таким, какой он есть в действительности, вне зависимости от нашего существования. Онтологический реализм, наоборот, концентрируется не на человеческом познании объектов, а на бытии самих объектов безотносительно к существованию людей. Такой подход означает отказ рассматривать объекты как конструкции человеческого восприятия. Леви Брайант подчёркивает, что онтологический реализм не просто иной взгляд на вещи, а подход, полностью отвергающий эпистемологический реализм.

Основной упрёк, который предъявляется к эпистемологии — это её антропологическая ориентация. Демократия объектов настаивает на том, что «мы» должны любой ценой избегать представлений об объекте через наш доступ к ним. Иными словами — через наше сознание. Согласно онтологическому реализму, необходимо стремиться помыслить бессубъектный объект, или объект для-себя, вне взгляда субъекта. Подобная демократия предполагает не исключение человека, а его «децентрацию». Нельзя исходить из допущения, что люди — это какая-то особая категория, иная, чем объекты. Леви Брайант называет развиваемое им понимание бытия — онтикологией. В этой парадигме есть только один вид сущего — объекты. Люди являются лишь одним из существующих в мире объектов, хо-

тя и наделены своими специфическими способностями. Объекты играют разную роль, но ни один из них не может быть понят как сконструированный другим.

Демократия объектов атакует модернистское разделение общества и природы, настаивает на переходе от этих двух в модернистском понимании «несоизмеримых миров» к разнообразным коллективам объектов. Тут сразу возникает вопрос: насколько правомерно говорить о «несоизмеримости миров»? Ведь человеческая культура всегда строилась на взаимодействии с природой, даже когда входила с ней в конфронтацию. Но продолжим разбираться в демократии объектов. Преодолев «природно-культурный раскол», объектно-ориентированная философия выстраивает весь мир на одной онтологической плоскости. Вместо субъектно-объектного разделения возникает единый план бытия, состоящий из множества объектов различных типов. Эти объекты переплетаются между собой в различного рода коллективы, включающие как людей, так и не-людей. Онтикология уравнивает в правах людей и независимые от них объекты.

Всё это не какая-то абстрактная философская теория, а мировоззрение, напрямую связанное с мейнстримными проектами будущего. Именно такой плоский одномерный мир «демократии объектов» и выстраивается на наших глазах. Политическое устройство общества в первую очередь зависит от понимания человека и его места в бытии. Эпистемологический реализм, против которого направлена онтикология, предполагает, что люди, благодаря сознанию, способны познавать мир таким, какой он есть на самом деле. А если это так, то люди обладают правом самостоятельно определять свою судьбу и создавать формы общественной жизни. Отказ от эпистемологического реализма автоматически ведёт к потере этого права. Человек, понимаемый как объект среди других объектов («не-людей»), не уравнивается с ними в правах, а становится совершенно бесправным существом, поскольку право — это категория исключительно субъектно-

объектных отношений. Вне этих отношений право теряет всякий смысл.

Очевидно, что «демократия объектов» — это философская база для управления обществом или, точнее, уже постобществом, через искусственный интеллект. Перед нами проектная философия, предполагающая глобальную онтологическую перезагрузку на всех уровнях. Ясно, что для такой перезагрузки нужны огромные ресурсы и проектировщики, считающие, что находятся вне остальной человеческой массы. Логика эпистемологического реализма, основанная на сознании, ведёт к революции против власти, которая лишает людей права самостоятельно выбирать свою судьбу. Отрицание эпистемологического реализма означает подавление сознания, а следовательно, и полное исключение свободы.

Преодоление так называемого природно-культурного раскола не имеет ничего общего с установлением гармонии между человеком и природой. Проекты экосистем, наоборот, поражают своей отчуждённостью от реального живого мира. Плоский мир не может быть гармоничным. Ведь гармония предполагает сложность взаимодействий. Безусловно, человек не в состоянии познавать мир, абстрагируясь от своей сути. Изучение любого объекта будет иметь отпечаток чисто человеческого восприятия. Однако познание невозможно без самосознания, а оно включает дар воспринимать идеи, существующие вне личного пространства. Этот дар и делает невозможным онтологическое приравнивание людей к объектам среди прочих. Попытка осуществить это приравнивание — есть абсолютно античеловеческая идея.

В заключении вернёмся к нашему первому вопросу: возможно ли творчество без субъекта? Концепция «смерти автора» всего лишь перемещает субъектность от творца к воспринимающему творение. В любом случае, необходим воспринимающий и осознающий послание. А у послания всегда должен быть автор — Субъект.

Вадим Климов
ПАУТИНА ВСЕМИРНОЙ ИСТЕРИИ¹⁸

Профессиональные прохожие

Представьте, что вы стоите на пустыре, а мимо вас проходят люди, несущие ветви деревьев. На ветках зеленеют умирающие листья, и их смещение обозначает ваше движение: если поместить вас в статичный кадр, то именно так следует воспринимать мелькающие на заднем плане «деревья».

Но оставим растительность и перейдем к миру людей. Представьте, что вы идете по улице и от нечего делать разглядываете прохожих. Через какое-то время вы замечаете, что их разнообразие ограничено. Прохожие с очевидностью повторяются. Они перемещаются по замкнутым траекториям, и, пока вы их не видите, меняются одеждой, париками, зонтиками, портфелями, собаками, детскими колясками. Это люди, играющие других людей.

Профессиональные прохожие.

Всюду, где бы вы ни оказались, вас окружают *они* — имитаторы прохожих, пассажиров, покупателей, слушателей, клиентов, посетителей, читателей... Словом, участники нескончаемого спектакля...

Интернет

Аналогично уличному происходит отчуждение в Интернете. Когда-то сеть была крохотным клубком единомышленников, первопроходцев новых форм

¹⁸ Первая публикация в интеллектуальном журнале о культуре и обществе «НОЖ» (www.knife.media).

коммуникации и интеллектуального обмена. Со временем ситуация изменилась, и сейчас Интернет — такое же пространство отчуждения как улица или кинофильм.

Природа уподобилась веткам деревьев в чьих-то руках, люди — наспех переодевшимся поденщикам. Все что вас окружает — сплошная имитация, грубая подделка реальности, про которую почти забыли. Вы словно в рекламе йогурта, который с каждым технологическим витком все более напоминает попробованный в детстве. Только ту деревню, тот йогурт и собственное детство вы давно позабыли. В чувственном вакууме вы готовы соблазниться любой пародией.

Интернет есть продолжение жизни на новом технологическом уровне. Но жизни, давно процеженной сквозь сито отчуждения. Жизни, в которой не осталось никакой экзистенции, один лишь субстрат, разведенный концентрат существования.

246

Слегка перефразируя Джона Кассаветиса, назовем пользователей сети профессиональными людьми. Это в безкомпьютерной реальности было достаточно беглого взгляда, чтобы определить человека. В Интернете взгляда недостаточно. Пользователи существуют в качестве наборов раздражителей — заявлений и реакций. Они пишут или читают, выкладывают или просматривают. Причем так же человечно, как машины.

Или *почти* так же.

Сначала Всемирную сеть заполнили боты, подражающие людям. А затем и сам человек стал неотличим от бота. Функционал социальных сетей (просмотры, лайки, односложные комментарии на птичьем языке) сужает зазор между личностью и скриптом до полного исчерпания.

Личность редуцируется вслед за усложнением компьютера. Интерфейс новых систем доступен шимпанзе, а их вычислительная способность многократно превышает первые комплексы для полетов в космос.

Массовый человек превращается в пользователя, а затем мутирует в бота, присутствующего в сетевом

мире посредством бесхитростной пульсации сенсорного экрана. Индивид больше ничего не заявляет — только реагирует на сигналы безличного сетевого пространства.

Новое пристанище человека

Дабы окончательно не уподобиться последовательности единиц и нулей, личность вынуждена манифестировать себя, навязывать живое неживому, искать прорехи в герметичном интерфейсе виртуальности.

И эта манифестация всегда связана с протестом. Индивид существует лишь постольку, поскольку не сливается с фоном. Но чем более индивид укореняется в современности, тем меньше у него возможностей заявить о себе, минуя технологии.

Если отбросить чисто утилитарную функцию, Всемирная сеть — место несмолкаемых роптаний по поводу притеснений, угнетения, рабства. Пока *остальные* (пользователи/боты) наслаждаются безграничными возможностями, подаренными технологиями, *настоящие* (личности) манифестируют свое предельное несогласие, свой категорический протест.

В царстве безудержного гедонизма и виртуализации потребностей личность обретает себя в изъятии. Она выпадает из радуги возможностей и пытается сформулировать новые требования к моральному большинству. Протестующая личность, словно неисправная лампочка, грозит вывести из строя всю гирлянду.

Инфицированный комфортом в разветвленной паутине возможностей, человек становится все более чувствительным и нетерпимым. Его выводит из себя любая мелочь. Рукотворный эдем грозит обрушиться от легкого дуновения несвободы.

То здесь, то там раздаются выкрики, нестройные скандирования. Кто-то что-то требует, настаивает на изменениях, отмене или хотя бы пересмотре удушаю-

щих правил. Люди с «оскорбленными чувствами», болезненно ранимые, беспокойные...

В виртуальном рае они — единственные носители *человеческого*. Но их человечность невыносима для *остальных*. Личность заявляет о себе не только кореза социальный фон, но и вычеркивая все прочие личности.

**Месяе, уберите свой нос:
вы сужаете мою свободу!**

Если скрестить пальцы и коснуться кончика носа, то покажется, что нос раздвоился. Схожее ощущение возникает при взгляде на любой активизм, будь то политический, общественный или культурный.

Быть современным, значит быть заметным, то есть перешагивать через расплывчатую максиму о том, что свобода одного заканчивается у кончика носа другого.

У чьего носа заканчивается свобода в мире, где «я» получает право на существование, лишь жая другие «я»? Оно немедленно сольется с фоном, превратится в анонимную точку в континуальной сетке множества, если не попытается навязать себя, свои потребности и свое мировоззрение остальным. Отвоевав свое «я» в мириадах чужих «я».

Концепт свободы, такой соблазнительный в своей невразумительности, все более расплзается. Индивиду, словно скот, втаскивают в будущее (еще более вольное, чем угрюмое настоящее) за кольцо в носу. А если скот недоволен мычит, ему показывают фокус со скрепченными пальцами — нос не один, их много.

Так каким именно кончиком ограничена свобода?

В мире до Интернета ареал гражданина определялся пространством между чужими носами. Виртуальность перевернула все с ног на голову. Теперь свободный человек опирается на чужие носы, словно многоножка на бесчисленные трости. И устремляется к цели, сворачивая эти носы один за другим.

Отныне свобода неотличима от существования, от обнаружения субъектности. Человек появляется только рядом с искореженными физиономиями, которые мешали его манифестации.

Новая личность рождается там, где страдают другие.

Их стонами наполняется Новый Виртуальный Мир.
Еще немного и он лопнет от надрыва.

Рене Адольф Шваллер де Любич
ЗАМЕТКИ О ГЕРМЕТИЗМЕ

Предисловие английского переводчика

Этот текст, опубликованный посмертно, был написан в 1941 году во время пятнадцатилетнего пребывания Рене Шваллера в Египте. Похоже, это личное письмо, адресованное неизвестному получателю (возможно, Александру Вари), которое не было предназначено для публикации. В 2006 году оно появилось во втором томе *La Table d'Emeraude*, собрании личных записей Шваллера, в *Notes et propos inédits* (2005-2006). Перевод, представленный здесь, был завершён в 2010 году и входил в приложение к моей докторской диссертации «Свет, преломленный сквозь призму жизни: Рене Шваллер де Любич и герметическая проблема соли» (Университет Квинсленда, 2011). Примечания редактора были сохранены там, где этого требовала целостность контекста; в прочих случаях комментарии были сведены к минимуму.

Аарон Чик, доктор философии

Предисловие русского переводчика

Данный перевод осуществлён с английской версии текста, с любезного разрешения Аарона Чика, переводчика с французского на английский, которого я благодарю за бескорыстную поддержку. Также я благодарю за помощь Netmolaos, разъяснившего некоторые неясные моменты.

Подобно «Герметической Традиции» Эволы, данная статья является своеобразным «введением в Гермети-

ческую Философию» и представляет ценность прежде всего для тех, кто уже успел увидеть хотя бы краткий отблеск красоты нашей Софии и чьё сердце было уже тронуте ею, но кто находит книги об алхимии, написанные пребывающими вне Традиции авторами, профанацией и псевдозотеризмом, а работы Адептов (представляющие, по выражению Артефия, лабиринт) всё ещё слишком запутанными и туманными. Автор протягивает такому читателю краткий план сего лабиринта, а также несколько ключей от старинных его дверей, за которыми пребывают в заключении вечно юные смыслы.

Кто-либо мог бы указать на компрометирующие политические взгляды де Любича, на небезупречность его биографии, или даже на спорность некоторых его идей. На это мне хочется возразить двумя тезисами: во-первых, безупречным может быть лишь Адепт; во-вторых, это иллюстрация (одна из досадно большого множества) того, что предписание нашей Традиции сохранять предельную анонимность (по выражению Креммерца, «так, чтобы даже ваш домашний кот не знал, чем вы занимаетесь») является далеко не пустым звуком — если, конечно, не считать таковым тот «звук», что рождается между сомкнутыми устами и указательным пальцем Гарпократа. Само понимание слова «герметичность», идущего от сосуда, плотно закрытого печатью (с нанесённым на неё изображением Гермеса), дабы не допустить ускользание тончайшего Меркуриального Духа, должно исключить желание известности у всякого, кто всерьёз задумывается о нашем Искусстве — если, конечно, он не хочет увидеть собственную фотографию в каком-нибудь печатном издании в качестве результата Делания.

*Станислав Киверин,
leongard@protonmail.com*

Возможно, для кого-то это будет представлять интерес — взглянуть на смысл и цель того, что сегодня обычно называется герметизмом или алхимией. Не вдаваясь в арабскую и, бесспорно, более раннюю, египетскую этимологию, слово «алхимия» (в общепринятом смысле) означает средства превращения неблагородных металлов в золото или серебро. К этому также добавляют еще одно, более важное значение: «универсальной панацеи», т.е. средства, способного как победить всё зло, так и омолодить человеческий род (или, по крайней мере, сохранить его здоровье). Ко всем этим чудесам можно добавить то, о чём говорили и сами таинственные алхимики — помимо здоровья, алхимия обещает и средства достижения просветления, или мудрости — ключа ко всем знаниям.

252

Глядя на все эти чудесные возможности, что приписывают алхимии, её можно счесть выражением мечты о рае для несчастного, страдающего человеческого рода, в противовес бесчисленным горестям жизни. С этой точки зрения, нет ничего более жалкого, чем человечество, опустившееся до своего нынешнего состояния, утратившее смысл своего существования, и которое не может поверить в то, что жизнь может иметь смысл, что она объяснима и может поддерживаться лишь в том случае, если есть нечто за пределами людского невежества. Жизнь не имеет смысла; жизнь тела, с присущими ей страданиями, есть сплошная несправедливость; нравственная же жизнь абсурдна — если нет ничего, кроме того, что представлено в нашем повседневном существовании. Убежденность в этом заставляет отправиться на поиски рая: утопии о Философском Камне (если мы соглашаемся называть так результат алхимического Делания).

Я не вижу ничего смешного в этой трагической утрате сознания. Глубоко печально видеть, что так называемая «эволюция» интеллекта, очевидно вполне удовлетворяющая нынешнее человечество, безнадежно материалистична, в худшем смысле этого слова; что человечество довольствуется чисто иллюзорными физи-

ческими и пустыми умственными удовольствиями; что оно более не знает, как мечтать об «утопии». Всё это свидетельствует о том, что обыватель является просто человекообразным животным, скотиной, и, подобно зверю, вполне довольствуется тем, чтобы просто есть и справлять свои телесные потребности.

Совершенная иллюзорность удовольствия от интеллектуальной, литературной или научной деятельности, является всего лишь гипнозом, и все искренние люди рано или поздно будут вынуждены это признать. Это удовольствие имеет значение не большее, чем раскладывание пасьянса; по большому счёту, и то, и другое является просто тратой времени. Но какого — не того ли, что отделяет нас от смерти? Несомненно, именно его. Среди этих игр в самогипноз скрывается бесчисленная тщета: восхищение фальшью силы, богатства или тем, чтобы «быть лучшим в мире». У человека есть желание быть светочем — но для чего, для кого? Разумеется, для тех, кто ниже его самого. Его самолюбию равные не нужны.

Необходимо возродить преданное служение в обучении и воспитании; в самом деле, если устранить тщеславие, зачастую скрытое, то остаётся лишь одна истинная цель, единственно способная дать настоящее, глубокое удовлетворение: отдавать ради отдачи, — «искусство ради искусства». Это и есть лучшее определение «мистицизма», в котором также видно истинно преданное служение, не заботящееся ни о своём вознаграждении, ни о внешнем облике. Интересно заметить, что самая кульминационная в этом «мистическом» смысле эпоха — это тринадцатый век, чье величие жертвы и веры позволили сохранить до наших дней свидетельство того, что нарекли «Философским Камнем» в алхимии, в доктрине, заимствованной от исламских мавров Испании, взявших её из Александрии, последнего осколка Египта эпохи фараонов.

Сегодня уже не вызывает сомнений то, что наука алхимии, известная у греков, как хризогония или хризопея (златоделанье), берёт начало у самых истоков

человеческой истории. Но человечество было околдовано скептической наукой — веком материалистического отрицания — лишь для того, чтобы вновь предаться алхимическим размышлениям (хотя и в более извинительной, скромной и научной форме). Бергло, Томсон, Максвелл, Бор, де Бройль, и другие современные исследователи заняты ничем иным, как поиском секрета трансмутации. Они делают это (тайно и без — Боже упаси! — афиширования) через изучение «строения вещества», основываясь на фактическом или мнимом единстве материи. Время от времени кто-нибудь замечает, что от катодной бомбардировки ртути (hydrargyrum) остались кое-какие следы золота, и все газеты начинают трубить об этом¹⁹. Но что это за сенсация — сообщить, что в результате воздействия излучением от радиоактивных солей был получен литий? Стоит признать: человечество никогда не прекращало искать тайну трансмутации, и самые современные наши ученые, общепризнанные (и высокомерные) стипендиаты в действительности являются замаскированными, стыдящимися алхимиками, не смеющими признаться в своих истинных целях, которые они скрывают под покровом малопонятных математических формул.

К счастью, человечество никогда не теряло ощущение абсурда от бытовой жизни, и всегда стремилось к более высокой и подлинной цели. Люди всё ещё стыдятся выражать надежду на эту цель, поскольку едва только вышли из эпохи, утверждавшей «ничто не создается и ничто не уничтожается», со всеми «материалистическими» выводами из этого. Но сей робкий пубертатный период пройдет, и возродится эра большей мощи, в которой мы вновь решимся смотреть утопии в

¹⁹ В 1924, обрело всемирную известность заявление, опубликованное Адольфом Мите о том, что он нечаянно превратил ртуть в золото, в процессе использования лампы на ртутных парах. В дальнейшем, было обнаружено, что золото уже присутствовало в ртути в виде примеси. (*Здесь и далее в тексте, кроме оговоренных случаев, прим. Аарона Чика.*)

лицо; ибо гораздо более достойно быть утопистом, чем жить и умереть, как животное.

Меж тем, смотрим ли мы с религиозной точки зрения, или с научной, в алхимии нет ничего абсурдного. Рассматриваем ли мы частицы с высокой энергией или божественный акт, это вопрос о первичной точке отсчёта, поэтому, при элементарном анализе, всё сформировано из одной и той же первичной энергетической субстанции. Как следствие, каждую вещь можно превратить в любую другую с помощью самых обычных средств, так как, по логике, меняется лишь форма вещи, а не лежащая в её основе субстанция. Это подобно тому, как все геометрические фигуры могут быть разложены на треугольники (являющиеся простейшими из плоских фигур), и поэтому любая фигура, будучи разложенной на составные треугольники, затем может быть сложена в любую иную. В сущности, вся теория алхимии о том же самом. Этот логически безупречный принцип и является основной причиной того, почему алхимия является наукой, интересующейся вопросом трансмутации.

К примеру, если современный учёный говорит, что ртуть образуется путем группировки протона и тридцати ионов, и что золото образуется из девятнадцати ионов, то перегруппировка этих ионов, извлеченных из ртути, позволит (теоретически) сформировать материю золота^{[1]20}. Можно провести сложные расчеты и определить воздействие, необходимое для разрыва связей в этой конфигурации и создания новой. Но чем это будет — мудростью или глупостью — пытаться осуществить это явление подобным образом? Возможно, алхимик прошлого, совершивший своё «Делание», лишь посмеялся бы над нашими современными учеными. Здравый смысл вполне позволяет нам предпочесть это, пока не будет доказано, что такого удачливого алхимика никогда ещё не существовало. В то

²⁰ Сноски с латинской нумерацией приводятся в конце статьи.

же время, ничто не должно отвратить нас ни от философского исследования смысла и цели алхимической доктрины, ни от попыток выяснить, в какой мере эти искатели заблуждались.

Всегда есть некоторая степень снисходительности в том, как конвенциональная наука в наши дни говорит о древних алхимических учениях, полагая их незнание истинной природы «элементов» (как их называет современная химия) источником их заблуждения. На самом же деле алхимики утверждают, что всё состоит из четырех элементов и определяется различными соотношениями качеств этих элементов. Иными словами, элементы алхимиков не имеют никакого отношения к элементам современной химии, которая называет так объекты, которые в результате механического, химического или энергетического воздействия не могут быть дальше разломлены или расщеплены на отдельные составляющие.

256

Современные теории о строении атома, тем не менее, затуманивают эту концепцию, поскольку полагают, что структуры всех вещей в конечном счете сводятся к трем энергическим аспектам, которые, грубо говоря, можно назвать негативным (или пассивным), положительным (или активным) и нейтральным. Несомненно, такие формы химических тел существуют, однако вместо того, чтобы называть их элементами, следовало бы обозначить их как «простейшие молекулярные химические тела». В действительности же, будучи энергетически составными, они не элементарны.

Алхимики более точны, утверждая, что всё первоначально формируется тремя принципами: один активный (сера), другой пассивный (ртуть) и третий нейтральный (соль). И хотя, чтобы утверждать это, им не было нужды читать или изучать современные научные выводы, забавно отметить, что их учение несравненно древнее. И всё же учение алхимиков подтверждает выводы современной науки в отношении того, что эти принципы неосязаемы сами по себе; это именно принципы, проявляющиеся во всех вещах, и поэтому любая

вещь с необходимостью должна содержать их в себе, чтобы существовать.

Данные принципы определяют четыре отдельные качества, что способны образовать любую вещь, и они группируются как горячие и сухие качества, которые сходны активному состоянию (сульфуру); холодные и влажные качества, сходны пассивному состоянию (ртути); посреднические же качества, горяче-влажные и холодно-сухие, являются смешением частей противоположных качеств, и определенным образом сходны нейтральному состоянию (соли). Далее, сочетание этих четырех качеств порождает различные аспекты доступных для восприятия (или осязаемых) вещей, имеющих отражение (но не свой истинный образ) в четырех состояниях материи, которые мы называем твердым, жидким, газообразным и радиоактивным, и которые алхимики называют землёй, водой, воздухом и огнём.

Их утверждения о том, что существуют горячие, холодные и влажные виды огня, достаточно хорошо свидетельствуют, что элемент земли, например, вовсе не означает твердого состояния. Скорее их элементы характеризуют абсолютные состояния и, в сущности, их земля может быть и текучей, оставаясь при этом землёй из-за преобладающих качеств холода и сухости. Они доходят до того, что утверждают, например, что фермент, сворачивающий молоко, будучи сухим и горячим, осушает влагу или влажность в жидкости посредством коагуляции её в то, что затем станет холодным и сухим, поскольку природа фермента обладает силой совершить это. Теперь, положим, есть горячий и сухой фермент, являющийся чистым огнём (неважно твёрдым или жидким), поскольку он коагулирует металлургическую ртуть в золото; он будет являться особой формой Философского Камня, если отвечает следующим условиям: он должен быть способным иссушать (или коагулировать) влагу, и он должен иметь определённую природу золота, поскольку жёлудь порождает только дуб, но не сосну.

В терминах наших современных представлений, если в металлическую ртуть кто-либо мог ввести протон (т.е. фермент), способный сгруппировать требуемое число ионов золота, то он мог бы коагулировать ртуть в золото. Данное рассуждение корректно и доказывает неопровержимость алхимических аргументов, поскольку вся природа демонстрирует, что нет ни генерации, ни роста без этого фермента, «коагулирующего в свою особую природу» соответствующий питательный элемент. Также, фермент называют семенем.

В подтверждение своих рассуждений, они заключают: такой фермент, который заключал бы в себе все элементарные качества — горячности и сухости, холодности и влажности — будет являться Универсальным Ферментом, или чистым Философским Камнем, поскольку эту чистую соль, из которой путем ферментации можно получить всё что пожелаешь, можно считать Универсальным Лекарством.

258

Данная синтетическая, интегральная концепция, прямо противоположна современной научной ментальности, аналитической и только аналитической. Это та точка, в которой алхимия отличается и отделяется от современной рациональной науки, поскольку в ней, когда всё сказано и приготовлено, чем дальше продвигаешься в практике, тем больше убеждаешься в верности аргументов. Алхимия является философской наукой, ведущей от философии к эксперименту и опыту, и в этом смысле она пребывает в оппозиции к нашей экспериментальной науке, ведущей от экспериментов к гипотезам, которые затем она пытается обобщить. В самом деле, мы — эмпирики, в то время как алхимики, по их собственному свидетельству, философы.

Является ли утопией данное притязание алхимической философии на реализацию такого универсального фермента? Все, что можно сказать: это не абсурд, поскольку рассуждения обоснованы. Однако, между ними и практикой лежит целый мир. Но давайте всё же проследуем по этому пути вслед за Философами.

Коль скоро всё состоит из трёх принципов и четырёх элементов, эти качества могут модифицироваться и в равной мере взаимозаменяться, поэтому одна вещь, в конце концов, может превратиться в другую, и, начнём с того, что её несовершенное качество может быть развито в более совершенное.

Давайте рассмотрим более внимательно, что имеется в виду под совершенством и несовершенством: согласно философам всех времен, включая Пифагора и Платона, совершенство определяется как баланс и полная гармония между всеми элементами композиции. В царстве металлов (наиболее простом из всех, и поэтому, в силу необходимости, являющемся опорой для других), говорят алхимики, золото является наиболее совершенным из тел, потому что ничто не в силах его уничтожить, и время не меняет его. Поистине, это так. Окончательная проверка купелированием позволяет выжить только золоту и серебру, поэтому оба металла зовутся благородными, но лишь золото сохраняет совершенство во времени и при взаимодействии с неблагородными элементами.

Следовательно, развитие от несовершенного к совершенному заключается в приведении всех качеств в равновесие, таким образом, чтобы ни одно из них не преобладало над другими. Это относится к совершенству тел, то есть к тому, что зафиксировано в определённой форме. Совершенство, относящееся к универсальному состоянию, т.е. не фиксированному в определённой форме, будет являться Философским Камнем, а в человеческом состоянии, для христиан или розенкрейцеров, такое совершенство будет являться Христом. В планетарной же системе, оно пребывает в солнце.

Вот почему целью Философов, равно как и алхимиков с мистическими или моральными воззрениями, является совершенство. Когда этим искателям приписывают жажду золота, это явная ошибка, и любое чтение их текстов ясно это демонстрирует. Золото для них не что иное как символ; это демонстрация доктрины, а

не её цель. Очень важно прояснить этот момент, поскольку данное ошибочное воззрение является главной причиной непонимания их философии. Если устранить этот предрассудок, то рассуждения алхимиков, касающиеся строения материи и возможности её изменения (которые, в конце концов, и есть цель атомной теории и науки) являются исключительно верными и корректными.

Чтобы перейти от теории к практике, необходимо столкнуться с языком, который является весьма загадочным и «шокирующим» для научного духа. Начнем с того, алхимики говорят, что власть создания не дана человеку, и что он должен отыскать и добыть себе основу, данную природой, настолько универсальную, насколько это возможно, и что именно с неё следует начинать. Это нечто простейшее, формально также являющееся наиболее несовершенным. Безусловно, было бы бессмысленно приниматься за работу с тем, что уже совершенно. И вот почему необходимо исключить золото; алхимики предельно ясно выражаются по этому поводу.

Под «созданием» же они подразумевают следующее: способность создать три принципа и четыре элемента из ничего. Они утверждают, что в природе существует нечто, что уже имеет их (требуемые принципы и элементы) в себе, и, тем не менее, всё еще пребывает в абсолютно неопределённом состоянии. И снова это должно быть правдой, иначе чем бы ещё природа питала бы себя? В данном случае, говоря об одном только минеральном царстве, абсолютно необходимо чтобы была некая простейшая субстанция, в которой первая или первичная^[1] форма проявляет себя.

В наше время, когда наука утверждает, что всё происходит из энергии, но при этом не может толком определить, что же это такое, она разъяряет этот вопрос не больше, чем Философы. Поэтому мы не имеем права обличать их в мистицизме (в плохом смысле этого слова), или в том, что они просто были любителями таинственности. Определённо, они выражаются яснее

нас, говоря о том, что из этой простейшей субстанции можно сделать влажную или холодную воду (также именуемую «радикальной влагой»), являющуюся универсальным растворителем (*dissolvant universel*) в том смысле, что она может привести все металлы в открытое состояние, то есть в состояние «копи», высвободив при помощи растворения (*Solve*) их составляющие: ртуть, серу и соль.

Но, конечно, чтобы осуществить это, должна быть материя, которая несет или содержит в себе эту абстрактную субстанцию, служащую сосудом, иначе говоря, лоном или желудком, внутри коего она может принять простейшую форму. После того, как она реализована, или сформирована, без *Materia Prima* (также именуемой вторичной), служащей в качестве посредника, уже можно обойтись²¹. Теперь, будучи изолированной, эта новая простейшим образом сформированная материя, заключая в себе все элементарные качества в первичном состоянии, становится *Prima Materia*. И так они играют словами. И это пассаж, ведущий от абстракции к *Prima Materia*, является тем, что они именуют «подвигами Геракла», намекая, тем самым, на различные фазы этой работы, аллегорически описанной в мифе о Геракле²².

²¹ Космополит (Alexandre Sethon) замечает: «Не первая материя, но вторая материя есть искомое, и посредством неё, несомненно, может быть познана первая, и в то же время форму её [второй] нельзя изменить». *Novum Lumen chymicum* (Coloniæ, M.DC.X) 16: “Non prima, sed secunda tantum quærat materia, talis nimirum, quæ simul ac concepta est, in altam mutari formam non potest”; Канселье, *L'alchimie expliquée sur ses textes classiques* (Société Nouvelle издания Pauvert, 1972), 137: «Que soit autant recherché, non pas la première matière, mais la seconde qui est telle, assurément, dès qu'elle a été conçue et ne peut être changée en une autre forme».

²² Геркулесов труд состоит из двенадцати подвигов, которые необходимо реконструировать из множества различных классических источников; (Псевдо-)Аполлодор,

Таким образом, данная реализация повторяет полноту генезиса — в том смысле, что с помощью искусства можно перейти от универсальной абстрактной субстанции, или энергии (Логоса, как её именует Еван-

Bibliothèque 2.5.1-2.5.12, перечисляет их в традиционном порядке:

- убийство Немейского Льва;
- убийство Лернейской Гидры;
- поймка золотой лани Артемиды;
- поймка Эриманфского вепря;
- очистка Авгиевых конюшен в один день;
- убийство стимфалийских птиц;
- поймка Критского быка;
- похищение коней Диомеда;
- получение пояса королевы амазонок;
- похищение коров трёхголового великана Гериона;
- кража Яблок из сада Гесперид;
- поймка Цербера.

Задачам и работам, необходимым для обожествления (ἀποθεώσις), в западной алхимической традиции придавался особый герметический смысл.

262

Блёз де Виженер, в своем *Philostate*, замечает: «Если мы хотим использовать фантазию или поэтическое воображение в натурфилософии, то, как мы уже говорили ранее, в виде Геркулеса изображается не что иное, как Солнце, что своими лучами и своим теплом действует словно стрелами, и убивает Гидру со всеми её заново рождающимися головами, то есть убивает холод, качество присущее воде, из которой рождена сия змея и от которой она берёт своё имя» (*Poeme philosophic de la vérité de la physique minérale* Matton, изд., v 1600, 99); алхимическое описание всех геркулесовых трудов дано в *Œuysement* (и повторно воспроизведено в книге «Геркулес в Алхимии» (Ив Бонфуа и ред. Уэнди Донигер., *Римская и европейская мифологии* 221-3); *Hercules pio-chemicus* Пьера Жана Фабра был обобщён в имеющем огромное значение Словаре Антуана-Жозефа Пернети; подвиги Геракла неоднократно упоминаются и у Силиани, в *Hermès Devoilée*, тексте, который Шваллер упоминает в особой связи с витражным стеклом *oeuvre*, над которым он более двадцати лет работал с Жаном Жульеном Шампанем; сам Фулканелли кратко упоминает подвиги в тексте *Готических Соборов*, как «notre preparation», Нашу подготовку (131-2).

гелие)²³ к её первому конкретному формообразованию, создав своего рода райскую землю, в которой, в предельно простом состоянии, реализуется изначальная жизненная сущность. Здесь мы начинаем касаться космических законов, которые, особенно в данном случае, должны проявить себя в опыте (если человеку будет дано последовать за этим становлением, подобно тому, как химик делает это внутри своей колбы). Именно по этой причине алхимики называют свою работу *grandest Oeuvre*, указывая этим точным выражением — «великое Делание» — на то, что именно они имеют в виду: Вселенную.

Здесь алхимики следуют древней и универсальной доктрине о числах, такой, к примеру, как принесённой Пифагором из Египта. Генезис был работой становления формы из «бесформенного»; это неизменная и постоянная функция. Фазы точно определены и следуют ритму, являющемуся раскрытием закона гармонии, так же как музыкальная гамма выстраивает саму себя из гармоник, явленных в любой ноте. Это позволяет предположить, что, как только верный и изначальный источник приводится в активность, то фазы, времена и изменения выстраивают себя сами, следуя неизменному закону.

Опираясь на это рассуждение, которое философы ставят выше прочих утверждений, происходящих из истинного знания, сам собою возникает вопрос о том, почему же всё не пребывает в состоянии совершенства; почему, по правде говоря, в мире осталось столь

²³ Французское *Verbe* является стандартным переводом греческого *Logos* (Иоанн, 1). Шваллер ссылается в ряде случаев на этот крайне значимый богословский пассаж. Приравнивание Слова или Логоса Христу, предшествующему творению (бытию, генезису), имеет прямые алхимические последствия, и, в самом деле, интеллектуальная история самой первичной триады, *Tria Prima*, почти всегда связаны с христианской концепцией троичности. Несомненно, так было и в случае и Парацельса, и Дорна, и все остальные следовали их примеру.

огромное разнообразие видов несовершенства. Металлы, не являющиеся ни золотом, ни серебром, несовершенны, а совершенство золота и серебра только подчёркивает слабые стороны неблагородных металлов. Ответ на этот вопрос прост, возможно, даже слишком прост: из-за задержек и случайных примесей, образующих различные виды несовершенств.

Возможно ли, чтобы существование примесей и задержек в становлении, присутствовало изначально? На это отвечают: да, примеси и задержки имманентно содержатся в первичной манифестации абстрактной субстанции; метафизическое, или «виртуальное», объяснение в следующем. Первичная или созидаящая причина, которую невозможно описать, но можно обозначить через единицу, неделима и потому непостижима; у неё не было никакой логической причины прекращать своё абсолютное состояние — и вот почему её следует рассматривать как вселенскую волю: бесконечно могущественную с одной стороны, и бесконечно милосердную с другой. Мы сами также происходим из этого источника, и без него не было бы ничего. Вот почему мы не знаем нашего Творца, и, тем не менее это (сознание), является высшей наградой за все усилия.

В данной этической и мистической форме выражена сама функция акта сотворения; она базируется на понимании того, что неразрывное, неделимое единство иррационально, и поэтому заключает в себе природу Необходимости²⁴ для того, чтобы расщепить или разделить саму себя, дабы себя познать; этот процесс даёт рождение числу два — не символу этого числа, но понятию о дуализме. Во все времена религии были ничем иным, как разновидностями теогонической философии, раскрывающими законы генезиса, наряду с мистическими приложениями, открывающими чело-

²⁴ *La Nécessité*, Необходимость, в оригинале выделена жирным курсивом; ср. работу с тем же названием, изданную Ишей Шваллер де Любич, *Aor, sa vie, son oeuvre*.

веческому разуму путь к восстановлению утраченного единства.

Таким образом, хотя алхимические философы были едины в своих целях и принципах, их религиозные выражения варьировались, порой основываясь на единстве (как в Египте), порой на двойственности (как, например, у Шумеров). В результате религиозная аргументация и мораль менялись и адаптировались; тем не менее, общий путь оставался неизменным. Христианство, в свою очередь, основываясь на триединстве, оставляет эзотеризму говорить о переходе от единства к троичности. Таким образом оно обходит стороной критический момент: двойственность, имеющую чисто сексуальный характер; я бы сказал, что сексуальность в природе является проявлением двойственности, присущей самому происхождению всех вещей.

Совершенное, но абстрактное единство порождает двойственность; Иное (в платоновском смысле) обязательно имеет ту же природу [равно противоположных тенденций] и пребывает над ними. Если единство есть добро, то второй принцип дуальности есть зло, но оно наследует природу единства. Изумрудная скрижаль говорит об этом так:

То, что внизу, подобно тому, что вверху, и то, что вверху, подобно тому, что внизу; и это служит созданию одной чудесной вещи²⁵.

²⁵ *Tabula Smaragdina*: “Quod est inferius est sicut quod est superius, et quod est superius est sicut quod est inferius, ad perpetranda miracula rei unius. В основном известна на Западе по латинскому переводу с арабского оригинала (*Kitab Sirr al-Asrar* = *Secretum Secretorum*, с. 1140), в котором он приписывается Аполлонию Тианским. В 1923 году Эрик Джон Холмьярд обнаружил сокращенный вариант Скрижалки в собрании сочинений Джабира ибн Хайяна, и вскоре после этого, еще один вариант был найден Юлиусом Руской (*Kitab Ustūqus al-Uss al-Thani*; *Kitab Sirr al-Khalīqa wa San'at al-Tabi'a*); Холмьярд, «Изумрудный стол,» *Nature*, no. 2814, vol.

По-моему это объяснение грандиозно; столь простое, и вместе с тем столь полное. Чудеса, о которых говорится здесь, есть мир со всем его бесконечным разнообразием, а надежда на совершенство и его ожидание идут с изначальных времён. Христианин мог бы сказать, что Христос пребывал с Отцом во все времена, то есть предсуществовал как Христос в потенциальном состоянии, ещё до своего воплощения. Он есть надежда проявления Христа.

Противопоставленный изначальному единству, хотя и происходящий из него, он есть то, что создаст свет (то, что манифестируется), и он и будет «Люцифером»²⁶, но он создаст свет лишь в борьбе против единства и в этой форме он будет известен у египтян, как страшный Сет, ставший у евреев «Sathan» [sic]; алхимики называют его телесным сульфуром, врагом, который противостоит совершенству, но именно он создаст его в конечном итоге. Не по этой ли причине в народе считается, что черт пахнет серой?

266

Очень многие истины содержатся в афоризмах и поговорках. Возможно, Гёте в Фаусте, лучше всего удалось выразить это понятие обратного действия, вкладывая Мефистофелю слова: «Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»²⁷.

112 (October 6, 1923): 525-6; *Alchemy* (Penguin: Harmondsworth, 1957), 99; Холмьярд утверждает, что наиболее древняя из известных версий Изумрудной Скрижали, вероятно, была переводом с сирийского, самое позднее четвертого века, который, возможно, основывается на ныне утраченном греческом оригинале.

²⁶ Люцифер: буквально «носитель света» (от *lux*, «свет» + *fer*, «нести»).

²⁷ Гете, Фауст:

Ein Teil von jener Kraft, // Die stets das Böse will und stets das Gute schafft.

В пер. Пастернака:

Часть силы той, что без числа // Творит добро, всему желая зла.

Поскольку причины несовершенства, и, следовательно, возможных препятствий или задержек [в процессе становления] выявлены таким образом, то вся подготовительная «Работа» алхимика заключается в устранении этого «зла», то есть примеси, препятствующей окончательному и сознательному воссоединению разделенных элементов. Религия не ищет ничего иного. В этическом смысле, сатана, с его пафосом и кознями, является врагом, которого необходимо одолеть. В египетских терминах, это соответствует борьбе Гора против своего брата Сета.

Повсюду в природе эта двойственность носит сексуальный характер, т.е. пол, который разделяет для того, чтобы воссоединить с целью воспроизведения и продолжения рода. В мистическом смысле, данное продолжение себя с помощью деторождения, является злом, хотя оно вовсе и не кажется таковым влюблённым или буржуазному обществу. Но есть и более глубокий смысл, являющийся более трудным для понимания, и в алхимии он является одним из самых загадочных.

Заимствуя миф об Адаме из «Книги Бытия» Моисея, они утверждают, что необходимости в грехопадении Адама не было. То есть, ему не было нужды противопоставлять себя своей жене Еве. Он мог бы и далее оставаться в божественном состоянии. Слова, помещенные в самые уста «Бога», гласят: «вот, Адам стал как один из Нас... как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно»²⁸. Но, очевидно, в таком случае не было бы никакого деторождения и, следовательно, никакое половое разделение не было бы возможно.

Меж тем, мистический идеал заключается в достижении такого состояния, в котором сексуальность

²⁸ Быт. 3:22-3. Здесь Шваллер резюмирует тему, затронутую им около пятнадцати лет назад в одной из наиболее редких и в то же время спорных работ, *Adam l'homme rouge* (Адам, Красный Человек, 1926).

меркнет, в котором «разделенные души» сливаются в единстве на самом деле, а не посредством коитуса, являющегося скорее симуляцией этого Союза.

Кроме того, алхимики говорят, что высшей целью их Делания является обретение способности «мультипликации» (или порождения) их универсального фермента, стоящей выше способности посредственного увеличения количества (кое является скорее «регенерацией», нежели бесконечным преумножением). Алхимическая мультипликация более не знает смерти; она способна усваивать духовную пищу непосредственно.

Таким образом, подлинное разделение утверждает себя посредством конфликта, отделяющего верхнее от нижнего, проявляющегося как расширение (генезис) и определяющего, таким образом, активное и пассивное. Та часть, что принимает активный или воинственный характер, является серой или семенем, и имеет мужскую природу. Другая часть является пассивной, женской матрицей, она поднимается, в то время как другая часть опускается, и опускающаяся часть несет в себе, как говорится, природу унаследованной двойственности, оппозиции; поэтому, одна эта часть по-прежнему содержит в себе двойную природу: и свет, который был похищен²⁹ (порождённый единицей) и материальность собственной манифестации. Этот падший свет, «заключённый в тюрьму» в Люцифере, является третьим принципом, видимым, но нематериальным, подобно Духу, который пронизывает Отца и Сына в христианстве. Тело, которое заключает в себе этот свет, является солью алхимиков; данный свет есть их истинный, чистый сульфур, в то время как высокий и пассивный элемент является их меркурием, но лишь при помощи своего искусства им удаётся отделить свет от тела, свет, который не может проявиться в силу своей абстрактной природы иначе, кроме как

²⁹ *Lumière emportée* может означать одновременно как свет, который «похитили или забрали» или же «яростный, неистовый» свет.

посредством их меркурия, становящимся носителем (оплодотворенной девственницей).

Вся работа алхимиков заключается в приготовлении такого меркурия, который мог бы осуществить это разделение, поскольку Сет, или Люцифер, надёжно охраняет свою божественную память, заключенную в тюрьму, поскольку без неё он — всего лишь бессильное тело (если не считать силы наделять вещи телесностью). Это история о шкуре Сета^[III], а также львиной шкуре в легенде о Геракле.

После реализации данной троицы формируются все элементы, необходимые для нового и чистого творения. В то же время, это свидетельство проявления тройственной природы в творящем союзе, который, потенциально, триединый.

Некоторые теологи говорят об этом факте в своих рассуждениях об одной единственной первопричине, имеющей три природы, и называя это Богом, или Творцом; это верно, ведь, как мы выяснили, никакое творение невозможно без этих трех принципов, делающих первопричину понятной — потому что без их единства она полностью ускользает от нас и пребывает в состоянии, которое некоторые религии обозначают либо как «Сат», «То, что есть» или, ещё лучше, «Невыразимое».

Поэтому нет творения без разделения, и разделение является функцией, главенствующей над всеми прочими. Подобным образом, алхимическое искусство — это искусство вызывать такое разделение или, точнее, знание того, как отделить «чистое от нечистого», и вот почему немецкие алхимики говорят об алхимии как *Scheide Kunst*, то есть «искусстве разделения»³⁰. Это

³⁰ *Scheiden*, «отделять, разделять»; также: «растворять, расторгать; определяться, различать; отпрапляться»; в химии: «выделять, экстрагировать». Существительное *Scheide* означает «футляр, ножны»; и в вульгарной речи — «вагину». Возможно, что помимо явных значений, здесь присутствует скрытый смысл — тайно намекается на алхимическую Божественную Матрицу.

мистическое Делание, оеувге, является естественным действием жизни во всех вещах, включая человека, оно отделяет чистое от нечистого, вынуждая [их] подниматься и опускаться до того состояния, в котором угасают все противоречия и возникает глубокое осознание души, представляющей из себя союз комплементарных оппозиций. Но этого невозможно достичь без смерти, т.е. разрушения противостоящих сущностей, без уничтожения их формы; потому что форма рождается из противостояния, а противостояние возникает в силу наличия формы. Посему алхимики говорят: никогда не смешивайте вещи в их телесной форме, но лишь их растворенные семена — только в водном состоянии они могут быть смешаны друг с другом столь же совершенно, как вода с водой. Отсюда происходят выражения о том, всё берёт начало в водах, изначальной воде, первичном мировом океане. И из этого же они делают вывод о том, что абстрактная, универсальная субстанция является не имеющей формы водой, и доказательство этого заключается в «Работе», посредством которой абстрактная вода становится, в первую очередь, конкретной водой (являющейся ничем иным, как конденсацией изначальной воды). В другом месте, в Книге Бытия Моисея, говорится о творении с точки зрения разделения вод. Далее наши философы замечают, что, поскольку это вода, то она имеет пассивный характер; это космическая, девственная женственность, и тем не менее, она заключает в себе соответствующее духовное семя, потому что все происходит от него. Таким образом, существует соответствие между понятиями о космическом зачатии Девы (партеногенезом), Логосом из Евангелия от Иоанна, и, как ни странно, представлением наших ученых о чистой энергии.

Таким образом, алхимия представляет собой синтез науки и религии: она является одновременно практической, экспериментальной и философской; метафизика же, формально, составляет теоретическую её часть. Я также утверждаю, что алхимики не просто

философы, и что их претензии на знание того, как перевести собственную философию в практику, доказаны. Очевидно, что это гипотеза, но тем не менее, она столь же приемлема, как и знаменитое утверждение Эйнштейна об относительной вселенной. В ответ на это мне могут возразить, что если бы кто-либо когда-либо и вправду обладал бы этим научным знанием, то благодаря своему влиянию (на экономику, например), он бы изменил мир. И я бы сказал: знали бы мы о том, что мир претерпел изменения, если они были вызваны людьми, никак не заботящимися о том, чтобы стать известными?

Одной из наиболее сбивающих с толку историй является та, где Христофор Колумб открыл — нет, не Америку, иное — один из небольших островов «Вест-Индии», и вернулся с кораблями, нагруженными золотом, так говорят или даже верят, и это ключевой момент в нашей западной истории. Есть и множество иных неясных мест в истории, которые прояснятся, если гипотетически признать реальность алхимической науки. В случае с Древним Египтом, это объяснит избыток золота, с которым там обходились определённо не как с редким материалом. Но всё это не имеет значения; то, что нас здесь интересует — это учение. Для того, кто рассматривает возможность практики, это имеет совершенно иной смысл, нежели для тех, кто удовлетворяется спекулятивными суждениями.

Посредством эффекта, при котором Один становится двумя и тремя (в вышеуказанном смысле), он становится не только познаваемым, но и являет себя нашему пониманию. Но реальность этого Одного будет подтверждена посредством серии контролируемых экспериментов; и так, вы видите, что наделяет учение о числах бесценным значением. Более того, они могли бы подтвердить и религиозные догмы, которые вместо того чтобы быть, как говорят социалисты, суевериями, наоборот, создали бы такую основу для науки и этики, которая бы, на этот раз, значительно изменила мир. Нынешние социалистические теории не стоят и гроша,

если, избавляясь от элемента знания, они подменяют его материалистической наукой. И если доказать ошибочность этой подмены, то рухнет вся их теория, включая, в первую очередь, весь механизм политэкономии. Вслед за этим встанет проблема *raison d'être*, проблема смысла существования человека, который более не просто составляющее коллектив гражданское лицо, но сущность, имеющая независимую от коллективных законов жизнь, и соответствующую реализации личных целей. Прежде всего, это устранил мистическую проблему взаимоотношения между социальным индивидом и духовной иерархией, которая в нынешнее время вызывает социальное уравнивание, поскольку коллективное благо уничтожает интерес к осуществлению личного.

Алхимия утверждает иерархию, основывающуюся на качественном выборе, и адресует себя элите, которая должна озаботиться благополучием масс. Называя себя «Великим Деланием», алхимия помещает всё мирское, что только может соблазнить земного человека, в область суеты, которую следует избегать; и вместо того чтобы предлагать философу-адепту удовольствие материального существования, она побуждает его пренебречь низшим удовлетворением и смотреть выше. Эти увещевания являются не столько моральными советами добрых пастырей, сколько логическими следствиями из всё той же психологии: человек подвержен искушениям лишь потому, что не обладает тем же, чем и философ-адепт, следующий путём алхимии, уже обладает: абсолютно всем, что только можно пожелать — здоровьем, богатством, и светом.

Вечный плач о том, чтоб иметь и опыт, и молодость — не более чем вздор, поскольку молодость (и воспоминания, связанные с ней) является молодостью лишь потому, что живет она иллюзиями, которые опыт низводит до уровня противоречивых иллюзий. Опыт способен взглянуть на человека извне мира сего, оттуда, откуда радости юности кажутся легкомысленными —

такие как, скажем, проходящая мимо красавица; опыт даст знать: полная хитростей!

Но вернемся к нашему главному вопросу, о котором Философы говорят: из Одного сделать два, из двух три, из трех два, и вновь, из двух, Один. Посредством чего этот конечный Один отличает себя от изначально-го Одного? Наш ответ: посредством сознания. Конечный Один по своей природе идентичен исходному абстрактному Одному, но имеет осязаемую форму. Только в этом случае данная форма может постепенно слиться с изначально-м Одним, которым она никогда не переставала быть, но теперь неся с собой обретенное знание о проявлении, самосознание, и, таким образом, полную власть.

Это та проблема, с которой имеет дело христианское откровение, и которую апостол Павел полагает идентичной вечной жертве Мельхиседека³¹. В мире эта работа постоянна, ибо Христос является совершенным Философским Камнем, имеющим полную власть, но не остающимся на земле (в материальной форме). Так, Христос является принципом Философского Камня, принципом, который на уровне материальной формы редуцируется до власти трансмутации — эта форма и остается на земле — и данный принцип образует Камень, на котором зиждется церковь, в соответствии с

³¹ Послание к Евреям, в котором жертва Христа сравнивается с жертвой Мелхиседека (5: 1-10: 18), иногда приписывается Павлу; Мелхиседек выступает как таинственная фигура уже в Талмуде (Быт.14:18-20; Пс.110:4); о нём говорится как о священнике, но не от рода Аарона; разница же в его приношении в жертву хлеба и вина (в отличие от кровавых жертвоприношений), и чем превосхищается, а позже и связывается с жертвой Христа; таким образом, Христос считается священником «чина Мелхиседека», поскольку предлагает, как и Мелхиседек, бескровное таинство (усвоение плоти и крови Христа через таинство пресуществления).

Евангелием³². Именно из-за глубинного понимания этой эзотерической, мистической проблемы, алхимики называли свою Работу, или Материю, человеком — *Esse Homo*³³.

После подготовительной работы, которая может быть уподоблена *hors-d'oeuvres*, закуске³⁴, философы переходят к генерации самого камня, т.е. коагуляции их первичного и содержащего в себе всё раствора, в фиксированную и нерушимую субстанцию: мужское семя и женская среда объединены в ней в одно и более не могут разделиться, в ней всё уравновешенно согласно принципу справедливости, и она известна как постоянная вода, которая должна будет пройти через все естественные фазы генезиса для того, чтобы достичь нерушимой неподвижности, вначале белого цвета, но в итоге — красного. Данные цвета одновременно являются и буквальными, и символическими. Лунный белый цвет обретает принимающая форму субстанция, а солнечный красный цвет имеет придающий форму огонь (сам формы не имеющий).

274

В самом начале, до подготовительной работы (*hors d'oeuvre*) — «красный» и «белый» являются компонентами: хлебом и вином; в конце работы, они становятся «коронами полной славы и полного совершенства» на земле. Вся тайна творения и вся полнота работы обращаются вокруг этой жертвы двух аспектов Одного, вечного и изначального. Этот процесс следует рассматривать именно как жертву, поскольку не было ничего, что обязывало бы изначальную причину снизить в форму, как об этом было ранее сказано, и если человеку даётся власть найти, подчинить и воссоединить

³² К Ефессянам 2:20: «утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем».

³³ Ин 19:5: «се, Человек!»

³⁴ *Hors d'oeuvre*, закуска, в дословном смысле: «вне работы»; в еде — «стартеры», первые блюда, предшествующие основным; в данной аналогии, начальные фазы, приводящие к надлежащей Работе.

нить две стороны изначального, подобно тому как Зигфрид выковыывает из двух частей сломанный меч Нибелунгов, то это явится высочайшим посвящением для воплощенного существа, которого оно только может достичь³⁵. Таким образом, выполнение этой Работы становится священнодействием *par excellence*.

³⁵ Шваллер был весьма увлечён взаимосвязями между германским и герметическим *symbolique*, символизмом. В мече Зигфрида он видит не меньше, чем сущность алхимического опуса: объединение дуальностей, являющихся двумя аспектами, которые предстают в начале Работы, а затем в её конце, при кульминации — это те же два аспекта, но вознесённые до своего апогея. Вневременная природа этих символов вдохновляла его и в последние его годы, как пишет о том Ван ден Брук: «Через несколько месяцев нашего знакомства, он пригласил нас на «Кольцо Нибелунгов» Вагнера в постановке Общества Байройта, проводимое в оперном доме Ниццы в течение трёх вечеров. Это редкое социальное взаимодействие оказалось весьма примечательным, не только сценарием, созданным Аог, который излагал Вагнеровское либретто на языке [египетского Искусства] Фараонов, и о котором мы говорили за несколько дней до оперы. Глубоко запомнился образ его высокой, прямой фигуры, в благородном вечернем облачении, стоящей, или, вернее, возвышающейся посреди модной толпы» (*Al-Kemi*, 46). Сравните данные строки из либретто Вагнера:

*Нотунг! Нотунг! Славный мой меч!
Ты снова вделан в рукоять.
Сломан ты был и скован ты вновь, -
Никто теперь тебя не сломит.
Когда ты сломился в руке отца,
Но сына рукой вновь воскрешен,
Сверкаешь ему лучом
И удар твой грозен опять.
Нотунг! Нотунг! Славный мой меч!
Я жизнь тебе возвращаю;
Мертвым долго ты лежал,
Но светишься ярко теперь;
Ты над злодеем грозно сверкай!
Ложь и коварство смело руби!
Эй, Миме! — Гляди! —
Вот как разит мой меч!*

Алхимики говорят нам, что генезис, или, фактически, «Великое Делание», подразделяется на три великих стадии, хотя некоторые выделяют четыре, тем самым подчёркивая его связь с временами года. Есть фаза Черноты, связываемая с зимой и разрушением, фаза Белизны, уподобленная весеннему воскрешению, отчетливая фаза Желтизны, с присущей ей летним цветением, и фаза Красноты, фаза полной зрелости, что относится к осени. Полагается, что это данное четырехчастное деление идеально соответствует естественной философии, так как все природные циклы делятся на четыре четверти (как, к примеру, лунный цикл), что также связано с символизмом креста.

Алхимические философы утверждают, что всё в природе в своем развитии проходит фазы, эквивалентные росту зерна: когда зерно даёт росток под землёй (черная фаза), когда росток пробивается к свету (белая фаза), когда в цветке созревают семена (жёлтая фаза), и когда образуются плоды, или семена формируются окончательно (красная фаза).

276

Развитие этой философии имеет комплексный характер, потому что стремится выразить и время фаз, то есть сам их временной принцип, и продолжительность их действия в синтетической форме (которая, по их утверждению, согласуется с практикой). В более широком смысле, генезис человека сам является синтезом микрокосма, и образом макрокосма, и служит основой для их определения. Мы обнаруживаем эти числа повсюду и во всех инициатических текстах.

Смерть или разрушение в течение сорока дней потопа — это те же сорок дней Работы в Чёрном, и те же сорок дней конъюнкции семян в человеческой матрице, по истечению которых, согласно теологии римской католической церкви, аборт считается преступлением. Ровно четыре месяца, при которых человеческий эмбрион (foetus) совершает своё первое, присущее жизни движение — то есть четыре раза по четыре недели, или шестнадцать «дней», или две фазы лунного цикла — составляют фазу Работы в Белом, чьё окончание,

выражаясь языком алхимических текстов, соответствует полной луне, уже начинающей убывать. После этого, в течение трех месяцев — это лето, или желтая фаза Работы — рождается цветок; растение уже само по себе закончено, однако ещё не способно к самовоспроизведению. Вот семь месяцев, после которых эмбрион становится жизнеспособным, но он всё ещё не завершён; это также двадцать восемь (шестнадцать плюс трижды четыре) «дней» лунного цикла. И ещё необходимо два месяца, чтобы эмбрион достиг совершенства (абсолютной коагуляции), что, по аналогии, эквивалентно тому как растение производит семя своего вида. И если зима начинается в Рождество, то плоды достигнут полной зрелости в конце сентября, за девять месяцев человеческого эмбрионального развития. После этого цикла приготовления возобновляется в природе. Египтяне начинали свой Зимний сезон (перт) в этот период, а Римская Церковь ставит свой «Адвент» (рождественский пост), или начало своего церковного года, между этим периодом и Рождеством^[IV].

Это краткое, хотя и довольно грубое изложение, являющееся результатом исследования алхимических текстов; здесь представлены лишь контуры, чтобы очертить составляющие доктрины в совокупности. Но рассматриваемые времена и циклы определены здесь намного более точно, чем это может выявить беглое изучение. Даже тех, кто желает изучить эти вопросы беспристрастно, такая согласованность не может не привести в изумление.

Можно было бы сказать, что упомянутые здесь девять месяцев не так уж и соответствуют четырём лунным фазам и четырём сезонам, поскольку существует диспропорция между продолжительностью и регулярностью лунных фаз и временами года. Хотя это верно, алхимиков это не беспокоит; они говорят, что хотя и существует аналогия между фазами и временами, но во временной продолжительности идентичности между ними нет.

Таким образом, для приготовления Философского Меркурия или, выражаясь точнее, Меркурия Философов (первый от искусства, второй от природы) — то есть того Меркурия, о котором я говорил выше как о растворителе (*dissolvent*) Философов^[V], требуется семикратное и девятикратное повторение его воспроизводства. Говорится, что, начиная с третьего и четвертого, он может растворять, «открывать» металлические медь, свинец и олово; с пятого по седьмое он может открывать серебро; а с седьмого по девятое, он открывает золото.

Египтяне говорят, что число Тота или Меркурия, в алхимическом (но не греческом) смысле — восемь, то есть «восемь» закончено в своем совершенстве; но среди этих [числа], девять является числом откровения. Кроме того число семь для алхимиков есть число, заключающее в себе все трансформации. Таким образом, каждый отдельный цикл включает число семь, как, например, каждая из четырёх лунных фаз, включающая в себя семь дней, округлённо. Но только адепт, то есть алхимик «завершивший Делание», мог бы сказать нам, каковы истинные отношения между этими числами и временами на самом деле.

278

Как мы уже видели ранее, фазы, с присущими им функциями, неизменно являются аспектами любого генезиса; он начинается с создания семени (того или иного вида, согласно Моисеевой Книге Бытия), и генезис универсального Семени, согласно Философам, не является исключением.

В первую очередь происходит разрушение формы семени (смерть и переваривание); затем следует вторная коагуляция и отбеливание (росток; отделяется хилус); после этого, созревание (цветение; ферментация белых глобул); и, наконец, зрелость (плод; белые глобулы обретают красный цвет). Я провожу здесь эти параллели в связи с тем, что они соответствуют действительности и облегчают наше следование ходу мыслей алхимиков.

Брахманы делят большой временной цикл на четыре Кальпы; тетрактис Пифагора сформирован на основе четырех чисел, девять из которых окружают одно тайное в центре. Но число четыре также напоминает о четырёх элементах; далее, алхимики говорят, что их Работа является реализацией четырёх элементов, Чёрного, который есть Вода; Белого — Земли; Жёлтого — Воздуха; и Красного — Огня, поскольку фазы производят, в прямом смысле, абсолютные качества элементов.

Теперь рассмотрим, вкратце, общую идею Делания. Вышеописанное является лишь одним из его этапов, так как о выполнении этой тяжелой работы (Геркулесова труда), алхимики говорят как о получении лишь Белого и Красного семени, но не обретении собственно Камня. Затем нужно всё начинать заново, дабы увеличить силу семян. Лишь после этого они будут совершенны и способны к регенерации, причём каждое семя по-своему: Белое для Серебра, Красное для Золота. Затем приходит время для Третьей Работы, о которой я уже достаточно говорил в связи с мистическим аспектом проблемы.

Всё Делание, таким образом, состоит из трёх раз по четыре фазы, или трёх раз по четыре элемента; так, «Оно» становится трижды великим, или Trismegistes. Но четыре фазы являются ключевыми аспектами, на которых основывается классификация. Философы говорят о них как о главных цветах; и есть также промежуточные цвета, являющиеся градациями и вариациями между ними. От черного до белого цвета лежат «хвост павлина», и серый; от белого до красного — зеленый, а вслед за ним оранжево-желтый. Эта последовательность образует путь через «планетарные сферы», обращающиеся вокруг их тайного Солнца, или Камня Делания.

Меркурий является изначальными водами, свинец черный, олово серое, серебро истинно белое, медь зеленая, железо оранжевое, а золото красное; это синонимы Меркурия, Сатурна, Юпитера, Луны, Венеры,

Марса и Солнца, соответственно. Они образуют два класса планет или металлов: лунные (свинец и олово) и солнечные (медь и железо); меркурий же имеет двойную природу. Это определило средневековую символику: Соль, Венера, Марс, Луна и Сатурн, Юпитер, наряду с двойным Меркурием, обозначения которых сохранила астрономия³⁶[VI]. Эти семь «цветов» представляют собой семь факторов Делания, проходящего через четыре (или три раза по четыре) этапа или элемента. Таким образом, подобно зодиаку, работа состоит из четырех элементов, размещённых в двенадцати знаках и управляющих домах семи планет (говоря языком астрологии).

В тех случаях, где говорится о «сезонах» Делания, утверждается что его истинной продолжительностью будет Философский год. Другие говорят, что оканчивают Делание в течение семи дней, или неделю, под-

³⁶ В *Notes et Propos* II, 224, в тексте имеются символы Солнца, Венеры и Марса, а затем серп Луны. Затем следуют два серповидных знака с крестами (которые, подозреваю, могут быть просто неверно истолкованными знаками Сатурна и Юпитера, формируемыми аналогичным образом). Наконец, знак Меркурия приводится с точкой в середине. Я упоминаю об этих моментах здесь, и предлагаю обратиться к оригинальным рукописным заметкам для разъяснения ситуации. Однако, для целей настоящего перевода, я просто следовал логике текста и воспроизвёл планетарные символы так, как они были перечислены в предыдущем случае; этот порядок, по-видимому, передаёт наилучшим образом смысл символов и текста, рассматриваемых совместно как единое целое. Рассматриваемые таким образом, ассоциации Шваллера открывают здесь простую, но весьма глубокую догадку: что солнечные знаки — это те, в которых преобладает круг (солнце), в то время как лунные — те, в которых преобладает серп (луна). Меркурий же, будучи единственным знаком, состоящим и из круга и из серпа, обладает обеими природами. Не считая Меркурия, данная классификация подтверждается различием в блеске металлов: у одних он тёплый (золото, медь, красное железо), у других же (серебра, олова и свинца) он холодный.

разумеваемая, в таком случае, прохождение семи сфер планетной системы. Можно заметить, что их язык «философский», то есть представляет собой «фонетическую кабалу»; необходимо знать, как его расслышать и распознать, а не просто прочесть.

Переноса эти соображения в область физического, Философы говорят, что серебряная и золотая копь никогда не смешиваются и не пересекаются. Невозможно найти и золото и серебро в одной и той же копи; они имеют разное происхождение (хотя Серебро, будучи очень чистым фиксированным Меркурием, может быть развито до Золота).

Металлы, понятые соответствующим образом, рассматриваются как сочетание трех принципов: Сульфура, Меркурия и Соли, и, как утверждают алхимики, с помощью своего меркуриального растворителя они могут «открывать» металлы с легкостью, доказывая тем самым истинность этого утверждения. Основываясь на этом, они предлагают «малые работы» (или просто «частности»), стремясь обнаружить в «вульгарных» металлах принципы Великого Делания.

Арабские алхимики, в частности, оставили несколько трактатов, описывающих «композиции» металлов, в соответствии с которыми Венера или медь весьма богата красной тинктурой, Марс или железо — богат фиксированной солью, а Юпитер или олово, например, содержит в себе довольно чистым меркурий. «Препарируя» металлы таким образом, можно извлечь и использовать наилучшим образом уже воплощённые принципы, а с ними обрести «Камень», или фермент, способный трансмутировать металлы. Что поражает читателя этих текстов, так это постоянный акцент на «вульгарном» характере металлов; они неустанно повторяют, что алхимические металлы, используемые в их Делании, не «вульгарные», но «быстрые» или «живые».

Все добытые в шахтах металлы подвергались плавке, и в соответствии с этим фактом, «мертвы». Поэтому естественно, что их невозможно подвергнуть трансму-

тации. И здесь присутствует один важнейший нюанс их доктрины. Утверждается: каждому металлу, образованному из трех принципов, предназначено по своему происхождению стать серебряным или золотым. Но из-за случайностей или акцидентных причин, эволюция металла внутри копи была остановлена. Таким образом, чтобы дать ему возможность развиваться до состояния серебра или золота, его необходимо оживить, вернуть в состояние, в котором он пребывал в копи; то есть его компонент, или заключенный в нём меркурий, должен быть вновь освобожден; затем фермент сможет коагулировать его, «свернуть» его в золото, в состояние, предназначенное ему изначально.

Это означает, что фермент способен за короткий период осуществить полное эволюционное развитие, которое в природе, как правило, длится слишком долго. В самом деле: мы видим, что воздействие фермента весьма непродолжительно; химическая реакция может произойти мгновенно. Тем самым данная фаза алхимического учения утверждает идентичность между действием фермента и регенерацией. Здесь я различаю генезис (генерацию: от ничто к форме) и регенерацию (эволюцию, начинающуюся с семени). Вызревание плода (растительного ли, животного ли) является регенерацией, но не генезисом.

Таким образом, созревание (или развитие) семени, и его последующее превращение в плод, или продукт, идентичны действию фермента в своей специфической среде. Ничто не мешает нам рассматривать ситуацию таким образом: и зерно в земле, и семя в яйцеклетке — и то и другое даёт свой плод в результате ферментации, или коагуляции специфической (соответствующей меркуриальной) среды, т.е. среды, соответствующей его природе.

В этом случае время или длительность имеют чисто символическое, «нумерологическое» значение, и могут не браться в расчёт при практическом рассмотрении, как в случаях реального развития металлов. Фазы же, напротив, могут существовать; это вопрос качества, а

не продолжительности. Отметим также, что «качествами» алхимики называют цвета отнюдь не только из-за очевидных аспектов.

В действительности, алхимики говорят, что при помощи искусства они за краткое время достигают того, на что природе требуются века. И всё же, что с того? Но природа может достичь лишь совершенной формы; искусство же достигает большего, чем такое совершенство, поскольку фермент — нечто большее, чем то, что его произвело; как Универсальный Фермент, он является совершенством всех вещей.

Данные соображения проливают свет на смысл Первой Работы («тяжкий труд»), как алхимики понимают его и в чём видят его цель: семя содержит в себе две природы, мужскую и женскую; в противном случае оно не могло бы питать себя, действуя в среде (или действуя на среду) сходной ему природы, которая понимается как женская. Поэтому, прежде чем что-либо перейдёт в состояние проявления, оно действует в абстрактном, естественном состоянии, дабы произвести «семя», что и является «Первой Работой» и заключает в себе полноту Великого Делания. Затем такое семя можно регенерировать и оно будет действовать, при том весьма быстро, как «соответствующий» фермент.

«Соответствие» с необходимостью возникает здесь потому, что «Камень», будучи универсальным, адаптирует себя к среде. Когда он принимается человеком, к примеру, то принимается он не для того, чтобы преобразовать человека в золото; камень будет действовать на его животную структуру, в соответствии с собственной органической, животной природой, соответствующей человеческой. Поэтому, в случае с металлами металлов, фермент должен быть приведён в соответствие, или «ориентирован», к металлу. Затем, действуя на расплавленный металл, он мгновенно коагулирует ртуть сего металла, устраняя все его нечистые сульфиды и ртути как окалину (шлак), поскольку, как утверждается, подвергнуться ферментации может лишь ртуть, но не сульфур. Причина же сего в

следующем: Универсальный Фермент является очень чистым сульфуром, свободным от нечистой телесности; поэтому он не может воздействовать на сульфур других металлов (за исключением того, что в золоте), поскольку он чище и совершеннее их, и поскольку лишь он один способен произвести требуемый эффект.

По причине крайней чистоты серы в их ферменте, некоторые философы называют его совершенным и фиксированным ртутью, говоря о том, что золото является просто очень чистым и фиксированным ртутью, из которого был удален или исключен весь нечистый и телесный сера.

Железо является фиксированной солью с очень нечистым сульфуром; ртуть избегает вступать с ним в союз; также и золото отказывается объединяться с этим символом войны. В алхимии к железу, из-за его препятствующих развитию свойств, относятся с особым вниманием, и оно рассматривается как тело, отверженное эволюционной структурой вселенной. В связи с этим, его можно рассматривать как последнее, что остается, когда все остальное было либо разрушено, либо развивалось, что объясняет феномен метеоритов из железа, или из металлов «алхимически» родственной природы, таких как никель, кобальт, хром и так далее. На основе тех же соображений к перечисленным металлам можно было бы добавить платину или ванадий, равно как и иридий, кои состоят преимущественно из чистой или нечистой соли; они прочны и жестки, что несомненно, однако эти качества присутствуют в них в таком избытке, что порождают «несовершенные» и негармоничные тела³⁷.

Так обнаруживается связь между этими соображениями и любопытным названием железа — «душа не-

³⁷ Сравните со сходными замечаниями у Фулканелли, *Обители*, 94: «Фиксированная соль наделяет воинственного Марса жестким, сильным, твердым и прочным телом, из чего он черпает своё благородное великодушие и великую храбрость».

бес» — как его именовали древние египтяне. Можно заметить, что метеоритов вполне достаточно, чтобы объяснить это странное наименование³⁸. Как бы там ни было, их глубокое знание металлов удивляет и позволяет нам задаться вопросами: об их бронзе, свидетельствующей об их умении создавать инструменты, способные обрабатывать гранит и порфир; о кинжале Тутанхамона, сделанном из неокисляемого железа, который, кроме того, символически воспроизведён в кинжале из чистого красного золота, реальном оружии, найденном с мумией. И хотя эти вопросы остаются открытыми, я должен довольствоваться теми вниманием и значением, которые алхимические Философы приписывают сему металлу, столь жестокому и разрушительному в человеческих руках, который, словно бы убегая прочь от «меркуриальной» мягкости, несет в себе огонь битвы и ненависти — губительную магию знаменитого «Сета». Это может стать предметом другого, весьма любопытного исследования, касающе-

³⁸ В египетском восприятии, с железом связаны сверхъестественные силы созвездия Большой Медведицы, *Ursur Major*, которое было известно египтянам как «бедро быка» в (*khepesh*), символ силы и мощи. Это созвездие было также известно как бедро Сета (*khepesh en setesh*), то есть бога, имеющего глубокие ассоциации с железом. У Сета, бога войны и бури, были железные кости; также считалось, что молнии состояли из этого металла. Как таковое, железо не добывалось: оно падало с небес. Вот почему его происхождение виделось как небесное, особенно в случае с упавшими на землю метеоритами, которые, в этой связи, рассматривались как молнии. В Новом Царстве слово *khepesh* стало обозначать ятаган. Роль *khepesh* наиболее значительна в «церемонии открытия глаз и рта» — ритуале оживления, где *khepesh* (вместе с его символическими дополнениями — инструментами, сделанными из железа) использовался для оживления статуй, для возвращения к жизни усопших и создания богов. Короче говоря, считалось, что им оживлялась сила звезд^[VII].

гося соответствия металлов и древних аллегорий, с особым вниманием к божествам и планетам³⁹.

Алхимия представляет из себя синтез всех аспектов мира, жизни и существования. При ином рассмотрении, её изучение станет затруднительным. Она таинственным образом продолжает себя во времени, и те же фразы, что так часто встречаются у средневековых алхимиков, присутствуют и в недавно открытых древнеегипетских текстах. Порой создается впечатление единой нити, соединяющей наиболее далекое прошлое с нашими днями, при помощи письменной или устной традиции, а также народных обычаев.

Возможно, есть лишь одна, не знающая покоя душа, что вновь и вновь перевоплощается среди людей, дабы обрести свое утешение в откровении об истинном смысле её пустой животной жизни, о скрытой цели её несовершенства: что золото стремится к реализации своего царственного предназначения, которое новое обетование — фермент чудесной трансмутации — поможет исполнить, отвергнув шлак из тысячи ошибок, атавизмов и тяжких уз.

Луксор, Рождество, 1941
Москва, Рождество, 2015

³⁹ Шваллер позже написал подобное исследование: «Harmonie, Analogies, Fonctions et Facteurs», который появился посмертно в *Le Miracle Egyptien* (Париж: Flammarion, 1963), 129-57. Это текст, в котором он излагает ключевые моменты алхимической теории цвета, *Farbenlehre*, как это было изложено у Ван ден Брука в *Al-Kemi* (passim). Он также выводит взаимосвязи между египетскими божествами, планетарными металлами (рассматривая их одновременно и как космические, и как минеральные явления), и их эквиваленты в греко-римской мифологии: воинственный Сет, например, тесно связан с железом (как описано в предыдущем примечании), с планетой Марс и богами — Марсом и Аресом.

Примечания русского переводчика

[I] Дюфур-Ковальский упоминает, что в 1930х был очень «моден» электрофорез и вообще явление ионизации. Шваллер пишет в терминах результатов таковой, т.е. ртуть даёт нечетное количество катионов и анионов, и заряд компенсирован «добавочным» протоном.

[II] Употреблено слово «premiere» — можно вспомнить, что среди перечисляемых Пернети имён, которые Адепты давали своей Первоматерии, упоминается и «премьер-министр».

[III] После казни Анубис разрезал шкуру Сета, содрал её и надел на себя. Затем он отправился в святилище Осириса и калёным железом выжег на шкуре Сета свой знак.

[IV] Египтяне делили год на три равные части: ахет — «наводнение» начинался во время, соответствующее нашему июлю; перт — «прорастание» начало в ноябре; шему — «жатва» — период без дождей, начинавшийся в марте. Перт — время, когда Нил входил в свои берега (ноябрь, декабрь, январь, февраль).

[V] Разница между Меркурием Философов, Нашим Меркурием и Философским меркурием — принципиальна; более того, в зависимости от контекста, одним и тем же названием могут обозначаться различные фазовые состояния Материи, а под разными именами, наоборот, скрываются одно и то же. Более подробно — см. работу Глеба Бутузова «Некоторые особенности герметического языка».

[VI] При рассмотрении планетарных символов и соответствующих им металлов следует заметить также, что крест практически всегда означает фиксацию Материи, и это способно прояснить не только природу невульгарных Венеры, Юпитера и Сатурна, но и Сульфура (чей символ есть фиксированный Огонь) и самого Камня (фиксированных Вод). В символе Сатурна, однако, элемент у подножия креста является скорее змеей, нежели лунным серпом; её распятие на кресте (то есть проведение через четыре стихии) и означает окончательную фиксацию меркуриального потока.

Так, в «Книге Авраама Еврея» из «Иероглифических фигур» Фламеля распятая змея символизирует ту же операцию. Также хочется предостеречь читателя от рассмотрения элемента «копья» (в случае с символом Марса) в контексте «Иероглифической монады» Ди, то есть как соединения двух лунных серпов; догадка о рогах Овна также представляется неверной. Данный символ следует рассматривать в связи с символом Солнца, с точкой в центре окружности; и Эвола, в «Герметической традиции», говорящий об операции извлечения «ядра» из «эмбриона» был несравненно ближе к истине, поскольку копье (как и практически любое иное холодное оружие, изображённое на алхимических гравюрах) есть символ Тайного Огня.

[VII] О костях Сета в Текстах Пирамид встречаются, к примеру, такие слова:

«Я чист, беру с собой мои железные (бья) кости, я расправляю свои нетленные члены, которые находятся в чреве Нут...» (Тексты пирамид, 530).

«Мои кости — железо (бья), и мои члены — неугасимые звезды». (Тексты пирамид, 1454).

ЕЩЕ НЕМНОГО ПРО СТРАДАНИЯ

Как известно из классической литературы, до недавнего времени душевные терзания были прерогативой господ знатных или хотя бы состоятельных. Моральное большинство, так называемый простой люд, был их напрочь лишен, трудясь в поте лица. Тяжелая физическая работа до сих пор рассматривается некоторыми специалистами в качестве профилактики переживаний.

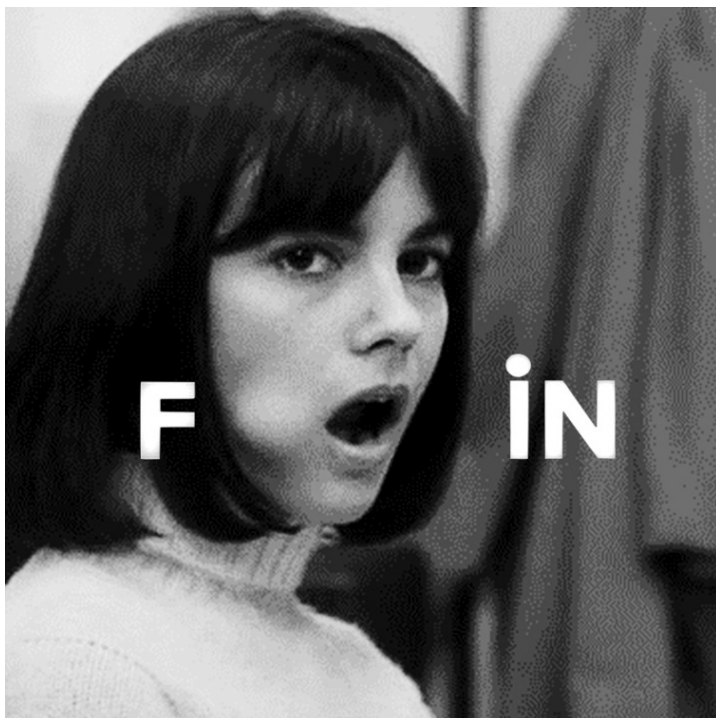
Правда, эти специалисты не учитывают экзистенциального перелома, вызванного в человеке прогрессом, демократией и буржуазными ценностями.

Социально-экономическая эволюция подарила обычному человеку душу. А вместе с душой пришли и душевные терзания, как у старших братьев.

За все приходится платить. Причем самые бесполезные и вредные вещи требуют наибольшего внимания. Плебс, женщины и кошки душ не имели, это совсем недавнее для них изобретение. Теперь душа есть у всех, поэтому и расплачиваться придется всем. Всем вам.

Терзайтесь, счастливики!

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Послание хаоса 4

м и к р о

Борис Березовский. Будто труп, цепенеет рассвет 7

Нестор Пилявский. Черные стихи 14

п р о з а

Вадим Климов.

Мнимые корни разных многочленов 37

Данила Ноздряков. Мальчик и Смерть 42

Дмитрий Николов. Консервы 54

Евгений Долматович. Истории мертвой земли 71

Илья Рывкин. Немеркнувший Восток 93

мертвый текст

Витольд Гомбрович.

Плясун адвоката Крайковского 118

архив

Лозунги мая 1968 130

Ларс фон Триер и Стиг Бьоркман.

Психомобиль №1: Всемирные часы 145

школа трупов

Конрад Гауч. ПРОРЫВ, РАЗДРОБЛЕНИЕ и РАЗГРОМ
РУССКОГО ФРОНТА без УСИЛЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ

АРМИИ и без УВЕЛИЧЕНИЯ РАСХОДА 146

['intevju:]

Рэй Бредбери: “Вся эта политкорректность,
разросшаяся одиозными дебрями
в студенческих кампусах — дерьмо собачье” 161

Света Косогорло.

Интервью с создателями фильма «Пыль» 170

борисельцин

Александр Проханов.

Ельцинское Завтра прошлого тысячелетия 177

vice versa

Вадим Климов.

Подсказки. Страшный суд над литературой 187

extremum

Миша Вербицкий. Хаос и культура подполья 215

Алексей Лапшин.

«Смерть автора» и «демократия объектов»? 240

Вадим Климов. Паутина всемирной истерии 245

Рене Адольф Шваллер де Любич.

Заметки о герметизме 250

ИЗДАНИЯ «ОПУСТОШИТЕЛЯ» МОЖНО КУПИТЬ

в Москве:

Фаланстер Тверская, 17

Ходасевич Покровка, 6

Циолковский Пятницкий переулок, 8с1

Порядок слов в Электротеатре Тверская, 23

Листва Жуковского, 4с1

Гнозис Турчанинов переулок, 4с2

Москва | Тверская, 8с1

Библио-Глобус | Мясницкая, 6/3с1

в Санкт-Петербурге:

Все свободны Некрасова, 23

Порядок слов Набережная реки Фонтанки, 15

Подписные издания Литейный, 57

Свои книги Репина, 41

Фаренгейт 451 Маяковского, 25

Иное кино Невский, 60 (кинотеатр «Аврора»)

Екатеринбург **Йозеф Кнехт** 8 марта, 7

Краснодар **Чарли** Красная, 69

Краснодар **Bookowsky** Рашпилевская, 106

Новосибирск **Открой Рот** Ленина, 8

Ростов-на-Дону **В порядке** Тургеневская, 78

Пермь **Пиотровский** Ленина, 54

Ставрополь **князь МЫШКИН** Космонавтов, 8

Ярославль **Книжная лавка Юрия Швецова** Свердлова, 9

www.opustoshitel.ru

ozon.ru, Читай-город

librabook.com.ua (*Украина*), mybooks.by (*Беларусь*)